

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 2

«Филология»

Москва 1997

ББК 81
Я410

Электронная версия сборника, изданного в 1997 году издательством «Филология» совместно с издательством «Диалог-МГУ».

В электронной версии исправлены замеченные опечатки. Расположение текста на некоторых страницах электронной версии по техническим причинам может не совпадать с расположением того же текста на страницах книжного издания.

При цитировании ссылки на книжное издание обязательны.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: «Филология», 1997. —
Вып. 2. — 124 с.

ISBN 5-7552-0104-8

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: русистика, англистика, богемистика, социолингвистика, лингвокультурология, идиом, корпусные исследования, лексикография

Language - Mind - Communication. Issue 2 / Eds. Krasnykh, V.V.; Izotov, A.I. - Moscow: Philologia, 1997. - 124 p.

The present issue includes articles which consider the most important problems of Russian studies, lingual-cultural studies, sociolinguistics, psycholinguistics and language teaching.

Keywords: Russian studies, English studies, Czech studies, sociolinguistics, psycholinguistics, lingual-cultural studies, idiom, corpus analysis, lexicography.

ББК 81
Я410

ISBN 5-7552-0104-8

© Авторы статей, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистика

<i>Красных В. В.</i> Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований	5
<i>Сорокин Ю. А., Михалева И. М.</i> Цитаты как знаки прецедентных текстов	13
<i>Гудков Д. Б.</i> Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации)	26
<i>Клобуков П. Е.</i> Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций	41
<i>Жданова В.</i> Опыт семантического описания ситуаций со значением причины события или явления в мире неживой природы	48
<i>Го Шуфэнь (КНР)</i> Глагольная модель, обозначающая состояние субъекта	54

Лингводидактика

<i>Клобукова Л. П.</i> Структура языковой личности на разных этапах ее формирования	70
<i>Михалкина И. В.</i> Деловое общение на русском языке в современном социальном контексте	78
<i>Баско Н. В.</i> Национально-культурная семантика в языке делового общения	87
<i>Анисимова Л. В.</i> К проблеме адекватного восприятия агрономических текстов тюркоязычными студентами подготовительных факультетов	99
<i>Рябоконева А. В.</i> Самоучитель иностранного языка как канал опосредованного педагогического общения автора и автолингводидакта	106
<i>Бархударова Е. Л.</i> Вопросы организации преподавания фонетики и интонации русского языка на продвинутом этапе обучения (аудиторная и самостоятельная работа)	115

Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований

© кандидат филологических наук В.В. Красных, 1997

В последнее время пристальное внимание ученых к феномену языковой личности сопровождается и повышенным интересом исследователей к феноменам, которые определяются в научной литературе как прецедентные. Однако сам термин “прецедентный” феномен еще не может быть отнесен к числу однозначно устоявшихся. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть соотношение прецедентных феноменов в рамках концепции научного семинара “Текст и коммуникация” (см., например, [1, 2, 4]), с одной стороны, и феноменов, понимаемых как прецедентные, в трудах других исследователей. Не имея возможности в рамках одной статьи подробно останавливаться на существующих в современной научной литературе терминах и понятиях, сконцентрируем свое внимание лишь на одном из аспектов указанной проблемы.

Итак, в трудах ученых (Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Ю.Е. Прохоров, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрун, И.М. Михалева, Н.Д. Бурвикова и др.) встречаются понятия “прецедентный текст”, “прецедентное высказывание”, “текстовая реминисценция”, “прецедентная текстовая реминисценция”. На наш взгляд, за данными терминами скрываются понятия близкие, зачастую одной природы (хотя и не всегда), но, безусловно, разнопорядковые. Это объясняется, думается, тем, что ключевым словом (и понятием) в данном случае является слово “прецедентный”, которое исследователи понимают и трактуют приблизительно одинаково. Разница касается в первую очередь самих анализируемых феноменов и “степени” (в других терминах — “глубины”) прецедентности.

Так, Ю.Н. Караулов определяет прецедентные тексты как “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [3: 216]. Соответственно, прецедентными текстами для ученого являются цитаты, имена персонажей, названия произведений, а также их авторы. При этом произведения эти могут быть как вербальной, так и невербальной природы. Например, храм Василия Блаженного

тоже может быть определен как текст; отметим, что подобное понимание “текста” встречается и в трудах других ученых: так, Ю.М. Лотман пишет: “*Культура* в целом может рассматриваться как *текст*. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в тексте”. Поскольку само слово “текст” включает в себя этимологию переплетения, мы можем сказать, что таким толкованием мы возвращаем понятию “текст” его исходное значение. Таким образом, само понятие текста подвергается некоторому уточнению. Представление о тексте как о единообразно организованном смысловом пространстве дополняется ссылкой на вторжение разнообразных “случайных” элементов из других текстов” [5: 121-122] (выделено нами — *В.К.*). В данном случае для нас крайне важным оказывается рассуждение ученого о “тексте в тексте”, но вместе с тем мы не можем не обратить внимание и на основополагающий тезис о культуре-тексте. При таком подходе термин “текст” понимается очень широко и, в рамках нашей концепции, теряет свою “терминологичность” (при этом мы не можем не согласиться с тем, что в ряде случаев расширительное толкование какого-либо термина, в том числе и термина “текст”, бывает вполне допустимым и — более того — оправданным, поскольку может не только не нарушать общей стройности и целостности теории, но и способствовать созданию таковой, что и наблюдается, например, в трудах Ю.М. Лотмана). В нашем исследовании “текст” понимается в гораздо более узком смысле.

Несколько иначе трактуют понятие “прецедентного текста” Ю.А. Сорокин и И.М. Михалева: для данных авторов “ПТ — это номены... но следующего характера: это некоторые вербальные микро- и макроединицы (в нашем случае) плана/сценария, указывающие на когнитивно-эмотивные и аксиологические отношения в плане/сценарии, это некоторые избирательные признаки, сопоставляющиеся с другими “заимствованными” и оригинальными признаками для создания “эстетической видимости”/типологического образа”, “это, прежде всего, средства когнитивно-эмотивной и аксиологической фокусировки смысловой массы художественного текста, указывающие на глубину индивидуальной и групповой (социальной) памяти и свидетельствующие о способах художественной “обработки” актуальных для нас вопросов и проблем” [7: 104; 113]. При этом в роли прецедентных текстов выступают также заглавия, цитаты, имена персонажей и имена авторов произведений [7: 104]. Нам, безусловно, близко понимание текста как вербального феномена, во-первых, а во-вторых — трудно не согласиться с положением о том, что прецедентные тексты репрезентируют фрагменты “прецедентного поля” [7: 103], соотносимого некоторым образом (не

прямо — sic!), как нам представляется, с нашими понятиями “когнитивное пространство/когнитивная база”. Однако, как нам думается, прецедентные тексты едва ли могут быть сведены только к текстам художественным и, следовательно, только к проблеме “художественной “обработки” актуальных вопросов и проблем”. Кроме того, предлагаемая авторами система цитат-прецедентов строится на особых основаниях, отличных от тех критериев разбиения прецедентных феноменов, которые предлагаем мы.

Ю.Е. Прохоров, говоря о прецедентных текстах, предлагает ряд уточнений данного понятия: “1) прецедентные тексты есть принадлежность языковой культуры данного этноса, использование которых связано с их реализацией в достаточно стереотипизированной форме в стандартных для данной культуры ситуациях речевого общения: именно в этом случае, являясь принадлежностью прагматикона некоторой этнокультурной языковой личности, прецедентный текст может быть использован в общении, так как подразумевает аналогичное его наличие у другой личности; 2) если сам текст входит в прагматикон личности, совокупность личных деятельностно-коммуникативных потребностей, то его использование в речи связано уже с лингво-когнитивным уровнем, т.е. системой знаний о мире и образа мира, которые реализуются в данной этнокультуре [...]; 3) отсылка к прецедентным текстам имеет как прагматическую направленность, выявляя свойства языковой личности, ее цели, мотивы и установки, ситуативные интенциональности, так и лингво-когнитивную, реализация которой включает личность в речевое общение именно данной культуры на данном языке“ [6: 155-156]. Мы однозначно согласны с Ю.Е. Прохоровым, что, рассматривая прецедентные тексты, мы вольно или невольно выходим на лингво-когнитивный уровень, что сами ПТ, безусловно, принадлежат языковой культуре (в рамках нашей концепции, точнее было бы сказать, что инвариант восприятия ПТ входит в когнитивную базу, а сам ПТ, по видимому, принадлежит национальному культурному пространству), что апеллирование в речи к феноменам такого рода помогает ориентироваться в ситуации общения, проводя идентификацию по шкале “свой/чужой”. Вместе с тем, нам кажутся оправданными и некоторые уточнения и оговорки. Во-первых, сам прецедентный текст, с нашей точки зрения, не может быть использован в речи¹, поскольку “хранится”

¹ Хотя можно предположить, что Ю. Е. Прохоров следует тезису А. Е. Супруна, специально отметившего, что “применение слова *использование* к прецедентным текстам относится скорее всего лишь к сознательному введению воспоминания о таком тексте в новый производимый в данный момент текст” [8: 26-27], однако, на наш взгляд, это может привести к некоторому непониманию и путанице.

в когнитивной базе (и следовательно, в “голове” конкретного члена конкретного национально-лингво-культурного сообщества) в виде инварианта восприятия, т.е. является феноменом скорее когнитивного, нежели собственно лингвистического характера; соответственно, в речи могут употребляться феномены иного плана: прецедентные имена и прецедентные высказывания, — которые могут выступать в качестве символов прецедентных текстов. Во-вторых, и это следует из только что сказанного, так как в когнитивной базе хранится инвариант восприятия прецедентного текста, но не сам прецедентный текст (трудно представить себе человека, помнящего от первого до последнего слова, к примеру, роман “Война и мир”, несомненно, являющийся прецедентным), то, очевидно, апелляция к прецедентному тексту предполагает у собеседника аналогичное наличие не самого текста (поскольку такого — наличия, имеется в виду, — нет), а опять-таки инварианта восприятия.

И наконец, следует остановиться на понятии “текстовые реминисценции” (в терминах А.Е. Супруна) и “прецедентные” текстовые реминисценции” (в терминах Ю.Е. Прохорова). Под текстовыми реминисценциями (ТР) А.Е. Супрун (и вслед за ним — Ю.Е. Прохоров) понимает “осознанные vs неосознанные, точные vs преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста. ТР могут представлять собой цитаты (от целых фрагментов до отдельных словосочетаний), “крылатые слова”, отдельные определенным образом окрашенные слова, включая индивидуальные неологизмы, имена персонажей, названия произведений, имена их авторов, особые коннотации слов и выражений, прямые или косвенные напоминания о ситуациях. При ТР может иметься или отсутствовать разной степени точности отсылка к источнику” [8: 17]. При этом и для А.Е. Супруна, и для Ю.Е. Прохорова текстовые реминисценции суть языковые единицы [8: 25; 6: 157], хотя они и “отличаются от обычных языковых единиц особенностями своей воспроизводимости” [8: 28].

В связи с представленным подходом возникает целый ряд вопросов: во-первых, как соотносятся текстовые реминисценции и наши прецедентные феномены (в частности, прецедентные имена и прецедентные высказывания); во-вторых, единицами чего (языка, как утверждают процитированные только что авторы?) являются рассматриваемые феномены; в-третьих, релевантна ли для рассматриваемых феноменов категория социального/индивидуального.

Но прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, приведем наше понимание прецедентных феноменов (ПФ). Итак, к числу прецедентных мы относим феномены:

- 1) *хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”);* ПФ “хорошо известен всем представителям...” постольку, поскольку последние имеют некий, общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса, национально-детерминированный и минимизированный инвариант его восприятия;
- 2) *актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;*
за ПФ всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей того или иного национально-культурного менталитета, или инвариант его восприятия, который и делает все апелляции к прецедентному феномену “прозрачными”, понятными, коннотативно окрашенными;
- 3) *обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества;*
говоря о постоянной апелляции ПФ (а это является одним из признаков последних), мы имеем в виду, что “возобновляемость” обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть “потенциальной”², т.е. апелляция к нему может и не быть частотной, но в любом случае она будет понятна собеседнику без дополнительной расшифровки и комментария (иначе это будет апелляция не к прецедентному феномену).

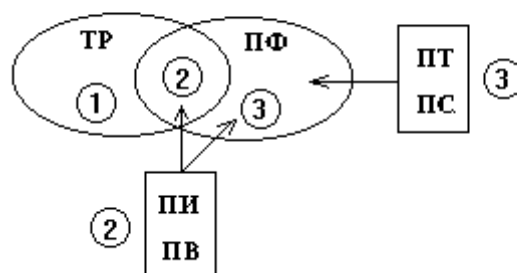
Среди вербальных прецедентных феноменов мы выделяем *собственно вербальные*: прецедентное имя и прецедентное высказывание — и *вербализуемые*, к которым мы относим прецедентный текст и прецедентную ситуацию [1,2].

Итак, как соотносятся между собой текстовые реминисценции и прецедентные феномены. Следует отметить, что к числу ТР А.Е. Супрун относит любые цитаты и ссылки на созданные ранее тексты (например, *На Ваш №...* [8: 19]), независимо от степени их известности другим членам какого-либо социума или национально-лингво-культурного сообщества. Как результат — в одном ряду оказываются феномены различной, подчас принципиально различной, с нашей точки зрения, природы: от официальных ссылок на предшествующее деловое письмо до широко и хорошо известных имен и высказываний (которые мы и называем прецедентными). Таким образом, ТР, по А.Е. Супруну, объединяют следующие феномены (мы будем использовать наши термины): 1) ссылки на

² Однако постоянная (“реальная”) возобновляемость апелляции является *обязательным* признаком прецедентных высказываний.

предшествующий текст (например, документ), не являющийся прецедентным (ни по Ю.Н. Караулову, ни по Ю.А. Сорокину, ни по нашей концепции) (*На Ваш №³...*); 2) цитаты, имена, названия, которые не могут быть признаны прецедентными⁴ (“*локальный комплекс Эммы Боварри*”; *Чувствуешь себя вроде Цинцинната из “Приглашения на казнь”*); 3) индивидуальные неологизмы (которые, именно в силу своей индивидуальности, не могут быть прецедентными); 4) цитаты, имена, названия, используемые для обозначения “денотата” (*Его любимым героем был Атос из “Трех мушкетеров”*); 5) собственно прецедентные феномены: прецедентные тексты и имена. Из сказанного выше следует, что текстовые реминисценции и прецедентные феномены, предлагаемые нами, пересекаются именно на участке прецедентных имен и прецедентных высказываний. Покажем это на схеме⁵.

Схема. Соотношение ТР и ПФ.

Например, ТР = ПИ, восходящие к ПТ: *Обломов, Печорин, Дон Жуан*; ТР = ПИ, связанные с ПС: *Сусанин, Колумб*; ТР = ПВ, восходящие к ПТ: *Каким ты был... таким ты и остался; Нас ждет холодное лето 1994*; ТР = ПВ, связанные с ПС: *Ждем-с!*

Далее, мы считаем, что текстовые реминисценции, — как минимум те, которые представлены прецедентными именами и прецедентными высказываниями, — являются единицами не языка, но дискурса. Как и все прецедентные феномены, они не могут представлять собой

³ Примеры, приводимые в этом абзаце, взяты нами из [8].

⁴ В нашем понимании прецедентного феномена, как элемента *национальной когнитивной базы* [1, 2, 4].

⁵ Сокращения, принятые в схеме: ТР — текстовые реминисценции; ПФ — прецедентные феномены; ПИ — прецедентные имена; ПВ — прецедентные высказывания; ПТ — прецедентные тексты; ПС — прецедентные ситуации.

“индивидуальные неологизмы” и находиться “на грани индивидуального и социального в системе языка и его использовании” [8: 26], ибо “индивидуальность”, “отдельность”, “единичность”, “оппортунизм” оказывается противопоставленной “прецедентности” в нашем понимании (а мы идем вслед за Ю.Н. Карауловым, Ю.А. Сорокиным, Ю.Е. Прохоровым). Кстати, именно поэтому, очевидно, Ю.Е. Прохоров, разграничивая текстовые реминисценции на ТР в структуре отдельной речевой личности и ТР в структуре речевого общения, только последние (т.е. ТР в структуре речевого общения) определяет именно как *прецедентные* текстовые реминисценции [6: 157-158].

Что касается функционирования собственно текстовых реминисценций (если согласиться с их существованием) и прецедентных феноменов, то тут тоже можно найти некоторые различия: ТР, как правило, сопровождаются упоминанием источника или автора (*как говорил...*, *как сказано в...*; более того, такое упоминание может представлять собой краткий рассказ о ситуации или лице); прецедентные же феномены, как правило, подобными ссылками не сопровождаются, т.к., во-первых, подобные ссылки бывают либо не нужны (поскольку и так все понятно), либо не важны (поскольку важно содержание), во-вторых, источник (если таковой был) часто “забывается”, “теряется”, именно в силу своей нерелевантности, и в таком случае прецедентные феномены переходят в число автономных. Если же ссылка все-таки имеет место, то она выполняет не столько “информирующую”, сколько “эстетическую” функцию, поскольку предполагается, что реципиент знает то, что автор специально проговаривает, следовательно, создается эффект иронии. Другой возможной причиной указания на источник может быть и то, что прецедентный феномен “восходит” как бы сразу к нескольким источникам: если он стал автономным и потерял связь с настоящим источником и стал приписываться другим, или если он действительно имеет нескольких “авторов” в силу “параллельного” существования или как результат “цитаты в цитате”, как, например, произошло с известным “*Как хороши, как свежи были розы*”), например: “*Как там у Пушкина... или это не у Пушкина — блажен кто...*” (пример из “Московского комсомольца”).

Вместе с тем нашей концепции созвучна идея о том, что “определенная часть ТР объединяет широкий круг общающихся, иногда практических всех носителей социолекта или всех носителей данного языка” [8: 26] (т.е. носителей коллективного когнитивного пространства или когнитивной базы), при этом “набор прецедентных текстов различен для разных членов социума” [8: 27], если под социумом в данном случае

понимается национально-лингво-культурное сообщество, а тексты относятся к социумно-прецедентным.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 4. С. 106-118.
- [2] *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997. С. 82-103.
- [3] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [4] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1997, № 3. С. 62-75.
- [5] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
- [6] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [7] *Сорокин Ю.А., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 98-117.
- [8] *Супрун А.Е.* Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995, № 6. С.17-29.

Цитаты как знаки прецедентных текстов

© доктор филологических наук Ю. А. Сорокин,
кандидат филологических наук И. М. Михалева 1997

Одним из способов существования прецедентных текстов являются цитаты. Цитаты выделяются в текстах не только формально, но и когнитивно, и эмотивно, позволяя возникать новому смыслу. Иными словами, цитаты могут существовать как автономно, так и быть знаками, указывающими на чужой текст и отсылающими к нему, фокусирующими и расфокусирующими значения/смыслы двух или более сопологающихся текстов.

Цитаты функционально тождественны разнообразным “перефразировкам” чужого текста, являющимся результатом и сознательной, и бессознательной установки автора на структурирование прецедентного поля. Прецедентное поле текста активизирует в сознании реципиента когнитивно-эмотивные и аксиологические структуры, которые формируют смысловое поле текстов культуры, общее и для автора, и для читателя.

Актуализация прецедентного текста в некоторых свертках сигнализирует не только о передаче определенной информации (значения), но и целенаправленном воздействии на процесс понимания и интерпретации текстов, а также указывает на способ организации структурно-смыслового пространства текстов, в которые вводится прецедент. Существуют различные способы включения “текста в текст” (разнообразные формы цитирования)¹.

Цитата в процессе включения во вторичный текст оказывается ориентированной на два текста одновременно, на текст-источник и на “цитирующий” текст. Соотнесение одного текста с другим может быть представлено как соотнесение плана содержания и плана выражения исходного текста с планом содержания и планом выражения “принимающего” текста, что дает возможность описать прецедентную цитату с помощью некоторых признаков, характеризующих механизм ее функционирования в новом контексте, причем этот контекст оказывается семантически более насыщенным и значимым, чем другие фрагменты целостного текста. Эти признаки позволяют квалифицировать текст-

¹ В отношении обсуждаемых проблем особенно перспективной (из-за эlegantной креативности) является книга И. П. Смирнова “Психодиахронология. Психистория русской литературы от романтизма до наших дней” — М., 1994.

прецедент по следующим параметрам: маркированность — немаркированность, эксплицитность — имплицитность, утвердительность — полемичность, контекстуальность — имманентность. Данные признаки характеризуют степень “переводимости” прецедентного текста [Тороп, 1981], оказываясь весьма существенными при анализе связей между текстами.

Признаком маркированности цитата характеризуется в том случае, если в “принимающем” тексте присутствует определенное указание на прецедент, узнаваемый или неузнаваемый, знакомый или незнакомый, но легко выделяемый в тексте и имеющий свои границы. В некоторых случаях прецеденты выделяются и узнаются реципиентом без той или иной отсылки, что зависит от степени известности и хрестоматийности прецедентного текста и от культурного фонда коммуникантов.

Прецедентный текст маркируется, как правило, с помощью следующих признаков-дейксисов, существующих в значимом для коммуникантов материале: имя персонажа, обозначение достаточно известной литературной ситуации, название произведения, устоявшаяся цитата, воспринимаемая как литературный афоризм и др. Такого рода прецеденты являются “схемой” интерпретации данного фрагмента текста и “схемой” восстановления культурного фонда.

Для реципиента является необязательным восстановление всего прецедентного текста, но важными будут те избирательные признаки, которые “замещают” прецедентный текст и сигнализируют о его смысле/значении прецедентного текста (переакцентуации смысла/значения). Например, прецедентный текст Н.В. Гоголя (комедия “Ревизор”) представлен в тексте А.П. Чехова такими дейксисами, как фрагмент цитаты и отсылка к одному из персонажей пьесы: *“Один досужий Шпекин, любивший запускать глазенапа и узнавать, что “новенького в Европе”, составил некоторого рода статистическую табличку, являющуюся драгоценным вкладом в науку”* [Чехов, 1961, т.4: 382]. У Гоголя эта “цитата” представлена в следующем виде: *“Этому не учите, это я делаю не то чтобы из предосторожности, а больше из любопытства: смерть как люблю узнать, что новенького на свете”* [Гоголь, 1972: 35].

Маркированность прецедентного текста может быть и практически нулевой: “Наш романтик скорей сойдет с ума (что, впрочем, очень редко бывает), а плеваться не станет, если другой карьеры у него в виду не имеется, и в толчки его никогда не выгонят, а разве свезут в сумасшедший дом в виде “испанского короля”, да и то если уж он очень с ума сойдет” [Достоевский, 1989, т.3: 485]. Напомним, что испанским королем считал себя Поприщин, герой повести Н.В. Гоголя “Записки сумасшедшего”. В этом случае прецедентный текст “обозначается” с

помощью указания на выделенный признак (“испанский король”), который замещает прецедентный текст и отсылает к нему.

Признак эксплицитности — имплицитности маркирует прецедентный текст с точки зрения выраженности/невыраженности “свернутого” содержания. Если прецедентный текст характеризуется признаком эксплицитности, то знак, с помощью которого представлен прецедент, должен быть выражен в явной форме. Иными словами, прецедент выделяется в “принимающем” тексте как “чужое слово”, эксплицитно представленное в цитате (с отсылкой или без отсылки к исходному тексту).

Имплицитность указывает на взаимодействие прецедентного текста и “цитирующего” текста следующим образом: смысл/значение прецедентного текста (“свернутое содержание”) подразумевается или выражается частично. Например, Ю.М. Лотман отмечает, что поэтический текст может иметь скрытое значение для определенного круга друзей: в частности, “Пушкин несколько раз пользовался как паролем стихотворением Дельвига (“Простимся, братья! Руку в руку!”), позволяющим несколькими словами восстановить в сознании лицейских друзей атмосферу из юности” [Лотман, 1982: 20].

Имплицитность характерна для таких текстов-прецедентов, как скрытые цитаты, парафразы, реминисценции, аллюзии: “Прошло несколько времени. Минский по-прежнему продолжал ревностно заниматься науками с той только разницей, что полчаса его голова наполнялась и другими видениями. Часто в сумерки, на заре, мысли его резвились с удовольствием около каких-то живых идеалов. Иногда представлял он себе ножки, которые приводят нашего Пушкина в такое смущение, иногда эфирный стан, около которого складывается рука, иногда, и всего чаще, русую косу, любимую игрушку своего воображения, иногда...” [Погодин, 1984: 26-27]. (Прецедентный текст отсылает к исходному тексту и обобщенно передает его “свернутое” содержание, которое предполагается известным читателю.)

Признак контекстуальности связан со степенью смысловой и стилистической ориентации авторского (“принимающего”) текста на прецедентный. В этом случае “чужое слово” становится “своим”: “*Неужели все это была мечта — и этот сад, унылый, заброшенный, дикий, с дорожками, заросшими мхом, уединенный, угрюмый, где они так часто ходили вдвоем, надеялись, тосковали, любили друг друга так долго, “так долго и нежно”!*” [Достоевский, 1988, т.2: 172]. (Прецедентная цитата указывает на стихотворение М. Ю. Лермонтова “*Они любили друг друга так долго и нежно*” [Лермонтов, 1973: 83] и “приспосабливается” к смысловой и формально структуре “принимающего” текста.)

Прецедентный текст может также подчиняться авторскому контексту, внося свою смысловую доминанту в “чужой” текст, который “стремится к стиранию границ чужого слова” [Волошинов, 1929: 142]. В качестве примера приведем следующую прецедентную цитату: *“Но я предполагаю, что вы приехали в город безо всякой особенной цели и не имеете ни малейшего желания видеть сквозь видимый миру смех невидимые миру слезы, — вы приехали так себе, ни за чем, либо угоднику поклониться”* [Слепцов, 1986: 32-33]. В исходном тексте (“*Мертвые души*”) этот прецедент носит следующий характер: *“И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущую жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые ему слезы!”* [Гоголь, 1969: 164]. В этом случае прецедентный текст максимально ориентирован на “цитирующий” текст и предметно, и лексически, и синтаксически, и грамматически (прецедент контекстуален).

Текст характеризуется также признаком имманентности, если — независимо от способа включения — прецедент сохраняет свою систему смыслов и коннотаций, актуализация которых зависит от объема “общей памяти культуры”, но зависит от контекста. Такой прецедентный текст может функционировать самостоятельно и независимо от исходного текста и от нового контекста. Например, библейские тексты и цитаты, отсылающие к ним, максимально имманентны в любом окружении (если они, конечно, не пародируются): *“В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог”* [Евангелие от Иоанна].

К имманентным прецедентам относятся также крылатые фразы, литературные афоризмы, пословицы, поговорки, имена мифологических персонажей, героев литературных произведений (“вечные образы”): *“Человек — это звучит гордо”* [Горький], *“Свежо предание, а верится с трудом”* [Грибоедов], *“Быть или не быть — вот в чем вопрос”* [Шекспир]; *Обломов, Отелло, Плюшкин, “Герой нашего времени”, “Горе от ума”* и т.д. Такие прецедентные тексты указывают на культурный фонд представителей различных лингвокультурных общностей и часто “отрываются” от текстов-источников: *“Все смешалось в доме Облонских», — пришло на память наркологу, когда Саманский, недолго думая, начал разговор о сексе вообще, о сексуальной революции в частности”* [Белов, 1987: 20]. Прецедентный текст (цитата из романа Л.Н. Толстого) такого рода существует как самостоятельный текст, как некая формула, указывающая на смысл прецедента и не нуждающаяся в широком контексте. Таким образом, признак контекстуальности — имманентности сигнализирует не только об ориентированности прецедентного текста на

текст-источник и на “цитирующий” текст, но и о степени хрестоматийности, общеизвестности и итеративности прецедентного текста.

В свою очередь *признак утвердительности — полемичности* указывает на диалогическое взаимодействие прецедентного текста и “принимающего” текста — взаимодействие, в процессе которого проявляется разное “отношение” одного высказывания к другому: спор, согласие, неприятие, отрицание “чужой” точки зрения, выраженной в прецедентном тексте.

Прецедентный текст как высказывание (в понимании М.М. Бахтина) предопределяет и эмотивное отношение к нему, существующее в форме текстовой модальности как характеристики положительного и отрицательного отношения к обозначаемому (к прецеденту). В связи с этим целесообразно различать два типа модальности, описывающие взаимодействие прецедентного текста и вторичного текста.

I тип. Принятие и “освоение” чужого текста или, иначе говоря, инкорпорация прецедентного текста в другое смысловое окружение, в результате чего новый текст начинает “работать” как генератор новой информации.

I тип модальности указывает на то, что связь, устанавливаемая между прецедентом и “принимающим” текстом, выражает положительную/утвердительную форму взаимодействия текстов: *“Любопытно, что Петрова, когда была просто мещанкой города Осташкова, то никто об ней не думал; но когда она стала играть, сейчас же явилась толпа поклонников и обожателей, в том числе и офицеров с предложением услуг, но она их всех*

*Отвергла, заперлась
... феей неприступной
И вся искусству предалась
Душою неподкупной”* [Слепцов, 1986: 123].

Прецедентный текст Н.А. Некрасова, являющийся “развернутым образным предикатом”, связан с субъектом действия, существующим в “чужой” речи — в тексте Слепцова. Этот предикат связывает в единое смысловое целое данный фрагмент текста, который противопоставит окружающему контексту и строится на отношениях противопоставления и семантического “напряжения”. Причем прецедент входит в смысловой блок-текст “цитирующего” текста, противопоставленного другому смысловому блоку авторского текста, что позволяет “переключать” смысловые регистры и сигнализировать о совпадении/несовпадении аксиологических установок, выраженных в текстах.

Еще одним прецедентным текстом, относящимся к первому типу, является текст, выполняющий функции “нулевой” цитаты: *“От близкого*

разрыва встало облако кирпичной пыли, и, казалось, за клубился сказочный туман, люди на кровавых грудах кирпича и их оружие в красном тумане стали как в тот грозный день, о котором рассказано в “Слове о полку Игореве”. И неожиданно сердце девушки задрожало от нелепой уверенности, что ее ожидает счастье” [Гроссман, 1987, N 2: 27]. В данном случае использована не прямая цитата, а отсылки к “Слову о полку Игореве”, эмотивное поле которого совпадает с эмоционально-оценочным полем текста В. Гроссмана: *“На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дона Великого!”* [Слово о полку Игореве, 1978: 97].

II тип модальности. “Отчуждение”, отрицание или неприятие цитируемого “чужого” слова. В этом случае текст существует как противопоставление смысловых пространств: “В Дилижан влюбляешься с первого взгляда. И первая мысль влюбившего человека — сюда, только сюда надо приехать исцелять душу. Здесь можно найти покой, мир, тишину, ощутить прелесть вечерних гор, молчаливого леса, шуршащих ручьев. Но ведь это неверно. Не прав был молодой Лермонтов, написав:

... Тогда смиряется души моей тревога...

Ужасна, неугасима тревога человеческой души, ее не успокоишь, от нее не убежишь, перед ней бессильны и тихие сельские закаты, и молодой Дилижан. И вот Лермонтов не успокоил у подножия Машука свою тревогу” [Гроссман, 1988, N 11: 41].

Примером II типа модальности является переосмысление и переоценка поэтических и стилистических принципов того или иного направления в искусстве. В частности, в “Евгении Онегине” отношение А.С. Пушкина к романтической поэтике проявляется в виде авторский “игры” с “чужим текстом”:

*Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысль девы простодушной,
Как сон младенца, как луна,
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайна и вздохов нежных:
Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туману даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоне тишины
Лились его живые слезы;*

*Он пел поблекший жизни цвет
Без малого в восемнадцать лет.*

В этой строфе — сигнале “поэзии” Ленского — переосмысляются романтические штампы, которые “контрастно сопоставлены в последнем стихе с иронически освещающей их авторской речью...” [Лотман, 1983: 185]. Эта цитата воспринималась читателем пушкинской эпохи как цитата, ориентированная на два, как минимум, исходных текста: на “обобщенный” романтический текст и на текст статьи В.К. Кюхельбекера: “У нас все мечта и призрак, все мечта и призрак, все мнится и кажется и чудится, все будто бы, как бы... В особенности же — туман” [Лотман, 1983: 190]. Такое двойное цитирование сигнализирует об амбивалентном наложении точек зрения: прецедентный текст отсылает к комплексу показателей “чужой поэтики”, которые переосмысляются и “не принимаются” поэтикой романа “Евгений Онегин”. Для читателя прошлого века этот прецедентный текст был, по видимому, узнаваем и маркирован, для современного читателя он оказывается значимым лишь в том случае, если ему удастся расшифровать и опознать его.

Таким образом, диалогические взаимодействия между текстами реализуются в форме текстовой модальности, существующей в диапазоне положительного/отрицательного отношения к прецедентному тексту, а эмотивно-аксиологическое поле художественного текста, включающего в свое структурно-смысловое пространство прецеденты, характеризуется повышенной “семантической насыщенностью” [Ларин]. Цитируемый и цитирующий тексты оказываются связанными отношениями противопоставления и сопоставления, дополнения или “сужения” смыслов, иными словами, находятся в оппозитивном или неопозитивном взаимодействии.

Как уже говорилось, цитата является одним из способов существования прецедентного текста и понимается в качестве семиотического знака, имеющего самостоятельный и автономный смысл и отсылающего к исходному тексту; иными словами, цитата замещает те или иные художественные и концептуальные структуры текста или какого-либо его фрагмента.

Позволяет ли не позволяет цитата восстановить прецедентный текст и дать адекватную интерпретацию сверхтексту (гипертексту) зависит, в свою очередь, от степени совпадения тезаурусов автора и читателя, — совпадения, направляющего читательские ассоциации в процессе формирования сложных отношений, возникающих между текстами. Цитирование как “способ индуцирования нужных ассоциаций, нужного настроения” [Пробст, 1981: 18] ориентировано на узнавание прецедент-

ной цитаты и контекста (на распредмечивание апперцептивной базы воспринимающего).

В качестве примера приведем четверостишие из стихотворения И. Северянина “Классические розы”:

*В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны...*

На первый взгляд может показаться, что строка “*Как хороши, как свежи были розы*” отсылает к известному тургеневскому стихотворению в прозе. Однако оно не является исходным цитируемым текстом, но представляет собой цитату второго порядка: эта строка заимствована из стихотворения И. Мятлева “Розы”, написанного в 1834 году:

*Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!*

Это четверостишие, конечно же, противоположно по своей семантико-эмотивной доминанте стихотворению И.С. Тургенева “*Как хороши, как свежи были розы...*”: “*Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жметя и вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный товарищ... Мне холодно... Я зябну... и все они умерли... умерли... Как хороши, как свежи были розы...*”

Цитату можно рассматривать и с точки зрения тождества или различия лексико-грамматических и структурно-семантических особенностей “передаваемого” высказывания, как называет цитату Л. Блумфилд [Блумфилд, 1969]. Совпадение плана выражения и плана содержания двух фрагментов текста позволяет цитате существовать в качестве лексически и грамматически нетрасформированного знака. Такого рода цитаты характеризуются клишированностью, афористичностью, синтаксической сложностью; нередко они “утрачивают” авторство и переходят в фонд крылатых слов и выражений, афоризмов и идиом, пословиц и поговорок, непосредственно связанных с тем или иным художественным текстом. Например, в материалы для паремиологического минимума входят такие цитаты, как “*А ларчик просто открывался*”, “*Как бы чего не вышло*”, “*А Васька слушает да ест*”, “*Суждены нам благие порывы*”, “*Еще одно последнее сказанье, и летопись окончена моя*”, “*Не хочу учиться, хочу жениться*”, “*С чувством, с толком, с расстановкой*” и т.д. [Пермяков, 1971].

Цитаты вариативно связаны с исходным текстом, что свидетельствует о разных уровнях их эволюции: от собственно цитаты до крылатых слов и выражений. Например, прецедентная цитата нередко вводится и оформляется как прямая речь, являясь одним из способов передачи чужой речи, сохраняющей свои лексико-синтаксические особенности и не приспособляющей их к воспринимаемому тексту. В свою очередь, несобственно-прямая речь как форма передачи “чужой речи” представляет собой качественно новое образование, характеризующееся совмещением в нем “чужой” и авторской речи: *“Зарницын, находясь в положении Хлестакова, при тогдашней среде сильно тяготел бы и к хлестаковщине, и к репетитовщине. В эпоху, описываемую в нашем романе, тоже нельзя сказать, чтобы он не тяготел к ним. Но в эту эпоху ни Репетитов не хвастался бы тем, что “шумим, братец, шумим”, ни Иван Александрович не рассказывал бы о тридцати тысячах скачущих курьерах и неудержимой чиновничьей дрожи, начинающейся непосредственно с его появлением в департамент”* [Лесков, 1989, т.4: 178-179]. Данный фрагмент характеризуется тем, что цитата из Грибоедова *“шумим, братец, шумим”* [Грибоедов, 1959: 89] формально инкорпорируется в синтаксическую конструкцию с косвенной речью, но грамматическая форма цитаты не подчиняется структуре авторской речи, сохраняя лексико-грамматические особенности исходного текста. (В цитате не изменена личная форма глагола и не элиминировано обращение (*“братец”*), что является обязательным при переводе прямой речи и косвенную.)

Цитат может быть представлена различными по линейной протяженности и объему фрагментами исходного текста: от законченного смыслового отрывка (высказывание, стихотворная строка или строфа) до слова или словосочетания. Цитата может существовать как семантически, грамматически и пунктуационно целостное образование или вообще не маркироваться языковыми (семиотическими) или семантическими средствами. Цитата может быть парцеллирована, и в этом случае актуализируется лишь ее некоторая смысловая “часть”. Минимальный объем цитаты не разрушает ее.

Цитата может существовать в цитирующем тексте как автономных и независимый, маркированный или немаркированный, эксплицитный или имплицитный фрагмент, однородный или неоднородный с окружающим контекстом. Например: *“Поверьте, чем проще, чем теснее круг, по которому пробегает жизнь, тем лучше; не в том дело, чтобы отыскивать в ней новые стороны, но в том, чтобы все переходы совершались своевременно. “Блажен, кто смолоду был молод...””* [Тургенев, 1963, т.4: 151]. Исходная цитата — *“Блажен, кто смолоду был мо-*

лод...” Пушкинская цитата выделяется кавычками, формально маркирована и эксплицитно выражена, что и позволяет охарактеризовать ее как неоднородную. Связь цитаты с окружающим контекстом — смысловая; формальная связь с авторской речью отсутствует.

Цитата или ее фрагмент могут без изменений включаться в текст и существовать в нем автономно: *“Санин взял записку — как говорится, машинально, — распечатал и прочел. Джемма писала ему, что она весьма беспокоится по поводу известного ему дела и желала бы встретиться с ним тотчас”* [Тургенев, 1966, т. 11: 48]. Исходная цитата — *“Он подал руку ей. Печально (Как говорится, машинально) Татьяна молча оперлась, Головкой томною склонясь”* [Пушкин]. Микроцитата, заимствованная из этого прецедентного текста, существует автономно, не вступая в синтаксические связи с окружающим контекстом, и фиксируется как отдельная смысловая единица скобками. В тургеневский текст она переносится в виде автономной синтагмы и также выделяется пунктуационно. Микрофрагмент этой цитаты может быть охарактеризован как немаркированный, эксплицитный и контекстуальный.

Цитата или ее фрагмент существуют автономно в том случае, если они целостны в формальном и смысловом отношении: *“Мне было тогда лет двадцать пять, — начал он, — дела давно минувших дней, как видите. Я только вырвался на волю и уехал за границу...”* [Тургенев, 1964, т.7]. Кроме смысловых, пушкинская цитата не имеет иных связей с окружающим контекстом и выступает в роли комментария к тексту, в котором она используется. Исходная цитата — *“Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой”* [Пушкин, 1969, т.2: 364].

Цитата может быть фрагментирована, и такую цитату мы рассматриваем как “цитатный” предикат: *“Но вдова-приказничиха сама дорого стоила: она была из тех русских женщин, которая “в беде не сробеет, спасет; коня на скаку остановит, в горящую избу взойдет”, — простая, здравая, трезвомысленная женщина с силою в теле, с отвагою в душе и с нежной способностью любить горячо и верно”* [Лесков, 1989, т.2: 5]. Исходная цитата — *“В игре ее конный не словит, В беде не сробеет — спасет! Коня на скаку остановит, В горящую избу взойдет!”* [Некрасов].

Цитата, существующая как фрагмент исходного текста, может быть представлена атрибутивным словосочетанием, “перенесенным” из текста-источника во вторичный текст. *“Гордость, глупая, фатовская, полная суетности. Мог ли пустой человек протянуть руку примирения, если я знал и видел, что за каждым моим движением следили глаза уездных кумушек и “старух зловецких”? Пусть лучше они осыплют ее насмешливыми взглядами и улыбками, чем разуверятся в “непреклонно-*

сти” моего характера и гордости, которые нравятся во мне глупым женщинам” [Чехов, 1960, т.2: 423-424]. Исходная цитата — “Мучителей толпа, В любви предателей, в вражде неутомимых, Рассказчиков неукротимых, Нескладных умников, лукавых простаков, Старух злобещих, стариков...” [Грибоедов]. Цитата включается в авторский текст без изменений, с сохранением инвертированного порядка слов (атрибутивное словосочетание “уездных кумушек” контрастирует с порядком слов прецедентной цитаты).

В ряде случаев прецедентное субстантивно-атрибутивное словосочетание используется в номинативном ряду в качестве “опорной точки” последующей амплификации: “Стол был сервирован на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы рандеву на этом волшебном празднике. Тут и “шекснинска стерлядь золотая”, и питомец лесов кавказских — фазан, и столь редкая в нашем севере в феврале месяце земляника...”² [Салтыков-Щедрин, 1989, т.8: 320]. Исходная цитата — “Шекснинска стерлядь золотая, Каймак и борщ уже стоят...” [Державин]. (Цитата вводится в ряд однородных словосочетаний, соединенных сочинительной связью, который строится по модели инвертированного порядка слов, “задаваемого” цитатой.)

Цитата, существующая в виде фрагмента, нередко интенсифицирует атрибутивные характеристики и признаки “имени”. В этом случае заимствуются “образные” определения или эпитеты: “Ноябрь в начале. У нас был мороз градусов в одиннадцать: а с ним и гололедица. На мерзлую землю упало в ночь немного сухого снега, и ветер “сухой и острый” подымает и метет по скучным улицам нашего городка и особенно на базарной площади” [Достоевский, 1985: 331]. Исходная цитата — “На ручей, рябой и пестрый, За листком летит листок, И струей, сухой и острой, Набегает холодок” [Некрасов].

“Образное” определение может быть выражено однородным и согласованным прилагательным или причастием: “Нельзя же требовать от каждого, чтобы он тотчас понял бесплодность ума, “кипящего в действии пустом”...” [Тургенев, 1963, т.6: 169]. Исходная цитата — “И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно, С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом” [Пушкин]. При полном лексическом совпадении фрагмента цитаты грамматическая форма прецедента нарушается (изменяется падежная форма фрагмента цитаты), что обусловлено трансформацией формы определяемого слова.

² В цитате сохранена авторская пунктуация.

Фрагмент цитаты, отсылающий к исходному тексту, может также фокусировать внимание на обстоятельственных отношениях: “... *потом переехал в Петербург, вступил в министерство, достиг довольно места и в одну из частных своих поездок по своей казенной надобности вспомнил о своей старинной знакомой и завернул к ней, с намерением отдохнуть от забот служебных “на лоне сельской тишины!”*” [Тургенев, 1963, т.4: 206]. Исходная цитата — “*Я наслаждался дуновеньем В лицо мне веющей весны На лоне сельской тишины!*” [Пушкин].

Цитата-фрагмент указывает на объектные отношения — отношения между действием и его объектом: “... мои домашние обстоятельства потребовали моего возвращения в Россию. Этому я даже обрадовался; я почувствовал влечение, род недуга, увидеть Россию обновленную, мыслящую и серьезную, устроящую самое себя в долготу дней” [Лесков, 1989, т. 5: 73]. Исходная цитата — “*А у меня к тебе влечение, род недуга, Любовь какая-то и страсть...*” [Грибоедов, 1959: 86]. Как и в исходном тексте, в лесковском высказывании немаркированная цитата выполняет функцию прямого дополнения, но дополнение “усложнено” зависимым фрагментом — неоднородным определением.

Итак, во-первых, прецедентный текст, как культурно-аксиологический знак представляет собой целостное, связанное, законченное в смысловом и формально отношении, эмотивное образование. Во-вторых, цитата как один из способов существования прецедентного текста является формой “устоявшегося” смысла, который мигрирует из текста в текст, отсылая к исходному тексту. В-третьих, “механизм” функционирования прецедентной цитаты можно описать с помощью таких шкальных признаков, как маркированность — немаркированность, эксплицитность — имплицитность, контекстуальность — имманентность, утвердительность — полемичность, что дает возможность выявить некоторые модусы “поведения” текста в тексте. В-четвертых, диалогическое взаимодействие между текстами реализуется в форме текстовой модальности. В-пятых, цитата или ее фрагмент может занимать различные семантико-синтаксические “позиции” в авторском тексте: предикатные, объектные, определительные и т.д. В-шестых, цитата и ее фрагмент могут “совпадать” или “не совпадать” с текстом-источником в лексико-грамматическом и структурно-семантическом отношении.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.,
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Белов В. Все впереди. М., 1987.

4. Блумфилд Л. Язык. М., 1968.
5. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929.
6. Гоголь Н.В. Ревизор. М., 1972.
7. Гоголь Н.В. Мертвые души. М., 1969.
8. Гроссман В. Жизнь и судьба // Октябрь. 1988. №№ 1-4.
9. Гроссман В. Добро Вам // Знамя. 1988, № 11.
10. Грибоедов А.С. Сочинения. М.-Л., 1959.
11. Державин Г. Алмазна сыплется гора. М., 1972.
12. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. М., 1985.
13. Достоевский Ф.М. Белые ночи. Собр. соч. в 15-ти тт. Л., 1988. Т.2.
14. Достоевский Ф.М. Петербургские сновидения в стихах и прозе. Собр. соч. в 15-ти тт. Л., 1988. Т. 3
15. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Выпуск VIII. Лингвистика текста.
16. Крылов И.А. Басни. М., 1984.
17. Лермонтов М.Ю. Поэзия. М., 1973.
18. Лесков Н.С. Однодум. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 2.
19. Лесков Н.С. Некуда. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 4.
20. Лесков Н.С. Смех и горе. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 5.
21. Лесков Н.С. Святочные рассказы. Собр. соч. в 12-ти тт. М., 1982. Т. 7.
22. Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: пособие для учащихся. Л., 1982.
23. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин". Комментарий: пособие для учащихся. Л., 1983.
24. Некрасов Н.А. Избр. произв. в 2-х тт. М., 1965.
25. Пермяков Г.Л. Паремнологический эксперимент. Материалы паремнологического минимума. М., 1971.
26. Погодин М.П. Повести. Драма. М., 1984.
27. Пробст М.А. Текст в системах коммуникации // Проблемы структурной лингвистики 1979. М., 1981. С.5-16.
28. Пушкин А.С. Стихотворения. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1969. Т. 1.
29. Пушкин А.С. Евгений Онегин. Собр. соч. в 6-ти тт. М., 1969. Т. 4.
30. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия. Собр. соч. в 10-ти тт. М., 1988. Т. 8.
31. Слепцов В.А. Письма об Осташкове // Проза. М., 1986. С.19-137.
32. Слово о полку Игореве // Пламенное слово: Проза и поэзия Древней Руси. М., 1978. С. 95-103.

Для чего мы говорим? (К проблеме ритуала и прецедента в коммуникации)

© кандидат филологических наук Д. Б. Гудков, 1997

Вопрос, вынесенный в заголовок настоящей статьи, представляется, с одной стороны, весьма простым, а с другой — чрезвычайно сложным и запутанным. Ответить на него — значит предложить классификацию речевых актов, охватывающую все случаи использования языка. Предложить подобную классификацию до настоящего времени, насколько нам известно, не удавалось никому¹.

Изменим несколько поставленный вопрос: с какой целью люди вступают в общение? Для того, чтобы сообщить друг другу что-либо, обменяться информацией — вот, вероятно, первый ответ, который приходит в голову. Одним из простейших типов минимального диалогического единства является последовательный обмен информацией, которая представляется говорящему новой для собеседника. Например:

А. *Этим летом мы отдыхали в Турции. Там замечательные пляжи.*

Б. *А я был в Бельгии. Там прекрасное пиво.*

Другим простейшим случаем является диалог, построенный по схеме “запрос информации — сообщение информации”:

А. *Сколько сейчас времени?*

Б. *Половина седьмого.*

Многочисленные случаи диалогических единств самого разного объема представляют собой комбинацию двух перечисленных типов. Кроме этого, существует большое количество коммуникативных актов, детально изучаемых в ТРА, при осуществлении которых говорящий, произнося слова, совершает определенное действие. Их принято называть перформативами. Высказывание при этом есть действие — приказ, принятие на себя определенных обязательств и т.д. (см. “классические” классификации подобных актов у Остина [14] и Серля [18]).

Указанные типы, вероятно относятся к числу “ядерных” типов коммуникативных актов и подробно изучаются различными научными

¹ Данная проблема была поставлена, например, М. М. Бахтиным, указывавшем на необходимость выделения и описания речевых жанров, т.е. типов высказываний [1]. Будучи полностью согласны с основными положениями указанной работы, заметим, что мы в дальнейшем будем рассматривать сходную проблему в несколько ином аспекте.

дисциплинами. Существуют, однако, речевые акты, которые невозможно отнести ни к одному из указанных типов, т.е. при произнесении определенного высказывания, обращенного к собеседнику, говорящий не совершает действия (в понимании последнего в ТРА), не запрашивает информацию и не сообщает новой информации. Количество подобных актов достаточно велико в нашем речевом поведении и принадлежат они к различным типам. Рассмотрим один пример.

- (1) А. *Hi, how are you?*
В. *Hi, how are you?*

Перед нами типичный обмен приветствиями представителей, например, американского лингво-культурного сообщества (ЛКС). По форме А обращается к В с запросом информации, В не отвечает, но сам задает вопрос, на который не ждет ответа, более того, подробный ответ на вопрос любого из коммуникантов в данном случае ведет к нарушению правил коммуникации и коммуникативной неудаче². Мы видим обмен репликами, лишенными какого-либо языкового содержания, важным оказывается не значение высказывания, но сам факт его произнесения (возможно, и манера произнесения, т.е. такие суперсегментные характеристики, как интонация, регистр и др., а также невербальные средства коммуникации — мимика, жест и др.).

Рассмотрим еще один пример.

(2) *На международной конференции славистов в одной из стран Западной Европы наш коллега из Украины произнес свой доклад на украинском языке. Рабочими языками конференции, помимо английского, были объявлены все славянские, но большинство участников (в том числе из стран Западной и Восточной Европы) предпочли выступить по-русски, т.к. этим языком владели практически все слависты. Автор упомянутого доклада, сознавая, что содержание его сообщения останется недоступно подавляющему большинству слушателей, не владевшего украинским языком, предпочел выступить по-украински, а не по-русски, хотя русский язык он, конечно, знал в совершенстве.*

Данный случай использования языка существенно отличается от первого рассмотренного нами, но их объединяет одна существенная

² Этот случай отличается от обмена вопросами без ответов в косвенных речевых актах (о них см. ниже), например:

А. *Почему ты не снял ботинки?* (= Я делаю тебе замечание за то, что ты не снял ботинки)

Б. *А почему твои вещи разбросаны по всей квартире?* (= Ты не имеешь права делать мне замечания, т.к. сам(-а) не отличаешься аккуратностью)

черта: и в том и в другом случае высказывание оказывается асемантическим, если рассматривать его как речевой акт, который может интерпретироваться по языковым законам, важным является сам факт произнесения подобного высказывания, но не его содержание. Если рассматривать высказывание не как сумму знаков, но как сложный знак, то необходимо признать резкий разрыв означаемого и означающего, невыводимость смысла производства высказывания из его значения.

Разрыв поверхностного значения высказывания и его смысла, или, по словам Дж.Р. Серля, “значения высказывания говорящего” и “значения предложения” [19, с.195], можно наблюдать и в косвенных речевых актах, на которых остановимся несколько подробнее.

Дж.Р. Серль называет косвенными речевыми актами “те случаи, когда один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого” [19, с.196]. “В косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего” [19, с.197]. В косвенных речевых актах значение и смысл высказывания существенно расходятся. Слушатель должен восстановить смысл высказывания, а следовательно, и намерения говорящего, опираясь на определенные процедуры. Рассмотрим в качестве примера (3) высказывание *Я твой отец!*, которое всегда выступает как косвенный речевой акт (за исключением совершенно мелодраматических ситуаций, встречающихся в латиноамериканских телесериалах, но не в реальной жизни); оно нарушает один из коммуникативных постулатов Грайса, сообщая явно избыточную информацию. Смысл, передаваемый посредством этого высказывания, может быть различным, но он легко восстанавливается реципиентом из контекста и ситуации: *Я имею право делать тебе замечания; Я люблю тебя; Ты должен слушаться меня* и т.д. и т.п.

В данном случае мы наблюдаем разрыв означающего (формы высказывания) и означаемого (его содержания). Прямое декодирование высказывания по законам языковой семантики ведет либо к абсурду, либо к созданию комического эффекта, либо к нарушению коммуникации (любой из этих вариантов не исключает остальных). Рассмотрим несколько примеров (мы при этом сознательно не поднимаем вопрос об искренности/неискренности коммуникантов).

(4) В к/ф “*Ты и я*” герой, роль которого исполняет Ю. Визбор, на вопрос пробегающего по коридору сослуживца: “Привет, как дела?” —

начинает подробно рассказывать о всех накопившихся у него проблемах, что вызывает явное неудовольствие и удивление его собеседника.

(5) Мальчик звонит на работу матери и просит позвать ее к телефону. Ему отвечают: “Ее нет, позвоните, пожалуйста, через час”. “Ладно”, — отвечает мальчик и вешает трубку. На совет он реагирует как на просьбу, т.е. воспринимает форму высказывания, но не понимает его смысл.

(6) Хрестоматийный диалог Воланда и буфетчика из романа “Мастер и Маргарита”:

- (...) Свежесть бывает только одна — первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!

- Я извиняюсь... — начал было буфетчик (...).

- Извинить не могу.

Все эти примеры характеризуются тем, что прямое восприятие приведенных высказываний (понимание их как высказываний, в которых значение равно смыслу) ведет к коммуникативному сбою.

Однако использование в приведенных примерах высказываний, смысл которых не может быть сведен к поверхностному значению (“значению предложения”) вряд ли можно назвать косвенным речевым актом. С последним их роднит разрыв означаемого и означающего, конвенциональность, обязательность определенных процедур при декодировании, но существенное отличие состоит в том, что при восприятии смысла косвенного речевого акта реципиент опирается, прежде всего, на языковые и речевые законы — семантику языковых единиц, правила коммуникации и др. (с привлечением, конечно, определенных фоновых знаний), смысл же произнесения высказываний, приведенных в примерах (1), (2), (4), (5), (6) не может анализироваться по законам языка и вербальной коммуникации. Условно говоря, смысл косвенных речевых актов “лингвистичен”, а указанных примеров “экстралингвистичен”. Так, обмен репликами типа *Привет! Как дела?* не несет никакой информации, собеседники просто обмениваются “поглаживаниями” (термин Э. Берна [2,с.27]), демонстрируя свое отношение друг к другу. При произнесении подобных высказываний говорящий крайне ограничен в свободе выбора содержания и формы высказывания, порядке следования определенных высказываний, отступление от строгой процедуры ведет к коммуникативному сбою. Назовем подобное использование языка “ритуальным”. Остановимся на последнем термине подробнее.

Мы согласны с Э. Берном, который писал: “(...) Мы называем ритуалом стереотипную серию простых дополнительных трансакций, заданных внешними социальными факторами. Неформальный ритуал (например, прощание) в разных местностях может отличаться рядом деталей, однако, в основе своей он неизменен. Формальные ритуалы (например, католическая литургия) характеризуются гораздо меньшей свободой. (...) По мере того, как шло время и менялись обстоятельства, многие из них [формальных ритуалов — Д.Г.] потеряли какое-либо значение как процедуры и превратились в символ лояльности” [2, с.26]. “Существенной особенностью и процедур и ритуалов мы считаем то, что они стереотипны. Как только произошла первая трансакция, все остальные в серии становятся предсказуемыми. А порядок их известен заранее. Результат последовательности трансакций также предопределен, если, конечно, не случается что-то непредвиденное” [2, с.29].

Э. Берн, говоря о ритуале, не ограничивается сферой языка и речи, мы же сконцентрируем свое внимание лишь на вербальных ритуалах. Ритуал как поведение, исключая личностную свободу участников, противостоит поступку. Под поступком мы предлагаем понимать “такое поведение, которое допускает неоднозначность в оценочной интерпретации” [15, с.20]. Поступок есть “индивидуально сознательное действие” [16, с.151], предполагающее свободу выбора личности и принятие ей на себя ответственности за это действие. Ритуалом же назовем “всякое традиционное стереотипное поведение, при котором индивид действует по некоторым нормам и правилам, выработанным и санкционируемым определенным социумом, отказываясь от свободы выбора формы и содержания своего поступка” [16, с.151].

Возвращаясь к сопоставлению ритуалов и косвенных речевых актов, заметим, что последние, как правило, принадлежат к поступкам, и остановимся на еще одном существенном различии между первыми и вторыми. В косвенном речевом акте говорящий при помощи некоторого значения передает определенный смысл, рассчитывая, что слушающий сможет декодировать высказывание, воспринять смысл и понять намерение говорящего, т.е. при произнесении высказывания предполагается “активная роль другого”, о чем писал М.М. Бахтин³ [1, с.248]. Подобная

³ М. М. Бахтин: “Слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет, применяет ее, готовится к исполнению и т.п. (...) Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер” [1, с.246].

активная роль реципиента практически исключается при ритуальном использовании языка, т.к. голая форма, лишенная языкового содержания, соответственно, и не предполагает декодирования высказывания с целью извлечения этого содержания. Речь идет, например, о таких высказываниях, как обращение к съезду партии 15-20 лет назад, напутственная речь, обращенная к новобрачным работником загса и другие дежурные выступления, когда важным оказывается лишь сам факт произведения высказывания, но ни говорящим, как правило, ни реципиентами не предполагается его семантическое наполнение. Рассмотрим следующие примеры.

(7) *Над одним из корпусов МГУ, в котором учился автор данной работы, висел огромный лозунг. Я видел его на протяжении многих лет практически ежедневно, но совершенно не помню его содержания, кажется, там фигурировало слово “коммунизм”. Проведя пилотажный опрос своих коллег, я выяснил, что практически все они помнят, что лозунг был, но никто из них не мог сказать, что же именно там было написано.*

(8) *В качестве другого примера приведем известное стихотворение А. Галича “О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира”, в котором рассказывается о том, как рабочий-передовик, зачитывая с пафосом текст, переданный ему работником обкома, произносит следующие слова:*

*Израильская, — говорю, — военицина
Известная всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женицина
Требую их к ответу!*

Клим Петрович с ужасом понимает, что “пижон-порученец перепутал в суматохе бумажки!” Однако никто из слушателей даже не замечает этого:

*И не знаю — продолжать или кончить,
В зале вроде ни смешочков, ни вою...
Первый тоже, вижу, рожки не корчит,
А кивает мне своей головою!⁴*

В последнем примере мы, конечно, имеем дело с литературным произведением, в котором отмеченная особенность речевого поведения подвергается сатирическому заострению, гиперболизации, но для нас важно то, что автор стихотворения четко указал, что для данного рече-

⁴ А. Галич. Избр. стихотворения. М. 1989. С.153-154.

вого жанра в указанной типовой ситуации практически неактуальным оказывается содержание речи, важным является лишь ее “общее направление”, выражаемое с помощью мелодического контура (достаточно жестко заданного) и некоторых слов-сигналов.

Подчеркнем еще раз, что форма ритуальных высказываний оказывается “пуста”, содержание их не может анализироваться по законам языковой семантики, смысл их оказывается экстралингвистичным, а сами высказывания — неденотативными. Производя подобное высказывание, говорящий “метит” свою позицию, означивая подобным образом принадлежность к определенному социуму, место в социальной иерархии⁵, свою лояльность и идеологическую позицию. Автор высказывания в таких случаях лишен свободы выбора как содержания, так и формы высказывания, в всяком случае выбор этот предельно сужен до нескольких стандартных, стереотипизированных вариантов⁶. Интересно, что даже незначительное отступление от этих стандартов приводит к “возрождению” языкового содержания через “возрождение” значения тех единиц, которые формируют высказывание. В этом случае ритуал превращается в поступок и именно в качестве последнего воспринимается реципиентами, а само высказывание (форма) обретает свое означаемое (содержание). Приведем один характерный пример (об этом случае рассказал Ю.Е. Прохоров).

(9) Во время международной встречи представитель России выступал с обстоятельным докладом, который пытался произнести в максимально быстром темпе. Переводчик-синхронист никак не мог угнаться за ним, несмотря на все усилия, слушатели, давно упустив нить рассуждений докладчика, вежливо ждали окончания затянувшегося выступления. В это время в их наушниках прозвучал голос совершенно потерявшего контроль над ситуацией переводчика: “Ж...! Я не успеваю”. Слушатели мгновенно “очнулись”, сразу с интересом стали слушать произносимую речь (вернее, ее перевод), которая на какое-то время оказалась для них наполненной смыслом.

При ритуальном использовании языка почти на нет сводится личностное поведение коммуникантов, их личностный выбор. Они могут лишь выбирать — участвовать им в ритуале или нет. Приняв решение участвовать, они оказываются жестко ограничены в выборе содержания и формы своих высказываний. Так, на официальное приветствие возмо-

⁵ Можно вспомнить огромное значение, которое придавалось тому, кто будет произносить речь на похоронах очередного генсека в советские времена.

⁶ Вспомним краткий словарь для журналистов Остапа Бендера.

жен лишь ответ *Здравствуйте! Добрый день (утро, вечер)!*; при подготовке речи приветствия Съезду автор более свободен в выборе и композиции единиц, но свобода эта мнимая, так как количество вариантов жестко ограничено, обязательным оказывается употребление таких сигналов, как *ленинская партия, коммунизм, лично тов. ...* и др.⁷. Заданным оказывается даже общий интонационный рисунок высказывания.

Легко заметить, что лингво-культурное сообщество далеко не во всех случаях санкционирует личностное поведение индивида. В связи с этим необходимо коротко остановиться на одном из аспектах культуры⁸. В литературе уже неоднократно отмечался амбивалентный характер бытования культуры в обществе, культуру, с одной стороны, можно рассматривать с точки зрения “философии культивирования индивидуальных сил и способностей человека” [7, с.136], а с другой — под культурой понимают определенные формы социального взаимодействия. Иными словами, культура может пониматься как определенная форма общественного бытия людей и как форма присвоения личностью коллективного опыта. Культура может служить для “самодетерминации индивида в горизонте личности [3, с.289], но она также ограничивает “свободу маневра” этой личности в культурном пространстве определенного социума. Позволим себе высказать предположение, что в последнее время в силу различных обстоятельств (в их числе — наличие мощных технических средств влияния общества на своих членов и контроля над ними) вторая тенденция становится преобладающей и все больше доминирует над первой. Коммуниканту постоянно предлагаются уже готовые формы речи, жестко связанные с определенным содержанием, а по существу асемантические. Это содержание является для производящего высказывание “чужим” по своей сути, но общество стремится создать иллюзию, что оно — “свое” (в скобках заметим, что лет 20 назад ситуация была несколько проще — общество не заставляло воспринимать высказывание как “свое”, но требовало от индивида деклараций того, что он считает его таковым, мало заботясь об их искренности).

⁷ Вспоминается характерный случай. Молодой ученый подготовил работу о развитии буддийской философии в Японии в XVI в. и показал ее своему научному руководителю. Тот сделал ему замечание, что в работе нет ни одной цитаты из Маркса-Энгельса-Ленина, на что молодой философ наивно заметил, что названные мыслители ничего по данному вопросу не писали и их обширные интересы лежали в совсем других областях. Мудрый руководитель сказал буквально следующее: “Не так важно, что именно Вы процитируете, все равно никто этих цитат ни читать, ни, тем более, проверять не будет, но все сразу обратят внимание, если цитат не будет”.

⁸ Подробнее об этом мы писали в наших предыдущих работах. См., напр., [6], [11].

Для “чужого” содержания идеально подходят “чужие” формы — санкционированные обществом цитаты, стереотипы, прецеденты⁹. Это ведет к стандартизации и стереотипизации речи, ее фразеологизации и идеоматичности, следствием чего является и уже отмеченная нами выше асемантизация¹⁰. Высказывание передает лишь некоторый импульс при помощи знаков-сигналов.

Сказанное выше позволяет под новым углом зрения взглянуть на проблему языковой личности, активно обсуждаемую последнее время в теоретической лингвистике. Понятие личности неизбежно связано с поступками, совершаемыми этой личностью, т.е. со свободой выбора и ответственностью за этот выбор. Следовательно, невозможно говорить о личности там, где эта свобода отсутствует, например, при ритуальном использовании языка языковая личность практически лишена возможности себя реализовать. Мы согласны с Ю.Н. Карауловым, указывающим, что “общение на уровне “как пройти”, “где достали” и “работает ли почта” (...) не относится к компетенции языковой личности; (...) языковая личность начинается (...), когда в игру вступают интеллектуальные силы”¹¹ [8, с.36], и хотим при этом подчеркнуть, что стандартизация и стереотипизация речи затрагивают не только речевой этикет и типовые ситуации, которые указывает Ю.Н. Караулов, но и гораздо более широкие сферы языкового общения.

Коротко остановимся на понятии стереотипа, уже не раз упоминавшемся в настоящей работе. По мнению введшего этот термин У. Липпманна, стереотипы — это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой, “картинки мира” в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права. “Дело в том, что реальная окружающая среда слишком объемна, слишком сложна и слишком быстротечна для непосредственного восприятия. Мы не способны реагировать на все ее тонкости, многообразие, представленное в ней множество изменений и сочетаний. И хотя мы вынуждены действовать именно в этой среде, нам приходится ее реконструировать по более простой модели, чтобы справиться с ней” (цит. по [4, с.85]). В вербаль-

⁹ Мы прекрасно сознаем, что это явления разного порядка, но не останавливаемся на различиях между ними, обращая внимание лишь на то, что их объединяет. Все они представляют собой готовые формы, предлагаемые для постоянного, многократного использования.

¹⁰ См. также исследование Ю. Н. Тынянова асемантизации (“сглаживания слов”) в речи политических ораторов [20].

¹¹ Противоположную точку зрения см. в [9].

ной деятельности индивида стереотипы находят свое отражение в содержании производимых им высказываний. При этом стереотипное содержание требует стандартизированной формы. Стандартизация высказываний ведет к стандартизации дискурса, в который они включены, и речевого поведения в целом. Наиболее удобной формой подобной стандартизации является ритуал, сводящий все многообразие речевого поведения к ограниченному набору типовых ситуаций. Для коммуникации в подобных ситуациях важными оказываются указывающие на стандартную форму вербальные сигналы, при получении которых в сознании реципиента сразу актуализируется стереотипная “картинка”, связанная со стереотипным содержанием. Подобное общение можно представить как обмен стереотипами при помощи определенных вербальных сигналов. Собственно информационная нагрузка подобной коммуникации оказывается близкой нулю, коммуниканты лишь “метят” свою позицию или обмениваются “поглаживаниями”¹². Коммуникация такого типа не предполагает поступков коммуникантов, а следовательно, их личностного поведения.

Таким образом, существование стереотипов и стандартных вербальных форм их выражения (вернее, указания на них, т.к. стереотипы в силу своей общности для определенного социума полагаются коммуникантом известными собеседнику и поэтому чрезвычайно редко прямо эксплицируются в речи (за исключением косвенных речевых актов)) играет двоякую роль. С одной стороны, они совершенно необходимы, без них невозможно оказывается как социальное существование индивида, его бытование как культурного существа, так и существование национальной культуры, обеспечивающей, в свою очередь, единство лингво-культурного сообщества (а только в нем *homo sapiens* может обрести полноценное бытие); а с другой — сводит на нет личностное поведение индивида, “блокирует” его поступки, следовательно, ставит под сомнение его развитие как личности (т.к. мы говорим о вербальном поведении и речевых поступках — языковой личности). Абсолютная свобода и абсолютная стандартизация, конечно, представляют собой полюса, в реальном речевом поведении каждого человека поступки и ритуалы сочетаются. Но представляется, что можно говорить о преобладании одной из двух тенденций как в поведении отдельной языковой личности, так и определенного лингво-культурного сообщества, в опре-

¹² Мы не останавливаемся на вопросе о соотношении языковых и речевых штампов и клише, штампов и клише сознания и стереотипов, т.к. эта проблема заслуживает отдельного серьезного разговора.

деленную эпоху. Данная проблема вытекает из самой сущности языка, который имеет общественный характер и может обретать существование только в определенном социуме, но реальное бытие языка, находит свое выражение в речевом акте, высказывании, тексте, а они всегда индивидуальны и не могут сколько-нибудь полно интерпретироваться вне рассмотрения личностных характеристик говорящего, его мотиваций и интенций. Эта особенность языка проявляется и на уровне отдельных языковых единиц (можно вспомнить учение А.А. Потебни о ближайшем и дальнейшем значении слова: “(...) Ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, — лично” [17, с.158])¹³.

Подводя предварительный итог нашим предыдущим рассуждениям, заметим, что можно выделить достаточно широкую зону “неинформативного” использования языка, принадлежащие к ней высказывания не могут быть отнесены ни к перформативам, ни к косвенным речевым актам, собственно языковой смысл таких высказываний отсутствует, они не связаны с каким-либо денотатом (референтом, пропозицией)¹⁴, языковые по форме высказывания оказываются лишены языкового содержания. Мы называем подобные речевые акты ритуальными, т.к. их роднит с ритуалом в собственном смысле несколько общих черт, которые мы перечислим ниже, суммируя уже сказанное ранее.

1. Фиксированность формы и “стертость” содержания. В ритуале содержание знака, как правило, “стерто” для его пользователей, существуют лишь форма знака и результат, который должен получиться при осуществлении определенных операций с этим знаком.

2. Обязательная последовательность жестко определенных действий, исключая для участников ритуала свободу выбора, делающая невозможным поступок. Коммуникант может выбирать (до определенной степени) участвовать в ритуале или нет, однако, приняв в нем участие, вынужден подчиняться его законам.

¹³ Ср. также слова А. Н. Леонтьева: “Если взглянуть на жизнь сознания, на его динамическое состояние, то, пожалуй, главное противоречие как раз и есть несовпадение того, что я называю *значением*, т.е. общественно-историческим опытом, определенным в орудиях труда, социальных нормах и ценностях и понятиях языка (того, что усвоено), и того, что я называю <значением для меня>, *личностным смыслом* (означаемого или означенного) явления” [13, с.236-237]

¹⁴ При всем различии понятий, стоящих за указанными терминами, мы позволяем себе употреблять последние в одном ряду, т.к. все они указывают на связь речевых единиц и внеязыковой действительности, оперируя любым из них при анализе интересующих нас высказываний, мы не можем не признать, что связь эта оказывается нарушенной.

3. Смысл высказываний, входящих в ритуальный речевой акт, как и смысл действий некоторого ритуала, не может быть связан со значением высказываний (действий), не может быть выведен из них, смысл этот не может интерпретироваться по законам знаковых систем. Например, из действия “плюнуть 3 раза через плечо” никак не вытекает его смысл — “ограждение от неприятностей”; высказывание *Как дела?* не связано напрямую со смыслом — “выражение внимания и симпатии”; выступление на партийном собрании с одобрением очередного постановления, связанное с желанием выразить свою лояльность, добиться повышения по службе и т.д., не имеет смысла интерпретировать по законам речевого взаимодействия. Ритуальные знаки (действия и высказывания) оказываются “неденотативными”.

4. Лингво-культурное сообщество санкционирует применение ритуалов, препятствует их нарушению, стремится максимально расширить сферу их действия, ограничить свободу маневра индивида в культурном пространстве.

Сказанное выше позволяет нам вернуться к проблеме прецедентов. Под прецедентами в широком значении этого слова мы понимаем любые стандартные, неизменные по форме и связанные со стереотипным содержанием вербальные единицы. Б.М. Гаспаров, подробно исследующий бытование подобных единиц в языковом сознании, указывает: “Вся наша языковая деятельность — и создаваемая, и воспринимаемая нами речь — пронизана блоками-цитатами из предыдущего языкового опыта” [5, с.119]. Данный исследователь называет подобные блоки коммуникативными фрагментами и дает им следующее определение: “Коммуникативные фрагменты (КФ) — это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний. КФ — это целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне” [5, с.118]. Легко заметить, что прецеденты подобного рода могут быть прецедентами для отдельного человека (автопрецеденты), некоторого социума (социумные прецеденты), всего лингво-культурного сообщества (национальные прецеденты), в дальнейшем, говоря о прецедентах, мы будем иметь в виду только последние.

Кроме широкого, возможно более узкое понимание прецедентов. Речь идет о вербальных прецедентных феноменах (ПФ), которым по-

священо большое количество работ автора настоящей статьи и его коллег (см., напр., [6], [11], [12]). К ПФ мы относим прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентный текст (ПТ), прецедентную ситуацию (ПС)¹⁵. ПФ и различные указания на них (символы ПФ) оказываются тесно связанными с ритуальной речью и активно функционируют в ней (вспомним активное использование “дежурных” цитат из классиков марксизма-ленинизма в политическом дискурсе советского периода: *Учиться, учиться...; Бытие определяет сознание; Пролетариату нечего терять...*).

Прецеденты (и в широком, и в узком понимании) позволяют “спрятаться” за “чужое” слово, “чужую” речь, отказываясь от своей¹⁶. Интересно рассмотреть с этой точки зрения тексты некоторых авторов, которых принято причислять к постмодернистам (см. интересную работу И.И. Яценко [21])¹⁷. Не случайно, что ПФ получили самое широкое

¹⁵ Подробное определение этих терминов см. в указанных выше работах.

¹⁶ Приведем цитату, интересную тем, что принадлежит она журналисту, размышляющему над языком сегодняшних СМИ: “Речь старается исчерпать себя в цитатах ниоткуда и тем скрыть капризное, неуживчивое “я” говорящего. В очередной раз произнося расхожую фразу или отсылая к известной ситуации, я не только сам отказываюсь от авторства, но и лишаю его тех, кто впервые придумал, изобрел афоризм или сюжет, который мы используем. Наша речь использует, приручает их, освобождает от оригинального, единичного, а значит неминуемо взрывчатого и опасного содержания” (О. Дарк. Было дело в Грибоедове. НГ, 17/09/97).

¹⁷ Ср.: “(...) В концептуальном искусстве не автор высказывается на своем языке, а сами языки, всегда чужие, переговариваются между собой” (М. Айзенберг. Вместо предисловия // Личное дело №. М., 1991. с. 7). В качестве примера приведем отрывок из поэмы Т.Кибирова “Сквозь прощальные слезы”, в котором фрагменты текстов лагерного фольклора, Некрасова, Мандельштама и советского официоза оказываются рядом, образуя сложное единство, рождающее противоречивые ассоциации:

Эх ты, волюшка, горькая водка,
Под бушлатиком белая вошь,
Эх, дешевая фотка-красотка,
Знаю, падла, меня ты не ждешь!
Да и писем моих не читаешь,
И встречать ты меня не придешь,
Ну, а если придешь — не узнаешь,
А узнаешь — сама пропадешь.
Волга, Волга! За что меня взяли?
Ведь не волк я по крови своей!
На великом на славном канале
Спой мне, ветер, про гордых людей!

Данный пример интересен еще и тем, что может служить яркой иллюстрацией тезиса о том, что “чужое” у каждой языковой личности оказывается “своим”, “чужое”, но знакомое для меня может не быть таковым для другого.

использование в текстах СМИ в последнее время (при некотором снижении доли языковых штампов и клише, т.е. прецедентов в широком понимании). Это выглядит парадоксальным, ибо, скажем, газета предназначена именно для передачи новой информации, однако, количество неинформативных, асемантических высказываний даже в текстах новостей оказывается весьма велико. На подобную черту уже обращалось внимание исследователями языка современных СМИ. Приведем слова В.Г. Костомарова: “Во многих случаях словесные игры (...) лишены содержательного или изобразительного замысла и существуют ради балагурства” [10, с.34]. Заметим, что здесь перед нами встает интереснейшая проблема взаимоотношений ритуальной речи, вербальных прецедентов и языковых игр, но эта тема заслуживает отдельного рассмотрения, здесь же, завершая настоящую статью, подчеркнем, что столь частый разрыв значения и смысла высказывания, характерный для многих речевых произведений, может происходить в косвенных речевых актах, ритуальных высказываниях и языковых играх, причем в последних двух случаях происходит асемантизация языковых единиц, формирующих высказывание; ритуальная речь и языковая игра отличаются ярко выраженной конвенциональностью и в отличие от косвенных речевых актов не могут интерпретироваться по законам языковой семантики.

Л и т е р а т у р а

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.-М., 1996.
3. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М., 1991.
4. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
5. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
6. Гудков Д.Б. Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М., 1996.
7. Гудков Л.Д. Метафора и рациональность. М., 1994.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
9. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык, сознание, коммуникация. М., 1997. Вып. 1.
10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994.
11. Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 3.
12. Красных В.В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. М. 1997. Вып. 1.

13. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические сочинения. М. 1983. Т.2.
14. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М. 1986.
15. *Петренко В.Ф., Алиева Л.А.* Стереотипы поведения как элемент национальной культуры // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М. 1988.
16. *Пешков И.В.* О типологии ситуации речевого общения и о возможности обоснования научного статуса риторики // Языковое сознание: стереотипы и творчество. М. 1988.
17. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М. 1958.
18. *Серль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1986. Вып. 17.
19. *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М. 1986. Вып. 17.
20. *Тынянов Ю.Н.* Словарь Ленина-полемиста // Архаисты и новаторы. Л. 1929.
21. *Яценко И.И.* О времена! О тексты! (Доступны ли интертекстуальные связи русскоязычного художественного текста иностранному читателю?) // Язык, сознание, коммуникация. М. 1997. Вып. 1.

Метафора как концептуальная модель формирования языка эмоций

© П.Е. Клобуков, 1997

Как психологией, так и семантикой установлено, что слова, обозначающие абстрактные идеи, такие, как 'понимание', 'мышление', 'чувство' и другие виды “внутренней” (интеллектуальной и эмоционально-психической) деятельности, приобрели свое значение, пройдя через процесс ассоциативного развития от основ, первоначально отражавших процессы и состояния внешнего, физического мира [7; 2].

Однако и в современных языках мы наблюдаем сходные процессы, когда метафорические и метонимические переносы формируют особый пласт средств выражения в языке для обозначения внутренних (ментальных и эмоциональных) состояний и процессов. При этом частотность некоторых таких ассоциативных переносов переводит вначале, видимо, окказиональные употребления определенных лексем в контексте обозначения фрагментов внутреннего мира в системные, устойчивые их употребления и заставляет эти лексемы приобретать вторичное (дополнительное) значение. Очевидно сходным образом выглядело и семантическое развитие значения слов, отражающих эмоции, в древних языках, и следующим шагом этого процесса должно было стать переразложение в структуре значения многозначной лексемы с исчезновением исходного значения или его оттеснением на периферию и выдвиганием приобретенного значения как основного.

В современных языках мы обнаруживаем, например, обозначение процесса понимания через лексемы имеющие в качестве первого значения 'зрение', 'движение' и др. Английские контексты типа *I got it; I see...; You still can't catch what I mean* и др. явно демонстрируют подобный ассоциативный перенос. Русский язык также предлагает широкий набор сходных способов выражения внутреннего процесса через лексику физических и физиологических процессов: *до него никак не дойдет; я не вижу, как это можно сделать; никак не могу уловить разницу, чтобы поймать его мысль* и др.

Перенос значения по модели “от физического процесса или состояния → к внутреннему состоянию” особенно часто наблюдается в языковых средствах, обслуживающих поле эмоциональности, что,

возможно, связано с физиологическими проявлениями некоторых базовых эмоций, наследуемых человеком на генетическом уровне [5; 6].

Анализ выражений состояния 'anger' ('гнев/злость') в американском варианте английского языка демонстрирует несколько устойчивых ассоциативных переносов [8].

При том, что в языке отмечается ряд высказываний, так или иначе связанных с переживанием гнева (типа *He lost his cool; I almost burst a blood vessel; He was foaming at the mouth; You make my blood boil; When I told, he blew up; He was red with anger; He is just letting off steam* и т.д.), словарь не указывает конкретной связи контекстного употребления с исходным значением составляющих и структуры концептуального переноса. Однако анализ такого материала позволяет вывести формулу общего метонимического переноса: "Физиологические проявления эмоции выступают вместо эмоции", а также дополняющую первую модель метафору: "Тело — контейнер эмоции".

Ощущение повышения температуры тела вследствие переживания состояния гнева/злости/раздражения вызывает в языке выражение типа *Billy is a hothead*; внутреннее напряжение, давление — причина появления *I almost burst a blood vessel*; покраснение лица и шеи приводит к возникновению *She was scarlet with rage* или *He was flushed with anger*; возбуждение соотносится с *She was shaking with anger* и *I was hopping mad*; вызываемые состоянием высокой эмоциональности помехи нормальному функционированию организма обнаруживаются в выражениях типа *She was just blind with rage*.

Для английского языка можно выделить несколько основных типов метафор, обслуживающих зону 'гнев/злость/раздражение'. Наиболее часто встречающаяся метафора — "Anger is heat" ('гнев — это жар/пыль'), представленная в двух основных вариантах. Модель "Anger is the heat of a fluid in a container" ('гнев — это горячая жидкость в сосуде') характеризуется реализацией таких мотивов, как 'жар', 'внутреннее давление' и 'возбуждение'. Другой вариант той же метафоры — это "Anger is fire" ('гнев — это пламя'), где в переносе воплощаются такие исходные физиологические состояния, сопутствующие переживанию эмоции, как 'жар' и 'покраснение лица'.

Основываясь на базовой метафоре, язык формирует ряд образов, разрабатывает и кодирует лексическими средствами различные связанные между собой ситуации переживания гнева, которые отличаются друг от друга степенью (интенсивностью) и продолжительностью испытываемой эмоции.

Стандартная реализация метафоры обнаруживается в примерах типа *You make my blood boil; Simmer down; I had reached the boiling point; Let him stew; She was seething with rage*. Возрастающая интенсивность эмоции ведет к метафорическому поднятию жидкости в контейнере: *His pent-up anger welled up inside him; She could feel her gorge rising; Pretty soon I was in a towering rage*. Сильный гнев мотивирует “метафору парообразования”: *She got all steamed up; I was fuming* — или внутреннего давления на сосуд: *He was bursting with anger; I could barely keep it in anymore*. Когда гнев становится слишком сильным, контейнер взрывается: *When I told him, he just exploded; She blew up at me; That really set me off*.

Метафора "Гнев — это пламя" наблюдается в выражениях типа *She was doing a slow burn; He was breathing fire; Your insincere apology just added fuel to the fire; That kindled my ire* и т.д.

На пересечении двух культурных моделей — модели гнева и модели нездоровья — стоит следующая принципиальная метафора: “Anger is insanity” (‘гнев — это безумие’), мотивирующая лексические выражения, в которых поведение безумного выступает в описании эмоции как заместитель внутреннего состояния гнева по сходству проявлений: *I just touched him, and he went crazy; You are driving me nuts; He got so angry, he went out of his mind; When the ump threw him out of the game, Billy started foaming at the mouth; He is fit to be tied; He is tearing his hair out; The loud music next door has got him climbing the walls*).

Возможность потерять контроль над своим поведением в состоянии гнева, т.е. существование эмоции отдельно от нас, нашего сознания, а также опасные последствия, вызванные неадекватным поведением, позволяют развиваться метафоре “Anger is a dangerous animal” (‘гнев — опасный зверь’), представляющей частный случай широко распространенной культурной метафоры “Эмоция (страсть) — это зверь внутри нас”: *That awakened my ire; His anger grew; Don't let your anger get out of hand; He lost his grip on his anger; He began to bare his teeth; She was bridling with anger; Don't bite my head off; She started snarling*.

Анализ соответствующего материала на других языках показывает определенные соответствия с результатами исследования метафорической выразительности в английском. Русские примеры: *Он вскипел; Она так вся и клопочет; Не кипятись; Во мне все бурлит от негодования; Когда я сказал ему об этом, он просто взорвался; дым коромыслом / пар из ушей / не горячись / вспышка гнева / вспыхнул как порох / испепелить / метать громы и молнии / гореть / пылать гневом / лопнуть от злости / и тут его прорвало* и т.д. демонстрируют наличие тех же концептуальных моделей

переноса, вызванных физиологическими процессами сопровождающими переживание эмоции гнева.

Ср. также:

нем.: *in (von) Zorn entbrannt* 'охваченный (пылающий) гневом'; *von (vor) Wut entbrannt* 'пылающий яростью'; *vor Wut kochen* 'кипеть злобой'; *er fühlte den alten Zorn hochkommen* 'его вновь охватывает гнев'; *Zornader* 'лобовая артерия'; *die Zornader schwoll ihm* 'в ярости у него вздулись жилы на лбу', *zorn erfüllt* 'гневный, полный гнева', *Zornrot* 'красный от гнева';

нидерл.: *hij kookt van toorn, woede* 'он кипит от бешенства', *in woede (toorn) ontsteken* 'приходить в ярость, загораться гневом';

швед. *koka av vrede* 'вскипеть от гнева', *uppragat* 'рассерженный';

франц. *devenir rouge de colere* 'красный от гнева'; *exploser de fureur* 'взорваться от гнева';

итал. *sto per esplodere dalla rabbia* — я сейчас взорвусь, так я зол, *brucio dall' ira* 'я горю от гнева', *il sangue mi bolle nelle vene per l'ira* 'кровь кипит во мне от гнева'.

Сходством поведения человека в состоянии аффекта с поведением в приступе безумия мотивируются в русском языке метафорические высказывания типа: *Услышав это, он обезумел, сбесился, сбрендил, сошел с ума; крыша поехала; рвать и метать; лезть на стены; забиться в припадке; накинуться, наброситься* и т.д. Ср.: нем. *Zornwut* 'исступление', нидерл. *hij is maar gek (krankzinnig) geworden* 'он просто сошел с ума, обезумел', франц. *etre méconnaissable (défiguré) en raison de la col'ere, avoir les traits tirés* 'измениться до неузнаваемости от гнева'.

Олицетворение эмоции, как самостоятельной силы, перенос поведения животного на поле человеческой эмоциональности обнаруживается в выражениях типа: *разбудить чей-то гнев; тут ее понесло; не сдержат гнев; взреветь; встать на дыбы; оцетиниться, ощериться; показать зубы (клыки); поднять лай* и т.д. Ср.: нем. *mich packte die Wut* 'меня охватила ярость', нидерл. *de beest spelen* 'буйствовать, неистовствовать, вести себя, как зверь', *bijterig* 'кусачий, агрессивный, недружелюбный', *in toorn opvliegen* 'взвиться от гнева', франц. *perdre son sang-froid en raison de la col'ere* 'потерять контроль от гнева'.

Психо-физиологические ощущения как главный мотиватор развития метафоры при отражении в языке переживания базовых эмоций могут быть идентифицированы и в ходе анализе контекстов, относящихся к описанию состояния страха. В данном случае основной метафорой можно признать "Страх — это сильный холод/мороз", с несколькими вариантами реализации, основанными на соответствующем физиологическом опыте

нарушения нормального функционирования организма, например "Страх — это дрожь" и "Страх — это оцепенение/неподвижность".

В первом случае мы обнаруживаем такие примеры, как рус. *дрожать, трепетать, трястись, содрогаться; с дрожью в голосе, коленях, во всем теле; стучать зубами; меня колотит от страха*; англ. *tremble, thrill, shake, shiver, quaking; chattering teeth; knocking knees*; нидерл. *trillen, beven, huiveren* 'дрожать, трепетать'; франц. *trembler de peur* 'трястись от страха', итал. *tremare dalla paura* — 'трястись от страха'.

Второй тип переноса демонстрируют выражения типа: рус. *у меня все внутри похолодело; холодный пот прошиб; на негнущихся ногах (не чувствуя ног); мороз по коже продирает; сжаться / оцепенеть, обмереть / застыть в ужасе*; англ. *freeze in terror (with horror); shrink; get cold feet*; нидерл. *ijzig* 'ледяной, холодный, ужасный, жуткий, леденящий'; франц. *etre cloué sur place en raison de la peur, ne plus pouvoir bouger* 'быть парализованным страхом'; итал. *sono paralizzato dalla paura* 'я парализован страхом'.

Изучение лексики эмоций в диахроническом аспекте также показывает, что обнаруженные концептуальные метафоры являются мотиватором изменения значения по принципу "физиологические ощущения → внутреннее состояние".

Англ. *anger* восходит к германской основе *ANG-* со значением 'узкий, тесный', что вполне совпадает с метафорическим переносом "гнев — давление на контейнер" <-> "нехватка места, теснота, узость". Нидерл. *belgen* 'сердиться, негодовать', *verbolgen* 'раздраженный, озлобленный, гневный' также восходит к этому образу и соотносится с нидерл. *balg* 'мехи аккордеона, брюхо', англ. *belly* 'живот, брюхо', 'надуваться, пучиться, раздуваться', *bellows* 'кузнечные мехи, гармошка, легкие' и восходит к герм. корню *BEL-* (и.-е. *BHEL-*) 'пухнуть, разбухать'. Нидерл. *woede* и нем. *Wut* 'ярость, бешенство' связано с англ. диал. и уст. *wood* 'сумасшедший, умалишенный, бешеный (о собаке)', где значение 'гневный' не фигурирует (в отличие от др.-англ. *wood*, гневный), и восходит к и.-е. корню *WĀT-* 'возбуждение сознания, мысли, чувства', что видно из параллелей в других языках: лат. *vates* 'пророк, провидец', др.-ирл. *faith* 'пророк', скр. *api-vatati* 'вдохновлять'. Нидерл. *toorn* и нем. *Zorn* восходят к и.-е. корню *DER-* 'расщеплять, сдирать' (ср.: скт. *dart* 'взрываться, распадаться', авест. *dereto* — 'разбитый', корн. вал. *darn* — 'часть, кусок' и др.), что совпадает с моделью "сильный гнев ведет к разрыву контейнера". Рус. *ярость*, соотносимое с лат. *ira* 'гнев' восходит к корню *ЯР-*, как в *яркий*, т.е. предполагает развитие по модели переноса "яркий → горение → гнев".

Нидерл. *schrik* 'ужас, страх, испуг', как и нем. *Schreck*, швед. *skräck* первоначально имели значение из разряда физического перемещения 'непроизвольное движение, отскок', однако затем по сходству проявления стали обозначать уже эмоциональное состояние.

Таким образом, принимая утверждение, что лексическое значение слов, отражающих эмоции, возникает путем развития от конкретных физических процессов к абстрактным внутренним, и при этом мотиватором такого движения служат физиологические переживания, сопровождающие эмоцию, мы можем оценивать степень вероятности предлагаемых этимологий.

Так, нидерл. *beven* 'дрожать, трястись' и швед. *bäva* 'дрожать, трястись', 'бояться', считается редупликацией и.-е. корня *BHEI-* 'бояться', подтверждением чему служат скт. *bibheti / bhayate* 'он боится', слав. гнездо — рус. *бояться*, болг. *боя се*, пол. *bać się*, лит. *bajis* 'страшный' [9, 80]. Однако, в таком случае, развитие значения корня в германских языках противоположно модели "физическое/конкретное → внутреннее/абстрактное", нарушает правила психологической и семантической логики. Очевидно более вероятным можно было бы утверждать, что и.-е. корень *BHEI-* первоначально имел значение 'трястись, дрожать', усиленное в германских языках фреквентивной редупликацией, однако в санскрите и славянских языках, следуя модели "конкретное → абстрактное", в качестве первого, основного, он развивает значение 'бояться'. При этом и в германских языках этот корень может приобретать дополнительное или окказиональное значение 'страх', основываясь на том же принципиальном метафорическом переносе.

Другим примером спорной этимологии можно считать предложенную этимологию рус. *гнев*, согласно которой корень восходит к *гной* через ассоциацию 'гной → отвращение → гнев' [4, 420]. Помня о концептуальной метафоре "гнев — жидкость в сосуде под напряжением", мы можем соотнести оба корня *гнев* и *гной* с *гнет/гнести*, как два варианта реализации сходного процесса переноса: "гнет → давление → разбухание → гнев" и "гнет → давление → разбухание → гной". Также отвечает общей модели переноса предположение о связи *гнева* со слав. *ognь* и глаголом *ognevati* 'находиться долгое время в горении, состоянии накала' [3, 104].

Таким образом, изучение метафоры как концептуальной модели формирования средств выражения эмоциональности в языке на уровне

синхронии может стать и важным средством для уточнения развития значений эмоциональной лексики в диахронии.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка, М., 1964.
- [2] *Феоктистова Н.В.* Формирование семантической структуры отвлеченного имени (на материале древнеанглийского языка), Ленинград, 1984.
- [3] *Шанский Н.М.* [Ред.] Этимологический словарь русского языка. М., 1972.
- [4] *Buck C.D.* A Dictionary of Selected Synonyms in ten Principal Indo-European Languages, Chicago, 1949.
- [5] *Davitz Joel R.* The Language of Emotion. N.Y., London, 1969.
- [6] *Izard Carroll E.* Cross-Cultural Perspectives on Emotion and Emotion Communication // Handbook of Cross-Cultural Psychology. V. 3. "Basic Processes", Boston-London-Sydney-Toronto, 1980.
- [7] *Kroesch Samuel.* The semasiological development of words for 'perceive', etc., in the older Germanic dialects // Modern Philology. Chicago 1911. Vol. VIII.
- [8] *Lakoff George and Kovecses Zoltan.* The cognitive model of anger inherent in American English // Cultural Models in Language and Thought. Dorothy Holland and Naomi Quinn [Eds.]. Cambridge, N.Y., Sydney, 1987.
- [9] *Vries J. de / Tollenaere F. de.* Etymologisch Woordenboek. Utrecht, 1992.

Опыт семантического описания ситуаций со значением причины события или явления в мире неживой природы

© В. Жданова, 1997

При изучении причинно-следственных отношений (ПСО) наиболее продуктивным из существующих лингвистических концепций представляется функционально-семантический подход (см. [1], [2], [3] и т.д.), предполагающий рассмотрение языковых единиц в направлении от семантики к средствам ее выражения. Предметом анализа при этом становятся единства, имеющие функциональную основу — функционально-семантические поля (ФСП).

ФСП каузальности в русском языке формируется различными категориальными средствами, центральное место, среди которых занимают синтаксические средства разных уровней: сложное бессоюзное, сложносочиненное и сложноподчиненное предложение, простое предложение с предикатом – каузативным глаголом и т.д. Особенно употребительными среди них оказываются сложноподчиненное предложение (СПП): *Она вышла за него замуж, так как была в него безумно влюблена* и предложно-падежные формы имени, или именные причинные группы (ИПГ): *Она вышла за него замуж по любви*.

Объектом нашего исследования выбран тот сегмент ФСП каузальности, где доминантой являются ИПГ, — сегмент именной каузальности. Предварительные наблюдения показали, что этот сегмент имеет определенное дерево оппозиций [см. 2, 4, 5], выделенных на основании положения о стержневой синтаксической роли следственного компонента (СК) в причинно-следственной конструкции (ПСК): ПСК со значением причины действия лица: *С досады она даже топнула ногой*; ПСК со значением причины явления, события, которые, в свою очередь, подразделяются на группу природных явлений: *Дерево трещало от мороза* и группу социальных явлений: *Благодаря труду человек выделился из природы* и т.д. Внутри каждого фрагмента выявляется развернутая система характерных для него оппозиций (см. [2], [4], [5]). Предметом нашего исследования стал фрагмент системы со значением причины явлений, событий объективной действительности; точнее — одно из его более конкретных значений: события, явления неживой природы, представленные на языковом уровне полипропозитивными конструкциями с

ИПГ: *Из-за дождей* произошло наводнение; *Посуда* дребезжала *от звуков бубна*; *Под влиянием электростатического поля* в материальных телах перемещаются электрические заряды, — изосемической моделью для которых будет СПП – ядро поля каузальности: ср. *Так как прошли (сильные) дожди, произошло наводнение* и т.д.

В качестве единицы описания языкового материала нами избрана типовая ситуация (ТС) – фрагмент внеязыковой действительности, структурированный и типизированный языковым сознанием (см. понятие ситуации в [1], [2], [4]; [5] и др.).

Для построения системы значений исследуемого фрагмента ФСП каузальности мы опираемся на классификационную схему предикатов, которая позволяет упорядочить множество ситуаций с помощью матрицы представления ([6, 49], [7, 57]). Классификационная таблица строится с учетом двух признаков: семантический тип предиката и его разновидность по характеру отображаемой им сферы объективной действительности. Соответственно в представленной схеме предикаты характеризуются по двум показателям: **1. тип предиката:** 1) экзистенциальный (бытие), 2) акциональный (действие), 3) статальный (состояние), 4) реляционный (отношение), 5) характеристический (признак, свойство, качество); **2. сфера проявления роли:** а) физическая, б) физиологическая, в) эмоционально-психическая, г) интеллектуально-творческая, д) социальная:

	1. 1) бытие	2) действие	3) состояние	4) отношение	5) признак
2. а)	<i>В лесу есть змея.</i>	<i>Дети бегают во дворе.</i>	<i>Мальчик лежит.</i>	<i>Борис старше Глеба.</i>	<i>Анна – чешка.</i>
б)	<i>У рыб нет легких.</i>	<i>Листья меняют окраску.</i>	<i>Он болен.</i>	<i>Пшеница устойчива к засухе.</i>	<i>Волк – хищник.</i>
в)	<i>У меня тоже есть нервы.</i>	<i>Сын плачет.</i>	<i>Он растерялся.</i>	<i>Я восхищаюсь стихами.</i>	<i>Он самолюбив.</i>
г)	<i>В письме есть информация.</i>	<i>Инженер изобретает.</i>	<i>Я об этом знаю.</i>	<i>Люди интересуются политикой.</i>	<i>Он глуп.</i>
д)	<i>Есть такая партия.</i>	<i>Мы дискутировали.</i>	<i>Джонсон – шофер.</i>	<i>Они враждуют.</i>	<i>Она жена Петра.</i>

Для раскрытия семантики конкретных ТС, в которых реализуется значение причины события, явления неживой природы, мы определяем роль и место предиката процесса, действия, явления в общей системе предикатов, поскольку "именно предикаты являются особыми семантическими сущностями, категоризация которых представляет собой обоб-

щение объективных явлений бытия" [8, 8]. Однако при использовании семантической матрицы предикатов для построения системы значений фрагмента "события и явления неживой природы" выявляется неуниверсальность ряда выдвинутых оппозиций, т.к. в них не учитывается, например, тот факт, что субъект ситуации может быть также неагентивным, напр., *Камень разбил окно; Земля вращается вокруг Солнца; Книга упала на пол* и под. (Очевидно, что при языковом оформлении ситуации "*X пашет при помощи трактора*" как *Трактор пашет* языковым сознанием осуществляется метафоризация: перенос антропогенного свойства на неодушевленный объект. При этом инструментальный объект денотативной структуры высказывания становится в предложении грамматическим субъектом).

В связи с этим в нашем случае оказывается нерелевантным противопоставление предикатов по признаку активности/неактивности ([2], [8], [9]), который определяется в зависимости от роли субъекта: акциональными ("активными") признаются действия, осуществляемые сознательным усилием или волеизъявлением субъекта: *Я пишу статью для сборника* и под., в отличие от состояний или отношений: ср., напр., *Она трагически некрасива; Он был старше нее* и т.д. При такой трактовке акциональности из поля зрения исследователей выпадает тот фрагмент объективной действительности, в котором субъект заведомо не может совершать сознательные или целенаправленные действия, — неживая природа, что было в свое время отмечено в [10, 340]: "семантика неоднозначного предиката в конкретном предложении определяется референцией субъекта". Так, если в предложении *Джон – сильный* предикат интерпретируется как "*проявляет силу, может поднимать большие тяжести*", то в предложении, субъект которого неагентивен: *Связь между молекулами – сильная*, тот же предикат будет осмыслен как "*может противостоять большим напряжениям*". По всей вероятности, нечеткая определенность подобных ситуаций связана, во-первых, с антропоцентрическим характером языкового сознания, отводящего специализированным (в том числе научным) знаниям и средствам их выражения периферийное место в иерархии концептуализированных ситуаций объективной действительности (ср., напр., с ТС, передающими эмоциональный мир человека [5] или его действия [2]). Во-вторых, невозможность выделения однозначных и всеобъемлющих критериев при классификации предикатов и – еще в большей степени — самих ТС вызвана сопротивлением полевой структуры языка по отношению к попыткам распределить языковые явления по строго заданным оппози-

циям. Кроме того, нельзя забывать о том, что предикаты представляют собой категоризацию явлений бытия, оставаясь при этом все же в первую очередь логическими категориями, которые не могут абсолютно соответствовать конкретным языковым проявлениям.

В связи с этим наиболее целесообразным при описании избранного типа ситуаций представляется признание диффузности границ между отдельными ТС (см. по этому поводу также [6]) и построение на этом основании системы значений фрагмента “события и явления в неживой природе”, где признак акциональности “убывает” в направлении от действий к отношениям, а границы между выделенными группами ТС признаются диффузными:

Действия	Процессы	Изменения свойств, признаков, состояний	Бытие/наличие	Отношения
<i>От первого взрыва мост слегка дрогнул.</i>	<i>Под действием света алмаз превратился в легкий дымок.</i>	<i>Под лучами западного солнца степь быстро выгорает.</i>	<i>Звезды возникают в результате гравитационного сжатия облаков водорода и гелия.</i>	<i>Земля удерживается на определенном расстоянии от Солнца постоянным притяжением Земли к Солнцу.</i>

Поясним обоснованность предложенной классификации. При анализе высказываний со значением причины событий и явлений в неживой природе мы рассматриваем в группе “действия” любые проявления акциональности вне зависимости от роли субъекта, в том числе и ситуации, отнесенные, например, Г.А.Золотовой к функциональным: *Передвигается шумобиль под действием шума; Самолеты не могли взлететь из-за урагана* и под., и ситуации, “передающие звуковое, цветовое или обонятельное проявление существования”: *Пахли под солнцем грибы; Этот газ под воздействием ультрафиолетового излучения Солнца ярко засветился и был замечен Козыревым; Занавески шелестели от ветра* и т.д.[3, 162]. Такое понимание термина “действия” соотносится с т.зр.[6, 48-49], а также [8, 116], где действия и процессы противопоставляются признакам и состояниям по “фазовости” протекания или осуществления, или по признаку нестатичности (опять же без учета роли субъекта): для того, чтобы динамическая ситуация имела место, необходимо либо обязательное изменение ее во времени, либо непрерывное приложение энергии (силы) для ее поддержания.

Грань же между действиями и процессами проводится в зависимости от того, имеет ли “пофазно существующий объект/ситуация” своего агента, которым он и поддерживается, или же субъект ситуации

должен быть определен как “страдательный” [8, 118]: *За это время изучаемая звезда переместится вследствие своего движения; Рабочее колесо вращается под действием напора воды (действие); Благодаря лесу уменьшается скорость ветра; Под влиянием интенсивного излучения Солнца молекулы воды диссоциировали на водород и кислород (процесс), т.е. можно говорить о том, что процесс поддерживается не субъектом ТС, а осуществляется за счет приложения некоей третьей силы.*

Однако в проанализированном нами фрагменте сами “процессы” обнаруживают известное сходство с “изменениями свойств, признаков, состояний”, и это связано в первую очередь с тем, что причина всегда носит активный, порождающий характер, и, соответственно, рассматриваемые ПСК обычно также представлены динамически, а не статически, отражая некоторую фазу ситуации состояния или, например, бытия, что и роднит их с “процессами”: ср., например, *Рыхлый снег превращается в фирн при оттаивании и оплавлении снежинок; Из-за притяжения Луны и Солнца уровень воды в океане все время меняется (процессы) и Фрески и мозаики портятся из-за влажности; От мороза лопался в заливе лед* и т.д. (изменения свойств, признаков, состояний). Для разграничения процессов, с одной стороны, и “изменений свойств...”, с другой, нами были использованы шесть признаков, выделенных в [8, 121-124], а также отмечена особая “пограничная зона”, в которую вошли ТС, допускающие неоднозначную трактовку, например, *От солнца дверца машины нагрелась так, что к ней нельзя было прикоснуться* (процесс, представленный параметрическим глаголом, или изменение состояния?) и под.

ТС бытия, представляющие появление-исчезновение или наличие-отсутствие субъекта: Туманы образуются при перемещении влажного и теплого воздуха; Иногда комета распадается вблизи Солнца под воздействием его испепеляющего жара; На севере, особенно в тундре, торфа на болотах нет из-за слабого прироста растений и т.д. также могут быть иначе проинтерпретированы (например, в [6] в отличие от [11] они отнесены к ситуациям состояния). Поскольку специфика естественнонаучного знания, представленного научным дискурсом в корпусе исследуемых примеров, проявляется в синкретическом восприятии объективной действительности, с учетом диалектического единства всего существующего в ней, соответственно и события неживой природы расцениваются научным сознанием как цепь непрерывных превращений, что и за-

трудняет выделение концептуализированных ситуаций при анализе исследуемого фрагмента.

Поэтому правомерность выделения ТС в каждом из представленных значений может быть выявлена лишь при обращении к их речевым реализациям: при сопоставлении компонентов денотативных структур высказываний (субъект, предикат, имя причины) и представляющих их лексико-семантических классов слов, а также в результате исследования механизма выбора той или иной ИПГ из синонимико-вариативного ряда ИПГ, специфического для каждой ТС.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Бондарко А.В.* Основания функциональной грамматики. Л., 1987.
- [2] *Всеволодова М.В., Яценко Т.А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М., 1988.
- [3] *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- [4] *Котвицкая Э.С.* Типовая ситуация, отражающая причинно-следственные отношения, как содержательная единица языка (и ее речевые реализации): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- [5] *Лебедева Е.К.* Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- [6] *Клобуков Е.В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
- [7] *Хямяляйнен А.* Падежная и предложно-падежная форма как компонент причинной конструкции в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
- [8] Семантические типы предикатов. М., 1982.
- [9] *Алисова Т.Б.* К вопросу о так называемых “стативных” предикатах // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. М., 1974.
- [10] *Демьянков В.З.* Предикаты и концепция семантической интерпретации // Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980. Т. 39, № 4.
- [11] Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М., 1989.

Глагольная модель, обозначающая состояние субъекта

© Го Шуфэнь (КНР), 1997

В современном русском языке значение состояния передается рядом моделей, содержащих обычно два основных компонента – “субъект” и “предикат состояния”. Компонент со значением предиката выражается в таких моделях словами разных частей речи, содержащих в своем лексическом значении (или в одном из лексико-семантических вариантов) сему “состояние”. С.Н. Цейтлин описаны синтаксические модели со значением психического состояния и выделены по грамматическому характеру предикатов семь моделей, передающих типовое значение (далее ТЗ) “субъект и его состояние” (о понятии “ТЗ модели” см. в работах [9: 25-27, 179; 8: 32-34, 98-99]): 1) глагольная модель — *Я волнуюсь*; 2) причастная модель — *Я взволнован*; 3) адъективная модель — *Она счастлива*; 4) наречно-предикативная модель — *Мне грустно*; 5) субстантивная модель — *У меня тоска*; 6) предложно-падежная модель — *Он в восторге*; 7) метафорическая модель — *Меня томит беспокойство*. [18: 161]. Однако корпус наших примеров показал, что количество моделей со значением состояния субъекта оказалось больше семи, выделенных С.Н. Цейтлин, что также показали работы Г.А. Золотовой [8; 9] и М.В. Всеволодовой [5; 4; 7], где учитывается функционирование в синтаксической конструкции лексического материала, его семантической специфики, определяющей структурные возможности лексики при выражении того или иного значения (см. также [16]). Иными словами, мы рассматриваем не предложение как структурную единицу, “абстрактный образец”, а предложение-высказывание как единицу структурно-коммуникативную, реальную речевую реализацию абстрактного образца, то есть мы рассматриваем предложение как предикативное построение, выполняющее номинативную [1; 10: 312] и коммуникативную [10: 313] функции.

В данной статье будет рассмотрена, главным образом, одна из моделей с предикатами состояния, вернее, первая – глагольная модель $S_{им}V_{st f}(N_{косв})^1$ типа *Отец болеет; Мама радуется*.

¹ Символ $S_{им}$ обозначаем субъект в именительном падеже, $V_{st f}$ – финитная форма глагола состояния; $N_{косв}$ – любая падежная форма существительных. Далее S_p – субъект в родительном падеже, $V_{st intell f}$ – финитная форма глагола интеллектуального состояния.

Наше описание модели осуществляется в классификациях денотативных типов предикатов (экзистенциальные, акциональные, статальные, реляционные и характеризационные предикаты) и их сфер проявления (физическая, физиологическая, эмоциональная, интеллектуальная и социальная сферы), опираясь на идею Т.В. Шмелевой [20], концепцию Е.В. Клобукова [11: 59] и модифицированную матрицу М.В. Всеволодовой [6: 27].

Отразим соотношение типов предикатов (далее ТП) и их сфер проявления (далее СПП) в следующей таблице:

Денотативные типы предикатов

ТП СПП	Бытие	Действие, событие, процесс	Состояние	Отношение	Признак
	1	2	3	4	5
а) физи- ческая	Здесь есть лес. Рыба в реке водится.	Птица летит. Дети купаются. Прогремел гром.	Ребенок лежит. Дом в руинах. Он голодает.	Петя – брат Анны. Аня выше Оли. У розы есть шипы.	Аня высокая Книг – сто. Анна – чешка.
б) физио- логиче- ская	У рыб нет легких.	Листья изменяют окраску.	Я болею. Отец здоров. Куст засох.	Роза – цветок. Человек на 70% состоит из воды.	Эта розь – засухоустойчи- ва.
в) эмоци- ональная	В лице был ужас.	Она плачет. Он улыбается.	Все рады. Я тоскую. Она в слезах.	Я люблю розы. Я восхищаюсь ее голосом.	Ты самлюбив. Он – флегматик.
г) интел- лекту- альная	Есть одна идея.	Я решаю задачу.	Я задумался. Он знает об этом.	Я увлекаюсь физикой. Он – автор пьесы.	Он гениален. Он – глупый.
д) соци- альная	В стране есть парламент.	Выбираем делегатов на конференцию.	Страна – на подъеме. Он женат.	Конфликт привел к войне.	Оля – врач. Наш город – провинциаль- ный.

Среди указанных выше ТП представляют большой интерес для нашего исследования статальные предикаты, вернее модели с ними, в которых проявляются фактически все СПП.

Рассмотренная нами модель сама по себе (ср. другое ее представление в структурных схемах Н.Ю. Шведовой N_1V_f) выражает, в принципе, все типы предикатов, напр.: *Город находится у реки* (бытие); *Мальчик читает книгу* (действие); *Я волнуюсь* (состояние); *Он увлека-*

ется музыкой (отношение); *Волосы вьются* (признак). В связи с этим мы маркируем предикат состояния символом **V_{st f}**.

Рассмотрим функционирование этой модели при выражении различных подклассов предикатов подробнее.

Предварительный анализ показал, что, во-первых, основным носителем значения в этих моделях является глагол, причем все глаголы, “обслуживающие” разные СПП можно разделить на две группы: специфические и неспецифические глаголы; во-вторых, специфика этого значения проявляется по-разному для разных СПП.

Специфические глаголы, с одной стороны, самым лексическим значением характеризуют СПП, ср.: *Он болеет* (физиологическая СПП) и *Он грустит* (эмоциональная СПП); а с другой, способны называть как отрицательные, так и положительные эмоции, ср.: *Он тоскует* и *Он радуется*.

Неспецифические глаголы, во-первых, “обслуживают” несколько СПП, ср.: *Он страдает головной болью* (физиологическая СПП); *Он страдает от разлуки с Олей* (эмоциональная СПП); *От нового закона пострадают дети и пенсионеры* (социальная СПП); то есть они недифференцированы относительно СПП (типа) состояния. Иногда вне более широкого контекста СПП состояния нельзя определить, ср.: *Дед мучился всю жизнь*; *Он маялся всю ночь*; *Уже пострадал один мэр*; Во-вторых, эти глаголы выражают только отрицательную оценку. Рассмотрим модели с этими группами глаголов несколько подробнее:

1. СПП – физическое состояние.

Специфические глаголы, обслуживающие эту сферу, называют как бы положение предмета в пространстве относительно земной поверхности. Основные средства выражения этого значения – глаголы, которые можно разделить на следующие две подгруппы:

1.1. Специфические глаголы физического состояния **стоять, лежать, сидеть, висеть**².

В лингвистической литературе эти глаголы часто определяются как семантически избыточные, выражающие лишь общее значение наличия, существование предмета [9: 43]. Однако это не всегда так. На самом деле эти глаголы употребляются в двух классах моделей:

1) Эти глаголы действительно активно выступают в собственно бытийных предложениях, где, как правило, при них имеется локатив, а сами глаголы являются коррелятами глаголов типа **находиться, размещаться**. ср.: *Дом **стоит** у леса*; *Город **лежит** (**стоит**) на берегу реки*.

² Подробное перечисление и конкретное описание всех глаголов со значением разных состояний в наши задачи не входят. Нам важно дать самые общие характеристики. В работе мы будем останавливаться лишь на интересных для нас случаях.

В этом значении данные глаголы предметом нашего анализа не являются.

2) Вместе с тем они могут выступать также и в статальных предложениях, где в основном обозначается собственно расположение в пространстве, ср.: *Отец стоял, а мать сидела; Кофточка не висит, а лежит; Маслова то сидела неподвижно, (...) то вздрагивала...* (Л. Толстой); *Я стоял и смотрел на них как убитый* (Достоевский);

Отметим, что эти глаголы сами по себе индифферентны относительно оценки состояния, что – в случае необходимости – проявляется лишь в контексте, в частности в именной, деепричастной или наречной синтаксеме, называющей обычно психофизическое или эмоциональное состояние субъекта, равно как и характеризующей состояние с качественной стороны (**смирно, молча**). Такие реализации в русском языке достаточно частотны: *...она (...) в состоянии полного оупения сидела в арестантской...* (Л. Толстой); *Бабушка (...) о чем-то спросила, думая, что я все еще сижу смирно на месте* (Достоевский); *Печорин и она сидели друг против друга в молчании...* (Лермонтов); *Угрюмо стоял он у колонны...* (Герцен); *Крупская пишет Горькому так, словно и не лежал Ленин в параличе...* (Васильева) (подробнее об этом см. [17]).

Интересно, что среди глаголов, выражающих собственно местонахождение, есть глаголы, которые включают в свою семантику характеристику состояния: **ютиться, разлечься, рассесться**, ср.: *Ты так расселся, что мне места не осталось; Ты что это разлгся на чужой кровати; В будке сторожа ютилась целая семья* (БРКС).

Что касается неспецифических для этой СПП состояния глаголов, то это могли бы быть глаголы местонахождения типа **находиться, располагаться, размещаться**, но они в своем основном значении при выражении физического состояния не употребляются.

1.2 Специфические глаголы физического состояния дрожать, вздрагивать, трястись, трепетать обычно употребляются абсолютно или с обстоятельством-каузативом, а также с придаточной частью причины, времени или условия сложного предложения:

1) без распространителей, где подлежащим является

а) субъект-лицо: *Мы оба задрожали, она чуть не вскрикнула* (Достоевский); *Похолодевшая от страха, дрожжа всем телом (...), Надежда Федоровна стояла у постели...* (Чехов); *И она и дети боятся капитана до обмороку и всю ночь трясутся и крестятся...* (Достоевский);

б) часть тела субъекта: ...я видел, как **вздрагивала** ее голова и плечи ... (Чехов); ...**подбородок** ее **дрожал** и **грудь** все еще **колыхалась** (Достоевский); ...**лицо** ее **опять задрожало**... (Чехов).

Примечание: Модель б) можно считать трансформом исходной модели $У S_p V_{st} N_{им}$ с ТЗ “субъект и физическое состояние части его тела или органа”: *Дрожали ее руки, когда она читала письмо = У нее дрожали руки.*

2) с обстоятельством-каузативом, которым может быть:

а) внешний фактор: *Мать **дрожала от холода** в спальне; Девочка **задрожала от грохота грозы**;*

б) внутренний фактор: *Он проснулся в темноте, **дрожая от страха**, и поспешно **зажег свечу** (Л. Толстой); ...очень вялая девочка (...) **тряслась от озноба** в моих **настойчивых объятиях** (Набоков).*

3) с придаточной причинной частью сложного предложения: — *Да, если **рука моя дрожит**, то это **оттого**, что **никогда еще** ее не **обхватывала** такая **хорошенькая маленькая ручка**, как **ваша** (Достоевский);.*

4) с придаточной временной или условной частью сложного предложения: ***Когда** на почте **кто-нибудь из посетителей протестует**, (...), **то** Михаил Аверьяныч **багровеет**, **трясется всем телом**... (Чехов); ср. *Если ... **кто-нибудь ... протестует**, то...**

2. СПП – интеллектуальное состояние.

Как показал анализ материалов, в реализации этого значения участвуют в основном специфические глаголы.

Специфические глаголы, формирующие модели со значением интеллектуального состояния, обычно относятся к объектно ориентированным. Это тот редкий случай, когда в статальном предикате имеется объект, и, в частности, делиберативный объект – объект мысли и речи, что связано со СПП – интеллектуальной и эмоциональной, а также изъяснительная придаточная часть сложного предложения. Формальная запись данной модели: $S_{им} V_{st\ intell} f N_{косв}$. Здесь реализуется три ТЗ:

2.1 ТЗ “субъект и его интеллектуальное состояние”, где делиберативный объект может быть выражен как именной синтаксемой, так и придаточной частью предложения : *Я **помню чудное мгновение** – **передо мной явилась ты** (Пушкин); ...он **никогда не забыл обо мне**... (Достоевский); *Нехлюдов **вспомнил о всех мучительных минутах**, (...), **вспомнил, как один раз он думал, что** муже узнал... (Л. Толстой); *Я **видел их сам, их познал и убедился**, я любил их, я страдал за них потом (Достоевский);***

Однако возможны и безобъектные глаголы типа **забыться, замечтаться**: *Она задумывалась, и он становился серьезен* (Л. Толстой); *Я забываюсь в коротком, тревожном сне* (Суворов).

2.2 ТЗ “субъект и восприятие им физического, эмоционального или интеллектуального объекта”: *Слыхали* ль вы за рощей *глас Певца любви, певца ночной печали?* (Пушкин); *Увидев и услышав его, Крупская мгновенно поняла, что “революция близка и возможна”* (Васильева); *Я чувствую, что какое-то неизъяснимое, тайное горе сосет мое сердце* (Салтыков-Щедрин).

Можно отметить, что глаголы **видеть, замечать** могут быть употреблены и в значении “понимать”, обычно при наличии придаточной части: *Ты сам видишь, что это ошибка*; *Я давно замечаю, что что-то у нас не в порядке*.

2.3 ТЗ “субъект и его патологическое интеллектуальное состояние: помешаться, свихнуться, спянуть, сочетание сойти с ума, употребляемые как в прямом, так и в переносном смысле. Например: *Он помешался*; *Он чуть не спянул от радости*; *Он, казалось, сошел с ума от счастья* (Одоевцева); *Он свихнулся на мысли, что его постоянно кто-то преследует* (Ожегов); *Я обожаю Москву, прожила в ней пять лет и схожу с ума от мысли, что скоро уезжать* (МК 19/07/95).

Отметим, что сюда также включаются неспецифические глаголы, выражающие физиологическое или эмоциональное состояния лица, такие как **мучиться, страдать, заболеть** и др. Мы определяем, что они выражают в данном случае интеллектуальное состояние лица именно по контексту, напр.: *Три ночи не спал, колебался и мучился* (Трифонов); = *колебался, думал*; *Иван Дмитрич Громов, (...), страдает манией преследования* (Чехов); = *все время думает, что его преследуют*; *Появление умного, страдающего каждым словом страстного письма русской дворянки, (...), могло быть оставлено без внимания?* (Васильева); = *думающий над каждым словом*; *Я заболел рассказоманией и заразил этим моих слушателей* (Тихонов); = *очень хочется рассказывать*.

3. СПП – социальное состояние

Сфера социального состояния может иметь в качестве протагониста – экспериенцера не только лицо или группу лиц, но и административные единицы, объекты хозяйственной деятельности и т.п.

Как показала А.Ю. Махашева [14], глаголов, своим лексическим значением выражающих социальное состояние, немного, напр.: *бюллетенить*; *В городе свирепствовала эпидемия гриппа, и в цехах бюллетенило много рабочих* (Носов).

В качестве основных можно назвать глаголы **работать, учиться, служить** как называющих социальное состояние лица, ср.: *Отец у нас работает, брат служит в армии, а сестренка еще учится*. Если, например, при выражении эмоционального состояния субъекта, как правило, существуют одновременно и предложно-падежная и соответствующая глагольная модель, ср.: *Он в восторге = Он восторгается; Он в печали = Он печалится; Он в тоске = Он тоскует; Он в волнении = Он волнуется* и др., то при выражении социального состояния субъекта чаще употребляется предложно-падежная модель, редко имеющая глагольный коррелят, ср.: *Он в отпуске, в работе, в нищете; Он на свободе; на обеспечении, на пенсии; Он под арестом, под (чьим) влиянием, под надзором; Страна в кризисе, Семья в бедности, Группировка под контролем* и т. п.

3.1 Специфическими для моделей, выражающих социальное состояние, часто являются глаголы, значение которых можно рассматривать как:

1) состояние–процесс: *страна процветает, общество деградирует, экономика разваливается, валюта стабилизируется, строй рушится; Собственное его имение **процветало**, то есть он получал много дохода* (Успенский); *К марту фронт здесь **стабилизировался** и бои постепенно заглохли; Фронт **рушился**. ...В конце ноября с позиций снижались роты, батальоны, полки* (Шолохов);

2) результат изменения социального состояния: *Семейное несчастье произошло так внезапно, и домашний мир **развалился** до того легко и окончательно, что Даша была оглушена* (А. Толстой); *Семья его быстро **разрушилась**, отец заболел тихим помешательством на религиозной почве, младший брат начинал пить и гулять с девицами, сестра вела себя, как чужая* (Горький);

3) социальное состояние-отношение: *Я от себя не завишу. Я завишу от обстоятельств* (Токарева); *На протяжении всей долгой истории человечества роль женщины сводилась к тому, чтобы **подчиняться мужчине*** (БЗ 3/96).

Сюда мы отнесем и модальные глаголы типа **нуждаться**: *Сам **нуждаясь в защите**, он защитил свою женщину* (Васильева); *В этой борьбе каждый **нуждается в помощи и поддержке*** (Суворов);

3.2 Неспецифическим для этого типа предикатов является глагол **страдать, пострадать**, имеющий значение “терпеть, потерпеть ущерб, урон”, как правило, без дополнения или с распространителя причины в форме “от +N₂” или “за +N₄”, ср.: Она **пострадала** в трудные времена,

но все понимала и не только не ругала Сталина, а слушать не хотела, когда его ругают (Васильева); Мелкий производитель сильно **страдает от современных порядков...** (Ленин); **От всего этого страдали торговля и ремесла** (А. Толстой); **Так вот я прошу прощения у него и у всех, кто пострадал за мои книги** (Суворов).

4. СПП – физиологическое состояние

4.1. Специфические глаголы физиологического состояния можно разделить на следующие подгруппы:

1) глаголы, обозначающие разные состояния организма в его функционировании: **спать, дремать, бодрствовать, голодать, потеть, устать, утомиться, истощаться, мерзнуть, зябнуть** и др.: *Засыпаю я скоро, но во втором часу просыпаюсь и с таким чувством, как будто совсем не спал* (Чехов); *Чувствуешь, что она [фантазия — Г.Ш.] наконец устает, истощается в вечном напряжении...* (Достоевский); *Я зябну, и зябну до такой степени, что должен ежеминутно выбегать из комнаты на воздух, чтобы согреться* (Гоголь); *Зато отлично знали, что в Америке голодают черные ребята...* (Васильева);

2) глаголы, обозначающие патологические состояния организма и несущие отрицательную оценку: **болеть, хворать, недомогать, грипповать, кашлять, дохатъ, сопливеть, слюнявиться** и др.: *Он болезненно по-детски от этого [курения сигареты — Г.Ш.] кашлял, и злился* (Знамя 1/96); *И вот он, сука в штанах, жалуется, сочувствия ищет, слюнявится...* (Шолохов).

Глаголы **болеть, хворать, недомогать** употребляются как без конкретизаторов, так и с распространителями. См. примеры без конкретизаторов: *[Иван Ильич] болел уже несколько недель...* (Л. Толстой); *Захворала молодая Павлиха. Девять лет Павлиха хворает* (Пушкин); *Отец (...) стал сильно недомогать* (Салтыков-Щедрин);

С распространителями употребляется в первую очередь глагол **болеть**, реже **хворать** и **недомогать**. ср.: *Он болеет тифом уже месяц* (БРКС); *Очнулся я уже в госпитале недели через три. Белой горячкой хворал* (Новиков-Прибой); *Кроме головной боли, я еще кое-чем недомогал* (БРКС).

В качестве распространителей при этих глаголах выступают:

1) конкретизаторы состояния — названия болезней типа **грипп, насморк, ангина, ларингит, астма, коклюш, корь, воспаление легких, туберкулез, дифтерит, скарлатина, холера** и т. д. в форме N₅ в позиции дополнения: *...Сергей заболел скоротечною чахоткой и умер...* (Чехов); *Фортуна заболела воспалением легких* (Васильева);

Не записывал (д-р Борменталь) несколько дней: **болел инфлюэнцей** (Булгаков);

2) слово “болезнь”: *Он болеет тяжелой, неизлечимой болезнью*; ср. *Они жили вместе, не ведая, что больны одной болезнью* (Буало, Нарсежак).

3) В разговорном стиле встречается – в первую очередь в сочетании с глаголом **болеть**, реже с глаголом **хворать** – метонимическое употребление названий больного органа: **болеет головой, животом, зубами**: *В голове [Ивана Самойловича] ...нарисовался деревенский его дом... мать, вечно **болеющая зубами*** (Салтыков-Щедрин); *...старик же уже давно **хворал животом**...* (Л. Толстой).

Важно отметить, что, видимо, такие сочетания как **болеть (хворать) головой**, также **страдать (мучиться, маяться) животом** является специфическим для русского языка, например, в китайском и английском языках нет подобных сочетаний, ср. кит.: *Wo tou teng = Моя голова болит* (дословно: *Я голова болеть*); англ.: *I have a headache = Я имею головную боль*.

Примечание: По этой модели строятся также модели из других классов предикатов – характеристики, качественного признака лица: в сочетании с названиями отрицательных качеств: *Он окончательно заболел скупостью и потерял стыд* (Горький); = *Он стал скупым*; *Я (...) болел каким-то тревожным любопытством, жаждой все знать и как можно скорее* (Горький); = *Я был любопытным и жаждал все знать...* – где налицо переход в другой класс предиката – предикат характеристики.

4.2. Неспецифическими для моделей со значением физиологического состояния являются глаголы **страдать, мучиться, маяться, изнемогать**, которые могут выступать:

1) без конкретизаторов: *Иногда он очень **страдает**. Рана его горит, лихорадка **трясет** его* (Гаршин); *Она ужасно **мучилась**, стонала* (Лермонтов); *Неделю-то **маешься**, **маешься** около стана, спину тебе **разломит*** (Слепцов); *Лихорадка иногда **трясет**, среднеазиатская, – захватил ее еще в гражданскую войну, и вот с тех пор и **маюсь*** (Саянов); *...у него были страшные головные боли, **мучился** ужасно...* (Васильева); Сюда также входит неспецифический глагол совершенного вида “пострадать”, выступающий как бы в значении “погибнуть, получить раны, быть убитым”: *К счастью, никто из них не **пострадал**, так как все жильцы с раннего утра ушли на работу, а их дети – в школу и детские сады* (Сег. 13/02/97);

2) с распространителями в формах **N₅** и **от +N₂**:

1) В форме **N₅** без предлога выступают:

а) конкретизаторы – названия болезней и некоторых состояний (**бессонница**), а также дескрипции типа **тяжелая (редкая) форма + N₂** названия болезни или **тяжелая, редкая болезнь, тяжелое, редкое заболевание, какие-н. боли**, причем здесь чаще употребляются глаголы **страдать, мучиться**, но не **изнемогать**: *Онегин сохнет – и едва ль Уж не чахоткою страдает* (Пушкин); *Он кашлял и страдал мигренью...* (Чехов); ср. *Он страдал глухотой; варикозным расширением вен; В последние дни Андрей Ильич особенно сильно страдал бессонницей* (Куприн); *Второй уже день он мучился лихорадкой, его знобило и ломало* (Л. Толстой); *Вспомните, сколько раз в жизни вы... мучились тошнотой и отрыжкой* (7Д 42/97); ср. *Он страдал психическим расстройством; Сын – инвалид с детства, страдает редкой формой гемофилии* (Огонек 11/96); *Матушка страдала изнурительной болезнью...* (Достоевский); *От мартовского тумана пес по утрам страдал головными болями, которые мучили его кольцом по головному шву* (Булгаков);

б) словосочетания “болезнь” или “заболевание” +**N₂** – названия органа: *Наталья Федоровна Свечина страдала тяжелой болезнью сердца* (Лидин); *Я страдаю заболеванием мочевого пузыря* (СД 4/96); *Согласно последним медицинским данным, большинство людей страдают заболеваниями печени* (Отд. 23/97).

в) названия частей тела или органа: **тело, голова, ноги, зубы, живот, сердце** и др. Напр.: *Хозяин мучился животом и охая лежал на полатах* (Решетников); *...Колька маялся животом* (Смирнов); *А Марья сказала, что у нее сердце чего-то... Мается сердцем* (Шукшин); *Горлом маются, кашляют и хрипят школьники, и пропускают занятия* (Астафьев).

2) Форма **от + N₂** – это собственно причинный компонент – каузатив. В сочетании с ней глагол **страдать** сохраняет свое исконное значение сильного дискомфортного состояния (ср. кит.: **терпеть мучения**). Также ср. *Я страдаю астмой*, нельзя **Я очень страдаю астмой*; а *Я страдаю от астмы*; можно *Я очень страдаю от астмы*.

В форме **от + N₂** выступают чаще всего первые две названные выше группы имен: *страдать от астмы, страдать от головных болей, мучиться от лихорадки, маяться от боли в животе* и др.: *Застенчивые взрослые чаще страдают от аллергии* (СД 4/96); *Если вы постоянно страдаете от ОРЗ или бронхита, то ингаляции (...) быстро избавят*

вас от этих недугов (ВМ 11/03/97); *Пятьсот миллионов человек страдает* на нашей планете *от голода и недоедания* (Аиф 3/90); *Евсей изнемогал от подавляющего ощущения сытости* (Горький); *Я (...), голодал, холодал, мучился от зноя* (Гаршин).

Таким образом, в данном случае, мы имеем дело с пересечением функционально-семантического поля состояния и функционально-семантического поля причины.

5. СПП – эмоциональное состояние

Работы многих исследователей [12; 2; 19; 3; 13 и др.] и наш корпус примеров показали, что в русском языке количество глаголов эмоционального состояния и отношения достаточно велико. Поскольку объем работы не позволяет нам заниматься детальным описанием каждой группы, мы дадим лишь общую характеристику данной группы глаголов.

5.1. Специфические глаголы эмоционального состояния и отношения, составляющие девять самостоятельных классов: глаголы “боязни” (*бояться, опасаться, робеть, остерегаться, пугаться, страшиться, ужасаться*); “удивления” (*дивиться, удивляться, поражаться, изумляться, радоваться, огорчаться, печалиться*); “любви и ненависти” (*любить, обожать, боготворить, уважать, ценить, ненавидеть, жалеть*); “увлечения” (*восхищаться, восторгаться, наслаждаться, упиваться, пленяться, умиляться, любоваться, увлекаться, гордиться, интересоваться*, подробнее об этой группе глаголов см. [3]); “беспокойства” (*беспокоиться, волноваться, тревожиться, переживать, бояться, опасаться, пугаться, страшиться*); “недовольства” (*досадовать, плакаться, жаловаться, обижаться, сердиться, злиться, злобиться, негодовать, гневаться, ругаться*); “преклонения и самоунижения” (*преклоняться, благоговеть, робеть, трусить, теряться, тушеваться, пасовать, унижаться, угодничать, заискивать, лебезить*); “заботы, волнений и печали” (*заботиться, думать, волноваться, беспокоиться, тревожиться, кручиниться, горевать, скорбеть, тосковать, скучать, грустить*); “насмешки и издевательства” (*смеяться, шутить, трюнить, усмехаться, насмехаться, иронизировать, потешаться, язвить, издеваться, измываться, глумиться, куражиться, надругаться*). О конкретной сочетаемости этих глаголов подробнее см. в работе [12: 18-24].

5.2. Неспецифические глаголы эмоционального состояния, представленные тремя группами:

1. глаголы **страдать, мучиться, маяться, изнемогать**, которые могут выступать:

1) без распространителей: *Как утверждают психиатры, каждый четвертый **страдает и мучается**, нечаянно задавшись этими вопросами* (Аиф 51/96); *Одни живут, а другие **маятся*** (Л. Толстой); *Борисов курил, а Саша **маялся**, не зная, как начать разговор* (Гранин);

2) с распространителем N₅, называемым:

а) имя “больного органа” – слова **сердце** и **душа** в форме N₅: *страдать душой (сердцем), мучиться душой (сердцем), изнемогать душой;*

б) имя фактора, каузирующего душевные переживания протагониста; причем фактор может быть:

* внутренним, субъективным для протагониста, выраженным придаточной частью местоименно-соотносительного или причинного предложения: *[Иван Алексеевич] **маялся тем, что** скривил душой и не так сделал, как ему подсказывало сознание* (Шолохов); ср. *Он маялся, потому что он сам скривил душой;*

* внешним по отношению к протагонисту, причем в этом случае, каузирующий фактор может быть выражен отвлеченным именем со значением эмоционального или социального состояния: *Я очень **мучилась тяжелым душевным состоянием моего мужа*** (Достоевская); = *Я мучилась, потому что у мужа было тяжелое душевное состояние; Я горюю вместе с ними их горестями, **страдаю их страданиями**, и нет ничего слаще, чем сострадать ближнему* (Ключевский); = *Я **страдаю, потому что** они страдают; Аналогичное предложение – *Потом, если он поэт, (...), то не должен ли сочувствовать своему отчеству, (...), **болеть его болезнями, радоваться его радостями?*** (БАС); = *должен болеть за него, когда отчество болеет.**

Примечание: По этой модели строятся также модели из других классов предикатов, а именно модели со значением характеристики, качественного признака лица:

1. Модели со значением субъективных эмоционально-психических свойств и качеств:

1) в сочетании с названиями отрицательных качеств, эмоциональных или интеллектуальных свойств: *Он **страдает скупостью** = Он скупой; **Слабостью к шляпам страдает** и неувядающая Софи Лорен* (7Д 42/97); = *Она слаба к шляпкам;*

2) названия нейтральных и положительных качеств и свойств выступают в этом случае:

а) в сочетании с прилагательным **излишний**: *страдать излишней доверчивостью; излишней доверчивостью; излишней добротой*; ср. однако: *Певца страдает оптимизмом* (Отд. 23/97) = *Певца оптимистичная*;

б) в функции своего рода эвфемизмов – в отрицательной модификации, где не столько отрицается наличие положительных качеств, сколько утверждается наличие противоположных свойств, иногда отрицательных: *Я не страдал ни застенчивостью, ни робостью...* (Горький) = *Я не стеснялся и был смелым*; *Он скромностью не страдает* = *он нескромный*; *Он щедростью не страдает* = *Он скупой*; но возможна также и собственно отрицательная модификация: *Он не страдает ревностью* = *Он не ревнив*.

2. Модели со значением объективных физических признаков: *Между тем мы все, здесь находящиеся, страдаем скорее излишнею худобой* (Короленко) = *Мы очень худые*; ср. *Она страдает полнотой*.

3) с распространителем **от** + **N₂**, причем, в этом случае каузирующий фактор может быть как субъективным, присущим протагонисту: *...Нельзя ли как-нибудь переменить его фамилию, он давно страдает от ее неблагозвучия* (Достоевский); *К тому же, ведь он первый страдает от своих недостатков, как больной от своих ран* (Чехов); *Воротов мучился от стыда* (Чехов); *Когда-то Сталлоне страдал от своей болезненной... восприимчивости* (7Д 42/97); так и внешним: *Она всегда страдала от деспотического и грубого характера Сталина* (Васильева); = *Она страдала, потому что у Сталина деспотический и грубый характер*; *Едва ли не больше страдают люди от дурного помещения, чем от недостаточной пищи* (Чернышевский);

4) с распространителем **за** + **N₄**, называющим лицо-каузатора или его действия и “положение дел” *Я страдала за милого, доброго Ивана Андреича, как за сына* (Чехов); *Я любил его, знался, восхищался им и страдал за него* (Окуджава); *Это был крестьянин, (...) который потом был в солдатах и там пострадал за то, что влюбился в любовницу офицера* (Л. Толстой).

2. глагол **болеть**, сочетающийся с формой **N₅** – слова **сердце** и **душа** в качестве “больных органов”: *Не болел он душой, не терялся никогда в сложных, трудных или новых обстоятельствах* (Гончаров); *Он болеет душой за простой народ* (Мушкетик); Данное значение эмоционального состояния также можно выразить моделью с **У** + **S_p**, ср.: *Мама болеет душой о ребенке* и *У мамы душа болит о ребенке*.

3. глаголы **дрожать**, **трястись**, **трепетать**, которые могут употребляться:

1) без распространителей: [*Левин*] — *все-таки и с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклиная...* (Л. Толстой);

2) с распространителями:

а) **от** + **N₂**: в отличие от сочетаний с глаголом **страдать**, возможны сочетания с названиями положительных эмоций: *Я дрожу от радости, не нахожу слов* (Чехов); *...но Ло уже втиснулась, вся трепещет от удовольствия...* (Набоков);

б) **перед** + **N₅**, где эти глаголы становятся синонимами глаголов боязни: *Борис, Борис! ...Все перед тобой трепещет* (Пушкин); = все тебя боятся; *Европа дрожала перед Петром* (Вс. Иванов); *Я трепещу перед жестокой силой человека* (Алданов);

в) **за** + **N₄**, где эти глаголы становятся синонимами глаголов беспокойства: *Я принимала вас и дрожала за детей* (Чехов); = волновалась, что с детьми может что-нибудь случиться; *Достоевский казался мне таким умным, что я заранее трепетала за каждое сказанное мною слово* (Достоевская); = волновалась, что смогу что-то не так сказать.

г) **над** + **N₅**, где эти глаголы становятся синонимами глаголов “жалеть”, “дорожать”: *Генеральша (...) дрожала над каждой копеейкой* (Писемский); = жалела каждую копейку; *... мы, старые поклонники их, трясемся над каждым заветным вершком их нимфетства...* (Набоков).

Кроме того, отметим, что с этими неспецифическими глаголами эмоционального состояния регулярно сочетаются слова “сердце” и “душа”, образуя обороты “типа синекдохи, где состояние как бы приписывается не субъекту в целом, а его части” [18: 171], когда в модели в позиции подлежащего выступает не имя самого субъекта — экспериенцера, а эти обороты-синекдохи: — *Ну? — спросил я, и сердце мое задрожало* (Достоевский); *Сердце ее дрожало и болело За Исанку, поэтому в глазах у нее всегда была грусть и тревога* (Вересаев); *Чувствительная душа трепещет при (...) незаметном прикосновении к ней* (Гулиа); *Моя романтическая душа вся трясется от какого-то липкого озноба...* (Набоков). Данное значение также можно выразить упомянутой выше моделью с **У** + **S_p**, ср.: *Ее душа дрожит* и *У нее душа дрожит*.

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Символу **N_{росв}** в конкретных реализациях соответствует некоторое множество конкретных классов синтаксем, что зависит от ЛСГ гла-

голов, от категориального значения именной группы и классов слов, ее формирующих, а также от СПП.

2. В моделях с глаголами дискомфортного физиологического состояния в качестве распространителей выступают не только конкретизаторы состояния – названия болезней, но и словосочетания “болезнь + орган” и “заболевание + орган”, а также имена самих органов, что типично для русского языка и не встречается в китайском и английском языках.

3. Иногда один и тот же глагол в сочетании с разными типами каузативов меняет:

1) свое собственное лексическое значение, напр.:

а) глагол **страдать** + **N₅** обозначает “иметь какую-л. болезнь”, а **страдать** + “**от** + **N₂**” – “сильное дискомфортное состояние”, ср. рус.: *Я страдаю от астмы*; кит.: *Астма мучитя меня*.

б) глагол **дрожать** + “**перед** + **N₅**” преобладает значение “бояться”; **дрожать** + “**за** + **N₄**” – “волноваться”; а **дрожать** + **над** + **N₅** – “жалеть”, “дорожить”;

2) или даже ТП, ср.: *Я страдаю ревностью* = *Я ревнив* (эмоциональное качество – каузатив переходит в другой класс предиката – характеристический предикат) и *Я страдаю от ревности* = *Я мучаюсь от того, что я ревнивый* (статальный предикат).

Таковы основные характеристики глагольной модели, выражающей состояние субъекта.

Л и т е р а т у р а

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., Наука, 1976.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
3. Ван Янчжен. Роль подлежащего в структурно-семантической организации русского предложения (на материале предложений с глаголами эмоционального состояния и отношения): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.
4. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка. М., 1989.
5. Всеволодова М.В. Основания практической функционально-коммуникативной грамматики русского языка. – Языковая системность при коммуникативном обучении. М., 1988.
6. Всеволодова М.В. Практикум по курсу – функционально-коммуникативный синтаксис. МГУ, 1995.
7. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса (в печати).
8. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., Наука, 1982.
9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса. М., Наука, 1973.

10. *Кибрик А.Е.* Подлежащее и проблема универсальной модели языка. // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. М., 1979, № 4. с. 309-317.
11. *Клубуков Е.В.* Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
12. *Крючкова М.Л.* Особенности глагольного немотивированного управления в современном русском языке. М., 1979.
13. *Лебедева Е.К.* Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
14. *Махашева А.Ю.* Выражение социального состояния лица средствами субстантивных предикативных словоформ современного русского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996.
15. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка /Под ред. *Н.Ю. Шведовой.* М., 1989.
16. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Екатеринбург, 1997.
17. *Туманова Н.Л.* Наречия со значением психического и физиологического состояний в современном русском языке. // Исследования по семантике. Уфа, 1980, с. 89-103.
18. *Цейтлин С.Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. // Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 161-181.
19. *Чагина О.В.* Как сказать иначе? М., 1990.
20. *Шмелева М.В.* Семантический синтаксис. Текст лекции. Краснодар, 1994.

С п и с о к с о к р а щ е н и й

1. Аиф – газета “Аргументы и факты”.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка АН СССР. В 17-х т. М., 1950-1965.
3. БЗ – журнал “Будь здоров!”
4. БРКС – Большой русско-китайский словарь. Пекин, 1985.
5. ВМ – газета “Вечерняя Москва”.
6. ЛСГ – лексико-семантическая группа.
7. МК – газета “Московская Правда”.
8. Отд. – журнал “Отдохни!”.
9. СД – журнал “Семейный доктор”.
10. Сег. – газета “Сегодня”.
11. СПП – сфера проявления предиката.
12. ТЗ – типовое значение.
13. ТП – типы предикатов.
14. 7Д – журнал “7 дней”.

Структура языковой личности на разных этапах ее формирования

© доктор педагогических наук Л. П. Клобукова, 1997

В последние годы внимание методистов, преподавателей иностранных языков, в том числе и русского как иностранного, все чаще привлекает феномен языковой личности: дискутируются проблемы различных уровней в структуре языковой личности¹, характеризуются аспекты ее анализа и описания.

Рассмотрение языковой личности с позиций лингводидактики привело нас к выводу о том, что языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму речевых личностей, которые дифференцируются, с одной стороны, с учетом различных уровней языка, с другой стороны — с учетом основных видов речевой деятельности, а с третьей — с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение.

Данные параметры, с учетом которых описывается портрет языковой личности, взаимодействуя в самых различных комбинациях, обуславливают существование как бесконечного числа конкретных языковых личностей, так и сложную комбинаторику различных речевых личностей в рамках единой языковой личности.

В то же время, признавая и принимая это реально существующее бесконечное многообразие языковых личностей, преподаватели иностранных языков не могут не задумываться о возможности идентификации и сертификации уровня коммуникативной компетенции различных языковых личностей. Эта проблема стала особенно актуальной в последнее время в связи с расширением взаимосвязей между различными европейскими странами в рамках Совета Европы, в связи с развитием партнерских отношений, актуализирующих задачу признания национальных дипломов и сертификатов о владении тем или иным иностранным языком в европейском масштабе.

Перед российской теорией и практикой преподавания русского языка как иностранного встала задача обеспечить проведение единого

¹ О трехуровневой модели языковой личности (уровень А — вербально-семантический, Б — тезаурусный, В — мотивационный) см.: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 56; *Клобукова Л.П.* Феномен языковой личности в свете лингводидактики // *Язык, сознание, коммуникация.* М., 1997. Вып. 1. С. 28-29.

независимого стандартизированного контроля с целью выявления того или иного уровня сформированности языковой личности. Число этапов формирования той или иной конкретной языковой личности неисчислимо, в целях же проведения единого унифицированного стандартизированного контроля было предложено выделить 4 основных сертификационных уровня и два дополнительных уровня, предшествующих первому, — элементарный и базовый уровни общего владения русским языком как иностранным².

Необходимо особо подчеркнуть, что речи идет об уровнях **общего владения** русским языком как иностранным. Поскольку некоторые методисты предлагали выстраивать две разные, параллельно существующие системы уровней: с одной стороны, уровни владения русским языком как средством получения образования для учащихся российских вузов, а с другой стороны — уровни владения русским языком для всех остальных иностранцев. В ходе научных дискуссий была признана нецелесообразность такого подхода³. Ведь где бы и как бы не изучал иностранец русский язык — в российском или зарубежном вузе, в рамках коммерческой структуры, в домашней обстановке с репетитором, он достигает в этом процессе определенного уровня общего владения языком. И система эта едина для всех.

В основу выделения уровней общего владения русским языком как иностранным было положено представление о структуре языковой личности тестируемого, при описании которой учитывались такие основные параметры, как актуальные сферы общения, социокоммуникативные роли, типы дискурсов, обусловленные первыми двумя параметрами, и стоящие за этими дискурсами лексико-грамматические подсистемы.

Конечно, удельный вес различных сфер общения на разных этапах формирования языковой личности неодинаков. Так, например, социально-бытовая сфера общения весьма актуальна для начальных уровней (Элементарного, Базового), в меньшей степени — для Первого и уж, конечно, для Второго сертификационного уровней. Затем ее роль вновь возрастает на Третьем и особенно на Четвертом уровнях, когда претен-

² Данные уровни выделяются в соответствии с концепцией, разрабатываемой совместно специалистами филологических факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова и Санкт-Петербургского государственных университетов.

³ См. об этом: Актуальные проблемы теории и практики лингводидактического тестирования. Материалы научно-практической конференции (Министерство общего и профессионального образования РФ). Изд. МПГУ, 1996.

дент должен проявить свое владение такой весьма специфической языковой подсистемой, как разговорная речь. Что же касается социокультурной сферы общения, то она вовлекается в речевую деятельность, контролируруемую на всех уровнях, кроме Элементарного и Базового.

От уровня к уровню нарастает и число ситуаций общения, в рамках которых языковая личность способна реализовать свои интенции. Так, например, если мы сравним, насколько это возможно в рамках статьи, Элементарный, Базовый и Первый сертификационный уровни, то увидим, что на Элементарном уровне коммуникативной компетенции иностранец может удовлетворять элементарные коммуникативные потребности в ограниченном числе ситуаций повседневного общения, на Базовом уровне — базовые потребности в большем (но все еще достаточно ограниченном) числе ситуаций повседневного общения, а достижение Первого уровня общего владения русским языком позволяет иностранцу удовлетворять свои основные потребности не только в социально-бытовой, но и в социально-культурной сферах общения, а также элементарные потребности в ограниченном круге ситуаций официально-деловой сферы общения.

Что же касается различных типов дискурса⁴, то обращение к этому феномену, позволяет методистам обрести надежную базу описания и представления портрета языковой личности на разных этапах ее формирования и, соответственно, базу описания единиц тестирования, выделяемых на разных уровнях владения русским языком как иностранным. Особенную трудность представляет решение этой задачи при разграничении единиц тестирования (типов текста при рецептивных ВРД и типов коммуникативно-речевых ситуаций при продукции) на высших уровнях⁵, поскольку структура языковой личности на элементарном, базовом и первом сертификационных уровнях объективно описывается проще. Не случайно во всех языках начальный этап в овладении речевой деятельностью традиционно структурирован и представлен в различного типа научно-методических описаниях лучше, чем последующие этапы развития языковой личности.

⁴ О феномене дискурса см.: *Степанов Ю.С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // *Язык и наука конца 20 века.* М., 1995.

⁵ См. весьма интересное и в высшей степени актуальное для современного этапа развития тестологии в России представление модели описания второго, третьего и четвертого уровней владения устной продуктивной речью в статье: *Юрков Е.Е., Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н., Попова Т.И., Хорохордина О.В.* Говорение как вид речевой деятельности и объект тестирования. // *Вестник Санкт-Петербургского университета.* Серия 2. История, языкознание, литературоведение. Выпуск 2, 1996 г.

При описании типового портрета языковой личности на разных этапах ее формирования учитывались варианты сочленения в дискурсе разных типов информации, объем информации, способы и формы ее интеграции в дискурсе; важным критерием выступала степень свободы синонимического варьирования способов выражения того или иного смысла в рамках дискурса.

Приведем краткое описание российской государственной системы комплексного сертификационного тестирования с тем, чтобы показать, каким образом по мере продвижения языковой личности от одного уровня коммуникативной компетенции к другому ее возможности наращиваются как в качественном, так и в количественном отношении с учетом параметров, отмеченных выше.

ТЭУ. Тест по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень.

Успешное прохождение ТЭУ свидетельствует о минимальном уровне коммуникативной компетенции, который позволяет удовлетворять элементарные коммуникативные потребности языковой личности в строго ограниченном числе ситуаций повседневного общения.

ТБУ. Тест по русскому языку как иностранному. Базовый уровень.

Успешное прохождение ТБУ свидетельствует о начальном уровне коммуникативной компетенции, который позволяет удовлетворять базовые коммуникативные потребности языковой личности в достаточно ограниченном числе ситуаций повседневного общения.

ТРКИ-1. Тест по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень.

Успешное прохождение ТРКИ-1 свидетельствует о среднем уровне коммуникативной компетенции, который позволяет удовлетворять основные потребности языковой личности в социально-бытовой, социально-культурной, учебно-профессиональной и официально-деловой сферах общения. Достижение данного уровня общего владения русским языком необходимо для поступления в российские высшие учебные заведения.

ТРКИ-2. Тест по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень.

Успешное прохождение ТРКИ-2 свидетельствует о достаточно высоком уровне коммуникативной компетенции, который позволяет языковой личности осуществлять профессиональную деятельность нефилологического характера с использованием русского языка, а также удовлетворять свои коммуникативные потребности во всех сферах общения. Данный уровень общего владения русским языком как иностранным необходим для получения в российском вузе диплома бакалавра, магистра или кандидата наук нефилологического профиля.

ТРКИ-3. Тест по русскому языку как иностранному. Третий сертификационный уровень.

Успешное прохождение ТРКИ-3 свидетельствует о высоком уровне коммуникативной компетенции, который позволяет языковой личности осуществлять профессиональную деятельность филологического профиля на русском языке (преподавателя-русиста, переводчика), а также удовлетворять свои коммуникативные потребности во всех сферах общения. Данный уровень необходим для получения в российском вузе диплома бакалавра-филолога.

ТРКИ-4. Тест по русскому языку как иностранному. Четвертый сертификационный уровень.

Успешное прохождение ТРКИ-4 свидетельствует о свободном владении русским языком, близком к уровню носителя языка. Достижение данного уровня необходимо для получения в российском вузе диплома магистра, дающего право на все виды преподавательской и научно-исследовательской деятельности в сфере русского языка, а также диплома кандидата филологических наук.

Приступая к процессу обучения в той или иной учебной группе, преподаватель путем входного тестирования составляет исходный портрет языковой личности каждого учащегося, а затем — портрет планируемый, соотнося цели и задачи обучения с достижением следующего уровня коммуникативной компетенции, который должен быть освоен учащимися в результате учебного курса.

Разумеется, любая унификация учебного процесса небезгранична, нельзя забывать и о его индивидуализации, о коммуникативных потребностях учащегося, индивидуально присущих только ему. Гармонизировать эти две характеристики, свойственные любому процессу преподавания иностранного языка, и русского языка как иностранного в частности, помогает разграничение таких понятий и стоящих за ними явлений,

как *базовый портрет языковой личности и вариативные его модификации*.

Базовый портрет языковой личности того или иного уровня фиксируется в рамках образовательного стандарта, задача которого унифицировать учебный процесс и сделать сопоставимыми результаты обучения русскому языку в разных формах и условиях обучения, или в других, более подробных, чем стандарт, научно-методических описаниях. Что же касается индивидуального, вариативно модифицированного портрета языковой личности, отражающего индивидуально ориентированные цели и задачи обучения, то он описывается в иного рода научно-методических программных описаниях, в календарно-тематических планах например.

Задача создания базового портрета языковой личности на разных этапах ее формирования в форме единого образовательного стандарта, содержащего лингвометодические описания различных уровней общего владения русским языком как иностранным, приобрела в настоящее время особую актуальность в теории преподавания РКИ. Идея стандарта в обучении рассматривается как важнейшее условие совершенствования системы обучения. При этом стандарт понимается как диагностическое описание минимальных обязательных требований к целям и содержанию обучения на каждом конкретном уровне. Стандарт содержит также в своей структуре образцы типовых тестов, используемых для выявления уровня коммуникативной компетенции, достигнутого иностранцем. Неотъемлемые качества стандарта — достаточность, избыточность, посильность для реализации.

Работа по созданию стандартов объединила многие ведущие кафедры РКИ. В настоящее время подготовлены стандарты Первого уровня (в его создании принимали участие специалисты филологического факультета и Центра международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова, Российского государственного университета Дружбы народов и Санкт-Петербургского государственного технического университета) и Второго уровня (его авторами стали специалисты из Санкт-Петербургского государственного университета, МГУ им. М.В. Ломоносова и Российского университета дружбы народов). Ведется работа над Стандартом Базового и Третьего уровней.

Пользователями данных стандартов уже сейчас являются методисты, преподаватели, авторы учебных пособий, разработчики учебных программ и планов — все, кто профессионально занимается теорией и практикой преподавания РКИ как в России, так и за рубежом и готовят

своих учащихся к сдаче экзамена на сертификат того или иного уровня в рамках единой российской государственной системы тестирования. Кроме того, данное описание целей и содержания обучения может заинтересовать и самих иностранных учащихся, желающих сориентироваться в том, каков уровень их коммуникативной компетенции в русском языке в настоящее время, насколько предлагаемая им в том или ином учебном центре программа соответствует их индивидуальным потребностям. Хотя можно отметить, что параллельно готовятся и другие научно-методические описания этих уровней, в частности — программы, специально предназначенные для учащихся.

Говоря о вариативных модификациях базового портрета языковой личности, необходимо хотя бы кратко остановиться на проблеме профессионально ориентированного обучения и, соответственно, профессионально ориентированного тестирования. Огромное число иностранных граждан изучает русский язык в специальных целях. Иногда изучение языка становится средством получения образования в вузах России, иногда, получив специальность в своей стране на своем родном языке, иностранец стремится овладеть русским языком, поскольку это необходимо ему для выполнения его профессиональных обязанностей. Так, например, в последние годы все большее число иностранных граждан овладевает русским языком, прежде всего, как языком делового общения, что обусловлено стремительным развитием интеграционных процессов во внешнеэкономических отношениях между Россией и зарубежными странами.

Российская государственная система тестирования предусматривает возможность идентификации различных уровней владения языком в специальных целях. Для этого используются дополнительные тестовые модули, которые коррелируют с тестами различных уровней общего владения русским языком как иностранным, о которых упоминалось ранее. Данные тестовые модули (создание которых предваряется особыми программными лингвометодическими описаниями), включают в себя материал, специфический для определенной функциональной языковой подсистемы, и речевые задачи, актуальные для той или иной категории тестируемых.

Уже готовы программные описания базового портрета языковой личности иностранного абитуриента российского вуза, а также базового портрета выпускника-нефилолога — бакалавра или магистра. Завершаются соответствующие описания для выпускников филологических факультетов, что будет иметь огромное значение для унификации учеб-

ного процесса на российских кафедрах русского языка как иностранного, поскольку данные научно-методические описания непосредственно связаны с вузовскими формами и профилями обучения.

Таким образом, как видим, освоение лингводидактикой феномена *языковая личность* серьезно продвинуло российскую теорию и практику преподавания РКИ по пути унификации учебных программ, по пути создания единой российской государственной системы тестирования граждан зарубежных стран. Скорейшая публикация российских образовательных стандартов разных уровней — как формы представления базового портрета языковой личности на разных этапах ее формирования — будет, несомненно, способствовать решению проблемы международного признания российского сертификата и интеграции России в мировую образовательную систему.

Деловое общение на русском языке в современном социальном контексте

© кандидат педагогических наук *И.В. Михалкина*, 1997

В настоящее время практически нет исследований, посвященных изучению и описанию стилей современного русского языка, обслуживающих деловое общение, в ракурсе лингвометодических проблем. Это объясняется рядом причин. Прежде всего, обучение русскому языку как средству делового общения является новым социальным заказом методики преподавания РКИ. Кроме того, стремительные изменения в политико-экономическом развитии России, ее интеграция в мировое сообщество, безусловно, влияют на социальные отношения. В связи с этим русский язык как предмет изучения приобретает новые черты социально обусловленной вариативности на уровне систем единиц и их функционирования.

Для методики преподавания русского языка как иностранного и, в частности, обучения русскому языку как средству делового общения чрезвычайно важен вопрос о социальных коррелятах понятия "функциональный стиль". Ответ на этот вопрос однозначен в основном только в плане утверждения большинства ученых о том, что социальный контекст, а именно сфера использования языка, является важнейшим экстралингвистическим критерием выделения функциональных стилей. В трудах социолингвистов в качестве социального коррелята понятия "функциональный стиль" выступает понятие "сферы применения языка", включаемое в понятие "общественная функция языка" и определяемое как "функция, выполняемая языком как важнейшим средством общения в различных сферах человеческой деятельности". Подобную интерпретацию мы находим у А.Д. Швейцера, который в свою очередь ссылается на мнение Ю.Д. Дешериева¹. В зарубежной социолингвистике используются понятия "сфера речевого поведения" и "общественная функция языка". В трудах российских ученых-лингвистов и методистов встречаются следующие номинации рассматриваемого социального феномена: сферы деятельности, сферы общения, сферы коммуникативного под-

¹ *А.Д. Швейцер*. Современная социолингвистика: Теория. Проблемы. Методы. М., 1977. С. 106.

ключения, коммуникативные пространства. Для методики преподавания РКИ наиболее традиционен термин "сфера общения".

Отсутствие единой классификации сфер общения свидетельствует о том, что их номенклатура находится в прямой зависимости от социокультурного развития общества, на которое влияют политико-экономические факторы, характерные для того или иного периода существования и развития государства. Подтверждением этому может служить мнение М.Н. Кожиной, высказанное в 1968 году, относительно "религиозного стиля". Определяя религию как одну из форм общественного сознания, характеризующуюся "фантастическим отражением в головах людей внешних сил, господствующих над человеком" и отражающую "...это господство в особой форме ложных представлений", М.Н. Кожина пишет, что "у народов социалистических стран возможность этого стиля (имеется в виду религиозный стиль — *И.М.*) сама собой отмирает вместе с отмиранием религии"². В исторический момент написания этих строк социальный контекст характеризовался антирелигиозными установками, что и нашло отражение в исследовании ученого-стилиста. В настоящее время духовно-ценностные ориентиры нашего общества изменились, сфера религиозного сознания стала полноправной в ряду других сфер, и для многих людей "религиозный стиль" столь же необходим, как и другие функциональные стили.

Рассмотрим еще один пример. Возможно ли было в начале-середине 80-х годов говорить о наличии "газетного стиля" наряду с публицистическим стилем русской речи по аналогии со стилями, выделяемыми в английском языке? Сегодня же газеты как средство массовой коммуникации настолько отражают социальные отношения в России и выполняют социальные заказы, ориентируясь на присущие им особенности использования языка различных социальных групп, что постановка вопроса о "газетном стиле" не является некорректной ни с точки зрения социолингвистики, ни с точки зрения функциональной стилистики.

С начала 90-х годов произошли значительные изменения в социальных коррелятах стиля, обслуживающего деловое общение и традиционно соотносимого с "административно-правовой" ("официально-деловой") сферой общения. Прежде всего следует отметить, что изменилась сущность самого феномена "деловое общение".

В последние годы в научных исследованиях, посвященных лингвистическим и лингвометодическим проблемам, связанным с деловым

² М.Н. Кожина. К основам функциональной стилистики. Пермь, 1968. С. 174.

общением, в учебных пособиях по иностранным и русскому языкам, деловое общение чаще всего рассматривается как общение в сфере коммерции, как "бизнес-коммуникация". При этом слово "бизнес" используется не в его традиционном для русского языка толковании: "то, что является источником личного обогащения, наживы"³, а скорее как синоним слова "коммерция". В то же время в английском языке это слово имеет несколько значений, и во всех словарях в качестве первого значения приводится "дело, занятие". Думается, что "деловое общение" следует соотносить с делом в широком смысле этого слова, с профессиональной деятельностью.

В свете современного социального контекста можно предложить следующее определение рассматриваемого феномена. *Деловое общение* — акт социального взаимодействия, итоговой целью которого является коммерческий и некоммерческий обмен продуктами материального, интеллектуального и психофизиологического (имеется в виду труд) характера. В процессе делового общения каждый из коммуникантов, выступая в определенной социально- коммуникативной роли, стремится решить актуальную для своей профессиональной деятельности задачу. Таким образом, актами делового общения будут и взаимодействие менеджера строительной компании с представителем юридической фирмы по вопросу аренды земли под строительство нового здания, и взаимодействие декана филологического факультета МГУ с представителями зарубежных университетов по вопросам "безвалютного обмена" преподавателями и студентами, и взаимодействие представителя зарубежной благотворительной организации с представителями мэрии г. Москвы по вопросу безвозмездной передачи медицинского оборудования детским больницам. Данные примеры свидетельствуют о том, что феномен деловое общение не может быть жестко закреплен за определенной сферой деятельности, сферой общения на современном этапе развития нашего общества. Деловое общение трансфункционально.

Все вышесказанное подтверждает необходимость рассмотрения сфер общения⁴ в современном социальном контексте. Но на каком основании должны быть выделены сферы коммуникации, являющиеся одним из экстралингвистических критериев функционально-стилистической дифференциации русского языка? При ответе на этот вопрос трудно не

³ Е.И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 18-е. М., 1986. С. 43.

⁴ Классификации сфер общения см. в работах В. А. Аврорина, Т. А. Вишняковой, В. Г. Костомарова и О. Д. Митрофановой, Л. П. Клобуковой, А. А. Леонтьева, В. Л. Скалкина

согласиться с Д.Н. Шмелевым, который считает, что “когда речь идет [...] о взаимодействии функционально обусловленных разновидностей литературного языка, [...] целесообразно, прежде всего, выделить такие сферы использования языка, которые уже сами по себе предполагают различный характер языкового общения”⁵. Это положение чрезвычайно актуально для методики преподавания русского языка как иностранного, в которой сфера общения рассматривается как компонент коммуникативного содержания обучения. В зависимости от сфер общения отбираются другие компоненты содержания обучения — темы, ситуации, задачи общения по видам речевой деятельности и языковые средства, используемые при их решении.

Автор настоящей статьи предлагает следующую классификацию сфер общения в ракурсе современного социального контекста (таблица 1):

Таблица 1.

№.№ п/п	СФЕРА ОБЩЕНИЯ	ПОДСФЕРЫ 1 УРОВНЯ
I.	Повседневного общения	1. Обиходно-бытовая 2. Обиходно-деловая
II.	Социокультурная	1. Художественно-литературного творчества 2. Театрального и кинематографического творчества
III.	Политико-идеологическая	1. Общественно-политическая 2. Религии
IV.	Профессионального общения	1. Научно-профессиональная 2. Учебно-профессиональная 3. Производства 4. Государственно-правового регулирования и контроля 5. Коммерции

Данная классификация может быть представлена в более конкретизированном виде, если выделить подсферы 2-го и 3-го уровней. Фрагмент подобного варианта классификации приводится в таблице 2.

⁵ Д.Н. Шмелев. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. С. 75.

Таблица 2.

ПОДСФЕРА 1-ГО УРОВНЯ	ПОДСФЕРЫ 2 УРОВНЯ	ПОДСФЕРЫ 3 УРОВНЯ
Коммерции	1. Рекламы и публичных отношений	
	2. Торговли продуктами производства	
	3. Услуг	1. Финансовых 2. Юридических 3. Посреднических 4. Сервисных 5. Медицинских

В основе предлагаемой классификации лежит идея единства общения и деятельности. Общение всегда протекает в процессе реализации некоторой деятельности, "по поводу" нее. Включаясь в систему конкретной деятельности, человек начинает выполнять определенные функции, занимает определенное положение в системе общественных отношений, приобретает определенную социальную роль. В социологии и социальной психологии под социальной ролью понимается "функция, нормативно одобренный образец поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную позицию"⁶. Следует отметить, что выполнение определенной социальной роли осуществляется в условиях общения с носителями подобной или других социальных ролей, поэтому потенциально в ней заложен и "образец" речевого поведения. В методике преподавания РКИ данный феномен принято называть "социально-коммуникативной ролью". Для каждой сферы деятельности и общения характерен свой набор социально-коммуникативных ролей. В методических целях данные роли выявляются, типизируются и описываются с учетом конкретных коммуникативных потребностей учащихся.

С этих позиций процесс обучения можно рассматривать как формирование способности выступать в определенных социально-коммуникативных ролях в рамках норм русского речевого поведения. Номенклатура этих ролей зависит от сфер деятельности, в которых учащимся приходится общаться на русском языке. Это общение обычно не ограничивается одной сферой, поэтому обучение сводится к формированию способности выбора речевых программ, а соответственно и языковых средств в зависимости от социальных условий общения, то есть

⁶ И.С. Кон. Социология личности. М., 1967. С. 12.

способности адекватно пользоваться той или иной функционально-стилевой разновидностью современного русского языка. В подтверждение этой мысли приведем результаты анализа коммуникативных потребностей иностранных специалистов, чья профессиональная деятельность связана с пребыванием в России и общением на русском языке. Данный анализ дает возможность определить соотношение сфер общения, номенклатуру социально-коммуникативных ролей, позволяющие представить границы использования русского языка рассматриваемым контингентом специалистов.

Наибольшим образом сферы общения сужены у специалистов, временно пребывающих в России со служебными целями в составе делегаций или индивидуально. Обычно такие визиты носят кратковременный характер. В подобных случаях к деловому общению подключается сервисная область обиходно-бытового общения. Иностранцам приходится выполнять социально-коммуникативные роли пассажира на транспорте, постояльца гостиницы, посетителя ресторана (бара), покупателя (чаще всего сувениров).

Социокультурная сфера сводится в данном случае к общению на соответствующие данной сфере темы с коллегами, знакомыми, друзьями, к участию в культурной программе (экскурсии, посещение зрелищно-массовых мероприятий).

Для специалистов, прибывающих в Россию с теми же целями, но на более длительный срок (до нескольких месяцев), значительно расширяются обиходно-бытовая, обиходно-деловая подсферы и социокультурная сферы общения при сохранении центральной роли деловой коммуникации. Так, они нередко арендуют на период своего пребывания квартиры и машины, тем самым начиная выполнять социальные роли жильца дома/соседа, владельца автотранспорта/участника дорожного движения. Расширяются функции покупателя: кроме сувениров, покупаются продукты питания и промышленные товары. Кроме того, достаточно длительное время пребывания в России уже позволяет указанным иностранцам вступать в социальное взаимодействие с людьми на основании своих увлечений: различные виды спорта, коллекционирование, живопись, театральное искусство и т.д.

Указанные сферы общения и социально-коммуникативные позиции (совокупность выполняемых ролей) значительно расширяются для сотрудников зарубежных организаций, представительств фирм, совместных предприятий, работающих в России на протяжении нескольких лет. Особенно этому способствуют служебные командировки по стране

и в бывшие республики СССР, во время которых могут часто меняться социально-коммуникативные роли, в которых должен выступать иностранец. И нередко причина сложности исполнения этих ролей носит экстралингвистический характер и заключается в незнании специфики реалий действительности определенного региона, местного (часто этнически маркированного) колорита общения. Однако более активное включение в сферу повседневного общения и социокультурную сферу не является единственной особенностью общения данной категории учащихся. Важное значение в этом случае имеет подключение еще двух подсфер: общественно-политической и научно-профессиональной.

Следует отметить, что в общественно-политической подсфере, помимо области средств массовой информации, в рассматриваемом случае актуализируется еще одна область, которая во многом пересекается с социокультурной и профессиональной. Это связано с тем, что многие иностранные фирмы, аккредитованные при ТПП или МВЭС России, занимаются благотворительной деятельностью. Участие в попечительских советах, благотворительных фондах, обществах, помимо выполнения благородной миссии, создает паблисити и формирует имидж фирмы, укрепляет ее авторитет в кругах деловой и политической общественности. Фирмы, а иногда и частные лица, выступают в роли спонсоров благотворительных программ в области здравоохранения, культуры, образования, спорта. В последнее время эта деятельность затрагивает область социальной защиты инвалидов и малоимущих, детей-сирот. Общение при этом носит весьма разнонаправленный характер: в роли собеседника иностранных граждан могут выступать многие представители российских государственных и общественных структур (от министра до секретаря-референта), а также те, кому конкретно адресована помощь.

Многие зарубежные специалисты вынуждены общаться в научно-профессиональной подсфере в качестве участников семинаров, конференций, симпозиумов, имеющих научно-практическую направленность. На подобных мероприятиях, чаще всего посвященных различным аспектам деятельности зарубежных организаций в современных общественно-политических условиях развития России, выступают, с одной стороны, ученые-политологи, экономисты, юристы, предлагающие вниманию участников теоретический анализ рассматриваемых проблем, а с другой — государственные деятели и деловые люди разных рангов, чьи выступления носят явно практический характер, основанный на обобщении имеющегося опыта. Коммуникативные неудачи при включении в эту

сферу могут возникать у иностранных граждан в результате недостаточного знания принятых норм проведения подобных научно-практических мероприятий и этикета научного общения, неумелом "транспонировании" речевого поведения в код, отличающийся от кода привычной ежедневной деловой коммуникации.

Для начинающих бизнесменов, которые, выражаясь языком маркетинга, находятся в поисках своей ниши в российской экономике, и не обладающих достаточной предметной компетенцией, актуальна учебно-профессиональная подсфера общения. Это объясняется тем, что многие из них, стремясь повысить свой профессиональный уровень, посещают лекции и семинары в российских вузах (на факультетах) экономического профиля. Этот фактор свидетельствует о том, что учебно-профессиональная подсфера общения актуальна для определенного круга иностранных граждан, изучающих русский язык как средство получения экономических специальностей с целью успешного функционирования в роли дипломированных специалистов на российском рынке.

Таким образом, для иностранных специалистов включение в ту или иную сферу общения происходит в зависимости от ряда экстралингвистических факторов, связанных чаще всего с условиями осуществления профессиональной деятельности, реже — с личностными интересами.

Речевое взаимодействие в процессе собственно деловой коммуникации в сфере профессионального общения может осуществляться в рамках одной организации по следующим линиям: начальник — подчиненный, сотрудники с равнозначным должностным положением. Если коммуникация выходит за рамки какой-то одной организационной структуры, то возможны следующие линии речевого взаимодействия: постоянные партнеры, потенциальные партнеры; партнеры, занимающие одинаковое социальное положение; партнеры, занимающие разное социальное положение. Все это влияет на выбор программ речевого поведения, на степень официальности тона общения. В сфере обиходно-делового общения также существует определенная социальная соотнесенность коммуникантов, например: должностное лицо — клиент/посетитель (физическое лицо).

По нашему глубокому убеждению, определение типичных социально-коммуникативных ролей и учет соотнесенности с ними типов речевого поведения актуален при обучении русскому языку как средству делового общения во всех видах и формах его языковой и речевой реа-

лизации. Поэтому с методической точки зрения неоправданным представляется суждение о том, что "...определение "статуса" участников коммуникативного акта и их "ролевых отношений" ... имеет значение прежде всего в разговорной речи, так как в других разновидностях языка и статус и ролевые отношения участников коммуникации выступают только в опосредованном виде или же устанавливаются [...] условно (произвольно), как это происходит в художественных произведениях".⁷

Рассмотренные сферы общения и социально-коммуникативные роли выступают в качестве социального контекста, который определяет использование коммуникантами той или иной стилистической разновидности языка.

Современный социальный контекст позволяет, как указывалось выше, рассматривать феномен "деловое общение" как явление трансфункциональное. Это означает, что деловое общение может осуществляться практически во всех сферах деятельности. Данный экстралингвистический факт требует серьезных исследований в плане функционально-стилистической дифференциации подсистем русского языка, обслуживающих деловое общение. Эта задача на сегодняшний день остается не решенной ни с позиций собственно лингвистики (функциональной стилистики), ни с позиций лингводидактики.

⁷ Д.Н. Шмелев. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977,

Национально-культурная семантика в языке делового общения

© кандидат филологических наук Н.В. Баско, 1997

Коренные изменения в социально-политическом и экономическом устройстве российского общества, развитие рыночных отношений и частного предпринимательства послужили, с одной стороны, импульсом к формированию языка бизнеса как одной из функционально-стилевых разновидностей русского языка, а с другой стороны, повлияли на изменение мотивов изучения русского языка иностранцами, выдвинув на одно из первых мест мотив практического владения русским языком в сфере делового общения.

Круг иностранцев, стремящихся овладеть бизнес-коммуникацией на русском языке, сегодня не ограничивается студентами и аспирантами экономических факультетов университетов, а включает также иностранных предпринимателей, бизнесменов, финансистов, политиков, деятельность которых связана с развивающимся российским рынком.

Знание русского языка им необходимо для того, чтобы осуществлять коммуникацию в сфере бизнеса: общаться с российскими партнерами, вести деловую переписку на русском языке, быть в курсе правительственных решений по проблемам экономики и предпринимательства, знакомиться с материалами российской прессы, связанными с социально-экономическими и финансовыми вопросами.

Бизнес — это особая сфера человеческой деятельности. Неадекватность восприятия информации делового характера одной из сторон, нарушение коммуникации между участниками коммуникативного акта могут повлечь за собой нарушение деловых отношений между партнерами вплоть до полного их разрыва. Поэтому обеспечение коммуникативной компетенции иностранного учащегося в этой сфере общения чрезвычайно важно.

Однако, эффективное речевое общение с носителями русского языка, включая и общение в сфере экономики и бизнеса, зависит не только от знания структуры языка, ядра общелитературного лексического фонда и базовой терминологии экономики и предпринимательства, но в значительной степени и от знания национально-культурной семантики языка и национально-культурной специфики организации самого речевого общения [3].

Связь языка и культуры проявляется во всех сферах, в том числе и в сфере делового общения. Наблюдения показывают, что национально-культурная семантика языка деловой сферы представляет значительные трудности для понимания иностранцами русской речи.

В данной статье предпринята попытка обобщения наблюдений над структурой фоновых знаний и безэквивалентной лексикой в бизнес-коммуникации на современном этапе развития языка с целью возможного включения их в содержание обучения иностранцев русскому языку в деловом общении. При этом важно определить место и характер национально-культурной информации в обеспечении коммуникативности обучения языку делового общения.

Национально-культурная семантика, как известно, представлена лексикой и фразеологией, отражающей исторически сложившиеся особенности национального менталитета, культуры, истории и обычаев народа. Национально-культурная семантика часто носит имплицитный характер: присутствуя в слове, будучи известной всем членам лингвокультурного сообщества, она остается скрытой для иностранца. Освоение этой части семантического пространства русского языка связано с изучением лингвострановедческой, культуроведческой и страноведческой информации [2].

Вследствие стремительности произошедших в России изменений политического и экономического характера в сферу экономики и частного предпринимательства были вовлечены столь широкие слои населения (прежде бесконечно далекие от этой деятельности), что постигать науку (и язык) новой, рыночной экономики на практике было вынуждено все российское общество. С одной стороны, это привело к тому, что значительная часть терминологии, обслуживающей экономическую, финансовую, банковскую сферы, благодаря средствам массовой информации быстро вошла в общелитературный язык, став известной и понятной миллионам граждан. Следствием этого явилось возникновение у этих слов лексического фона, новых семантических ассоциаций в общенародном языке (*приватизация, ваучер, секвестр*).

С другой стороны, непосредственное участие в экономической и предпринимательской деятельности широких слоев населения, привело к активному проникновению в сферу делового общения разговорно-просторечной лексики, обладающей определенными ассоциациями социально-культурного характера (*“челнок”, “баксы”, “шоп-тур”*).

Это отмечают и известные ученые, признавая ведущей тенденцией в развитии русского языка на современном этапе “либерализацию при-

менения языка, особенно в масс-медиа, что ведет к подвижности, “прозрачности” границ литературного стандарта. Понятно, что перед нами — лингвистическая реакция на социально-культурные процессы, отражение новой действительности с новым фоном смыслов” [1: 18].

Следствием этого явилось активное проникновение национально-культурной семантики в язык бизнеса. И сегодня можно говорить о том, что русская национально-культурная семантика проявляется в этой функционально-стилевой сфере достаточно ярко и своеобразно.

В реальном употреблении язык бизнеса находит свое выражение в различных формах. С одной стороны, это формальное общение (переписка официально-делового характера фирмы, банка или общение деловых партнеров в официальной обстановке согласно этикету деловой встречи). С другой стороны, это неформальное общение (общение участников бизнес-коммуникации в неофициальной обстановке). К последнему в стилевом отношении близок язык СМИ (статьи, выступления, комментарии, интервью), связанные с экономическими проблемами, финансовой политикой, предпринимательской деятельностью, часто выражающие личное отношение автора к проблеме и имеющие вследствие этого стилистически-окрашенный характер. Использование определенных языковых средств в конкретном акте бизнес-коммуникации происходит с учетом функционально-стилевых особенностей этих языковых единиц и определяется целями общения, ситуацией общения, а также социальными ролями участников общения.

По мере движения от официально-делового общения к общению неофициальному и к материалам прессы национально-культурная семантика в языке бизнеса получает более широкое отражение.

Это естественно, поскольку семантические ассоциации, относящиеся к слову и создающие его лексический фон, возникают в процессе употребления слова в различных условиях речевой коммуникации. Именно словоупотребление является источником формирования у слов и фразеологизмов особых значений, отражающих национальный характер и особенности национального восприятия действительности.

И современный язык бизнеса не является исключением, он также во многом определяется особенностями национального менталитета, своеобразным восприятием и языковым отражением новой действительности с помощью единиц национально-культурной информации. Новые реалии современной действительности фиксируются в языке, одновременно приобретая лексический фон и определенную маркированность в эмоциональной или функциональной стилистике. Часто

национально-культурное восприятие новых реалий вызывает значительные трудности у иностранных учащихся.

Опыт работы в иностранной аудитории показывает, что столь распространенное ныне общеупотребительное русское слово “иномарка” (ср.: *Рынок иномарок в России стремительно растет; Российский покупатель предпочитает иномарки аналогичным товарам отечественного производства*) при первой встрече в речи оказывается непонятным иностранцам, даже свободно владеющим русским языком. Зная традиционный способ сокращения в русском языке (*ино-* от прилагательного “иностранный”) и действующую регулярную модель (Ср.: *интурист* — “иностранный турист”, *инофирма* — “иностранная фирма и др.) иностранец вправе предполагать, что *иномарка* — это “любой товар иностранной марки”, то есть имеющий заграничный торговый знак (автомобиль, телевизор, магнитофон и т.д. Ср. реплику китайского учащегося: *Вчера я купил телевизор. Иномарку, японский. Очень хороший.*). Однако, в современном русском языке *иномарка* — это только “автомобиль иностранной марки” и ничто другое. Более того, в языковом сознании россиян это нейтральное по значению для иностранца слово, мгновенно было окружено определенными семантическими ассоциациями, определенным лексическим фоном. *Иномарка* в массовом языковом сознании воспринимается как обязательный атрибут молодого преуспевающего бизнесмена (подобно сотовому телефону, загородному коттеджу и отдыху за границей...), как показатель престижности конкретного лица — обладателя этого предмета. Тем самым новая лексическая единица одновременно становится единицей когнитивного уровня, отражающей складывающуюся в современном обществе иерархию ценностей.

Слово “челнок” в новом, “коммерческом” значении появилось в русском языке несколько лет назад и уже прочно утвердилось в нем, о чем свидетельствуют производные от этого слова (“*челночный бизнес*”, “*челночить*”). Ср.: “*Кто больше всех мотается по миру, прочно оккупировав вокзалы и аэропорты? Да, конечно же, он, родной, несгибаемый “челнок”, который, обойдя все препоны, за пару лет умудрился одеть и обуть целую страну*” (“Вояж”, октябрь 1997 г., с.117).

Прямое, основное значение этого слова в русском и в английском языке включает сему “регулярное перемещение из одной точки в другую и возвращение в исходную точку”. Наличие этой семы послужило основанием для развития у этого слова переносного значения и в русском, и в английском языке. Но если в современном английском языке *shuttle* “челнок” в новом значении это “космический корабль многоразового

использования, стартующий с космодрома, достигающий орбитальной космической станции и возвращающийся на землю”, то в современном русском языке указанная сема актуализировалась в совершенно ином значении: *челнок* — это “частный торговец, который регулярно ездит за границу для закупки товаров и возвращается в Россию, чтобы продать здесь эти товары”. Так современная реальность в США и России в одно и то же время породила новые, абсолютно далекие друг от друга, значения слов на базе общего исходного значения. Естественно, что и лексический фон нового русского слова будет бесконечно далек от лексического фона нового английского слова. Эти расхождения в содержании лексического понятия и лексического фона русского и английского слова предопределяют сложности в понимании значения слова “*челнок*” со стороны англоговорящих участников коммуникации.

Примером появления у слова нового “экономического” значения, обусловленного потребностями общества, может служить слово “*пирамида*”. Если десять лет назад для слова “*пирамида*” были актуальны значения научного характера (“геометрическая фигура, многогранник”) или культурно-исторического характера (“гробница фараонов в Древнем Египте”), то сейчас это слово актуализировалось в совершенно новом, необычном для русского языка, “экономическом” значении “финансовая пирамида”. Ср.: “*Нельзя сказать, что государство взирает на строительство новых “пирамид” столь же индифферентно, как сфинкс*” (“Известия”, 30.10.97, с.4). Соответственно новое лексическое понятие обрело своеобразный лексический фон (вложение денег в коммерческие банки, высокие проценты, МММ, “Тибет”, “Чара”, обман вкладчиков, финансовое мошенничество...).

В наши дни динамика развития фоновых знаний (вслед за динамикой развития общества) чрезвычайно стремительна. Лексический фон оказывается подвижнее лексического понятия: семантические ассоциации, сопровождающие слово, появляются и исчезают. Лексический фон слова постоянно обогащается все новыми значениями.

Еще десять лет назад слово “*кодекс*” в сознании советских граждан было закреплено в словосочетаниях “*уголовный кодекс*” или “*моральный кодекс*” и имело соответствующий лексический фон. Сейчас же благодаря постоянному обсуждению в средствах массовой информации вопроса о налогах с юридических и физических лиц и жизненной важности этого вопроса для каждого гражданина РФ, для слова “*кодекс*” в общественном языковом сознании актуализировались фоновые знания экономического содержания (налоги, налоговая декларация, налоговая

полиция, недополучение налогов государством, сокрытие доходов от налогообложения...). Поскольку в современном российском обществе появилась потребность именно в этих знаниях, на первое место по употребительности выдвинулось устойчивое словосочетание “налоговый кодекс”.

Касаясь фоновых особенностей терминов экономики и бизнеса, развивающих вторичные, собственно лексические значения в общем языке, можно привести два примера. Один классический. Термин “*ажитаж*” вошел в русский язык в XVIII веке как коммерческий термин в значении “искусственное повышение или понижение биржевых бумаг или цены на товары с целью извлечения прибыли”. Позднее данный термин вошел в общелитературный язык в значении “сильное возбуждение, волнение, борьба вокруг какого-нибудь дела, вопроса”. В общезыковом значении слово “*ажитаж*” приобрело устойчивый лексический фон, известный всем членам российского лингвокультурного сообщества.

Современным примером развития у термина фоновых знаний может послужить слово “*спонсор*”, заимствованное из английского языка в качестве термина экономики. В контексте современной российской действительности данный термин, употребляясь в терминологическом значении (спонсор программы, телепередачи, проекта...) перешел в общелитературную лексику и приобрел новые ассоциативные связи, новый лексический фон. Ср. пример объявления в московской газете: “*Молодая девушка ищет спонсора...*” (“Из рук в руки”, N 458, 1997, с. 76).

Идеология, господствующая в обществе, является одним из факторов социального развития, влияющим на развитие и функционирование лексико-фразеологической системы языка в различных сферах, на возникновение у слов определенных коннотативных значений. До недавнего времени слова “*коммерсант*”, “*торговец*”, “*бизнесмен*”, “*бизнес*”, “*сделка*” включали негативную характеристику лиц или деятельности, которые они обозначали. В настоящее время происходит переориентация “старой” семантической структуры этих слов, изменение свойственных им в советское время коннотаций. Хотя, возможно, у определенных носителей русского языка старшего поколения негативные ассоциации, связанные с указанными словами, сохраняются и сейчас. Это свидетельствует о неинвариантности коннотативного значения слова в разных языках, даже если оно по своему характеру является интернациональным (Ср.: *бизнес*, *бизнесмен*).

Новая действительность вызвала появление в русском языке новых слов, обозначающих новые реалии. Часто это заимствования из английского языка. Но восприятие этих новых слов (как и самих реалий) в российском обществе, в массовом языковом сознании неоднозначно. Оно еще только формируется.

В связи с этим представляется интересным взгляд на новые лексические заимствования русским человеком из глубинки (бизнесмена из Тюмени, переехавшего в Москву) его восприятие (а точнее неприятие) этих слов.

Ср.: *“Русский человек несуетлив, основателен, прочен. А Москва? Это город из матового стекла. Город бизнес-ланчей и фаст-фудов, офисов и саун, риэлтеров и киллеров, чая “Липтон” и строящегося делового центра с исконным названием Сити... Москва изо всех сил выпрыгивает из национальных одежд”* (“Столица”, № 6, 1997, с. 12). Если в массовом языковом сознании укрепится такое агрессивное, резко негативное отношение к заимствованной лексике, то можно будет говорить и о формировании у данных слов соответствующих коннотаций.

Влияние социологических и психологических факторов проявляется в бизнес-коммуникации в выборе различных языковых средств и различных вариантах образцов коммуникации в зависимости от характера языковой личности, участвующей в коммуникативном акте. Иногда социальный статус этой личности может быть одинаков (бизнесмен), тогда выбор языковых средств в конкретном языковом акте определяется ситуацией общения, принадлежностью ее участников к определенной социокультурной группе (возраст, пол, образовательный уровень) и характером взаимоотношений между ними.

В качестве примера лексики, содержащей национально-культурную семантику приведем появившиеся в последние годы и активно используемые в определенной языковой среде разговорно-просторечные названия платежных средств: *бабки* — “деньги”, *баксы*, *зеленые* — “доллары США”, *деревянные* — “российские рубли”, *лимон* — “один миллион российских рублей”. Ср.: *“Провинция познавала прелести “бакса” и западной жизни на фоне местной финансовой нестабильности”* (“Известия”, 30.10.97, с. 4).

Вопрос о включении подобных единиц, обладающих национально-культурной семантикой, в содержание обучения языку делового общения иностранцев весьма спорен. Но знакомство с подобной фоновой лексикой безусловно расширит возможности коммуникативной компетенции иностранцев и повысит эффективность межкультурного общения

в различных ситуациях. По мнению ведущих ученых, "... все еще традиционное обучение строго литературному языку на уровне культурного взаимодействия значительно сужает и обедняет языковую ментальность учащегося и, следовательно, его коммуникативные возможности..." [1: 11].

В наши дни языковую организацию бизнес-коммуникации во многом определяет национально-культурная семантика топонимики. Она выражается в использовании национально-специфических наименований русских городов — центров деловой жизни России, существующих параллельно с официальными названиями. В основе таких наименований лежит образное восприятие конкретного города в соответствии с исторической традицией закрепившееся в коллективном языковом сознании. Например: *Белокаменная*, *Первопрестольная* (о Москве), *Питер*, *Северная столица*, *Город на Неве*, *Город белых ночей* (о Санкт-Петербурге). Среди таких параллельных наименований встречаются как слова, так и описательные выражения (перифразы), сочетающие рациональную и образную информацию. Обычно они называют самое существенное в характеристике топонима. Употребление подобных географических наименований рассчитано на знание их собеседником. Они понятны каждому носителю русского языка, но часто остаются загадкой для иностранца. Поэтому раскрытие семантики таких языковых единиц, широко используемых в российских средствах массовой информации, должно стать частью лингвострановедческого аспекта работы. Ср.: "*Со многими подписями высоких должностных лиц и солидными печатями послание из Первопрестольной направляется на невские берега...*" ("Известия", 30.10.97, с.1).

То же самое можно сказать о сложившихся у русских названиях стран, существующих параллельно с официальными и широко используемых в СМИ: *Северный сосед* (Финляндия), *Туманный Альбион* (Англия), *Страна восходящего солнца* (Япония), *Заокеанский сосед* (США), *Страна кленового листа* (Канада). Ср.: "*Оптимистический прогноз развития торгово-экономических отношений между двумя странами стал возможен в результате визита премьер-министра Виктора Черномырдина в Страну кленового листа*" ("Финансовые известия", 20.09.96, с.1).

К подобным наименованиям по форме близки появившиеся недавно в языке экономической сферы и предпринимательства устойчивые выражения, совмещающие объективное значение с ассоциативно-образными представлениями об обозначаемой реалии или субъекте. Ср.:

“строители финансовых пирамид” (о мошенниках, создающих коммерческие банки, например, С. Мавроди), “главный яблочник страны” (о лидере фракции “Яблоко” Г.А. Явлинском). Решая вопросы делового сотрудничества в России, иностранец должен идентифицировать подобные единицы в материалах СМИ и в условиях межкультурного речевого общения.

Безэквивалентная лексика в сфере бизнес-коммуникации должна рассматриваться в рамках культурологического аспекта анализа языковых единиц. Она представлена номинативными словами и словосочетаниями, обозначающими национально-специфические предметы традиционного русского быта, выступающими в качестве объектов предпринимательской деятельности, предметов купли-продажи. Это изделия традиционных русских народных промыслов (*хохлома, гжель, жестово, дымковская игрушка, лапти...*), блюда русской национальной кухни (*щи, каравай, калач, ватрушка...*), в которых проявляется своеобразие русской бытовой культуры.

Комментирование подобной безэквивалентной лексики в процессе обучения языку делового общения необходимо потому, что такая лексика отражает специфику национальной культуры и часто выступает в качестве содержания бизнес-коммуникации.

Показательна газетная статья, посвященная деловому сотрудничеству между Москвой и Пекином, текст которой чрезвычайно насыщен безэквивалентной лексикой. Приведем фрагмент этой статьи (подчеркиванием выделена безэквивалентная лексика): “*Русское бистро*” предложит пекинцу нашу “экзотику” — *кулебяку, расстегай, супочные щи, пирожки с грибами и капустой*. По принципу “от нашего стола — вашему” была выдвинута *встречная инициатива — развернуть в Белокаменной сеть ресторанов “Пекинская утка”* (“Известия”, 25.04.96, с.3).

Носителями национально-культурной семантики в языке бизнеса могут выступать не только слова, обозначающие конкретные реалии, но имена собственные, наименования, прецедентные высказывания, прецедентные текстовые реминисценции. Использование их в речи, определяющееся потребностями самого общества, часто формирует содержательную сторону современной коммуникации.

Например, национально-культурная семантика активно проявляется в названиях фирм, компаний, банков, акционерных обществ. Ср.: туристические агентства “*Тройка-тур*”, “*Конка*”, торговые фирмы “*Витязь*”, “*Ярославна*”, юридическая фирма “*Калита*”, торговый дом “*Старик Хоттабыч*”, банк “*Московия*”, паевой инвестиционный фонд

“Мономах” и другие. Для носителя русского языка эти названия выполняют не только номинативную функцию, но и вызывают определенные семантические ассоциации исторического, фольклорного, культурного характера, текстовые реминисценции, часто неизвестные иностранцу. Отсутствие же у иностранца страноведческих знаний затрудняет понимание им смысла таких названий.

Радикальные экономические преобразования в России способствовали закреплению в массовом, общественном сознании новых прецедентных имен, с которыми в народе связаны экономические реформы: *Гайдар* (с “шоковой терапией”), *Чубайс* (с приватизацией и ваучером).

Крылатые слова премьер-министра России В.С. Черномырдина о результатах экономической политики правительства “*Хотелось как лучше, а получилось как всегда*” могут вполне рассматриваться в качестве прецедентного высказывания, поскольку это выражение абсолютно воспринято всеми членами русского лингвокультурного сообщества и для него характерна массовая воспроизводимость.

В публикациях современной прессы, посвященных экономике, финансам, предпринимательской деятельности, можно встретить многочисленные примеры использования фразеологизмов, обладающих национально-культурной семантикой, при описании деятельности фирм, банков, компаний в разнообразных контекстах. Ср.: *партнеры ударили по рукам*, *интерес иностранных инвесторов на руку России*, *либерализация торговли сыграла злую шутку*, *фирма приказала долго жить* и др.

Интересным в лингвострановедческом аспекте представляется недавно появившийся в русском языке фразеологический оборот “*новый русский*”, имеющий значение “молодой российский бизнесмен, разбогатевший за короткий срок и символизирующий успех в предпринимательской деятельности”. Этому фразеологизму свойственно также коннотативное значение и определенный лексический фон. В современном массовом языковом сознании этот фразеологизм приобрел ярко выраженную негативную характеристику, дополняющую образ преуспевающего русского предпринимателя такими качествами, как необразованность, невоспитанность и даже его криминальное прошлое. Семантические ассоциации, свойственные этому фразеологизму, мотивируются словом *нуборши* “новый богач, богач-высочка”. Не случайно в наше время “*новый русский*” стал самым популярным героем анекдотов и шуток.

Одной из ярких особенностей современной российской действительности является активное вторжение рекламы в жизнь общества в

основном благодаря средствам массовой информации. Реклама является необходимым элементом рыночной экономики и сопровождает любую коммерческую акцию.

Рекламные тексты представляют собой новый, формирующийся жанр общения. В рекламных объявлениях и рекламных телевизионных роликах содержится богатый материал в плане отражения национально-культурной семантики. Многие фирмы и банки, рекламирующие свою продукцию или предлагающие свои услуги, обращаются к российской истории, русскому фольклору. Достаточно вспомнить рекламу банка “Империал”, основанную на исторических сюжетах.

Активно используется в рекламе русская фразеология, пословицы, поговорки. Их яркость, образность, экспрессивность способствуют привлечению внимания потенциальных покупателей. А в этом и состоит главная цель рекламы. Ср.: *“Милости просим на ярмарку радиоаппаратуры!”*; *“Добро пожаловать в новый супермаркет!”*; *“Когда простуда берет за горло, примите strepsils.”*

Однако, иногда при использовании в рекламе языковых единиц, обладающих национально-культурной семантикой, обнаруживаются неточности. Это связано с отсутствием языковой компетенции у составителей рекламного текста.

Иллюстрацией неправильного употребления пословицы может послужить много раз показанный по телевидению рекламный ролик медицинского препарата “Coldrex”. В нем перечисляются многочисленные достоинства этого лекарства (жаропонижающее, болеутоляющее, противовоспалительное и т.д. средство), завершается реклама пословицей *“Семь бед — один ответ”*. Тем самым составители данной рекламы пытаются убедить покупателей, что данный медицинский препарат является универсальным средством от всех проявлений простудных заболеваний. При этом общий смысл пословицы выводится исключительно исходя из значений каждого отдельного слова — компонента пословицы и совершенно не учитывается свойственная фразеологии идиоматичность, а также ситуация, в которой эта пословица традиционно употребляется русскими людьми. Настоящее же значение этой пословицы следующее: *“Рискнем, что бы ни случилось, будь что будет, все равно отвечать.”* Говорится тогда, когда кто-либо, зная за собой какие-либо проступки, снова идет на риск, готовый отвечать за все сразу (В.П. Жуков. Словарь пословиц и поговорок русского языка. М., “Русский язык”, 1993, с.72).

В данном случае незнание национально-культурной семантики русского языка нарушает межкультурную коммуникацию. В результате рекламодатель получает результат, противоположный тому, на который он рассчитывал.

Интенсивное развитие этого нового жанра коммуникации предполагает лингвострановедческое освоение рекламных текстов в процессе обучения иностранцев языку делового общения.

Обобщая наши наблюдения, отметим, что для обеспечения коммуникативной компетенции иностранных учащихся в сфере экономики и бизнеса необходимо выявление языковых единиц — носителей социокультурной семантики и включение таких единиц в содержание обучения бизнес-коммуникации на русском языке. Только тогда можно достичь взаимопонимания между участниками коммуникации — иностранцами и носителями языка в соответствии с установившимися языковыми нормами и традициями. Знание национально-культурной семантики в языке бизнеса должно стать для иностранца составной частью владения речевыми навыками на русском языке в сфере делового общения.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е., Чернявская Т.Н.* Язык и культура. Новое в теории и практике лингвострановедения (Доклад на VIII Конгрессе МАПРЯЛ, ФРГ, Регенсбург, 1994). М., 1994. — 48 с.
- [2] *Прохоров Ю.Е.* Лингвострановедение — Культуроведение — Страноведение. Теория и практика обучения русскому языку как иностранному. М., 1995. — 93 с.
- [3] *Прохоров Ю.Е.* Методические проблемы роли и места национальных социокультурных стереотипов речевого общения в организации и содержании процесса преподавания русского языка как иностранного // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 5 — 19.

К проблеме адекватного восприятия агрономических текстов тюркоязычными студентами подготовительных факультетов

© Л. В. Анисимова, 1997

Особенность русского языка как языка событийного предполагает построение и учебно-научного текста, описывающего процесс развития / роста как собрание динамических картинок. Структура русского текста отражает последовательность событий, следствий, начиная с первопричины, первотолчка. Каковы же следствия перевода агрономических текстов с русского языка на тюркские? Ведь «... в исходной стадийной теории, и в ее современной разновидности, названной ее автором, Г.А. Климовым, контенсивной, в класс номинативных попадает и флективный русский, и агглютинативный турецкий, и изолирующий китайский» [5].

Одной из главных задач обучения студентов естественно-научного профиля является развитие умения извлекать необходимую для их профессии информацию — и оперировать ею в различных видах речевой деятельности, в нашем случае — в сфере употребления такой функционально-стилевой разновидности современного русского языка как научный стиль речи.

Содержание текста (языковое и смысловое), его структура, а также вся система упражнений (предтекстовых и послетекстовых), потенциально максимально содействующие развитию необходимых навыков, создают возможности и условия для реализации определенной коммуникативной цели. При этом во внимание принимаются следующие требования: *информативная ценность* текстового материала должна быть, прежде всего, связана с овладением избранной специальностью. *Доступность лексического материала* научных текстов (предварительно подвергшихся адаптации) должна вызывать у студентов профессиональный интерес и тем самым стимулировать их речевую деятельность. В путях и методах достижения коммуникативных целей важен и аспект *интересности* представленной в учебном тексте информации. Возможность использования сочетания в научном тексте методических приемов и *занимательной* информации дает в результате как мотивационно осмысленное изучение необходимой специально-профессиональной лексики (как будущей сферы общения), так и потенциальный выход в

коммуникацию самого субъекта, языковой личности по схеме *стимул — реакция*.

Послетекстовые упражнения используются для развития навыков устной речи на материале прочитанного текста. Среди них важное место отводится развитию умения логически делить текст на смысловые куски, выделять ключевую информацию, составлять вопросы к тексту и отвечать на них. На материале текста студенты также учатся составлять план, комментировать отдельные предложения, комментировать информацию текста, что является показателем их готовности слушать лекции на основных факультетах.

В целом содержание и организация текстового материала, вся проводимая учебная работа ставит основной целью активизировать и стимулировать речевую деятельность студентов и создать базу для успешного овладения будущей специальностью.

В этой связи уместно будет привести в настоящей статье следующие экстралингвистические сведения из истории народов, говорящих на русском и турецком языках.

При подготовке тюркоязычных студентов на подготовительных факультетах надо иметь в виду отличительные **внешние** обстоятельства, характеризующие основные различия между русским языком и например, турецким. Судьба тюркских народов — кочевые переходы, набеги, завоевания, расселение на огромной территории от Якутии до Турции (в Византии тюркоязычные кочевые племена появились в XI веке). Резкое разграничение между турецким письменно-литературным (знати), народно-разговорным (горожан) и диалектами (крестьян), оформилось во второй половине XV века (с конца XVI века уменьшается влияние 400-летнего господства турецкого языка и культуры на Балканах), просуществовало до 30-х годов нашего столетия и отразило в языке отсутствие *предсказуемости, «которая возможна лишь в случае ограниченности, заданности выбора в определенных условиях, мотивирующих данный выбор»* [2].

Русские — потомственные земледельцы, хлебопашцы, живущие оседло. Как следствие, в русском языке отразилось богатство лексики, связанной с сельским хозяйством и интерес к достижениям соседних народов в этой же области. В русской культуре с 1747 года известны как труд Соломона Губертуса, переведенный М. В. Ломоносовым под названием «Лифляндская экономия», так и (прообраз нынешних учебно-научных текстов) самостоятельные т.н. «Инструкции» различных помещиков — А.П. Волынского о нормах высева и использовании четырех-

поля, В.Н. Татищева о пользе трехполя, А.Т. Болотова, Т.П. Текутьева о сроках и глубине вспашки, боронования, удобрения, способах подготовки семенного материала, сроках и способах уборки урожая. Каждая из них подробно описывала производство ржи, пшеницы, конопли, ячменя, овса, льна, гречихи, гороха в поместье. Такой же популярной уже в это время была и переведенная с немецкого «Флоринова экономия».

Естественно предположить, что вся агрономическая лексика была и ранее известна и обязательно входила в активный словарь **каждого** русского, будь то столичный дворянин или крепостной крестьянин. Более того, Петром I было организовано специальное учебное заведение для детей дворян в целях получения знаний по сельскому хозяйству, известное ныне как Тимирязевская сельскохозяйственная Академия. И в дальнейшем в истории России было много примеров, когда вопросы земледелия (вплоть до указаний, *где* сеять кукурузу) активно обсуждались в т.н. верхних эшелонах власти. В настоящее время практически в каждой городской семье являются насущными темы, так или иначе касающиеся агрономических вопросов в связи с обрабатываемыми дачными участками.

Как результат, многообразие форм русского языка закрепилось и в агрономической лексике — ср.:

м.р. *овес* (возможна форма мн.ч. *овсы зазеленели*) — *овсянка* (о каше или перелетной птичке) — *овсяный* (возможна форма *овсяной*), *клин овса*, *овсец*, *овсинка* (об одном стебле или зерне овса), *овсюг* (сорняк, похожий на овес);

ж.р. *пшеница* — *пшеничка* — *пшеничный*, *урожай пшеницы*;

ср.р. *просо* — *просянка* (возможна форма мн.ч. *просянки*) — *просяной* — *просовед*.

Таких примеров в истории развития турецкого общества, а в результате и в истории развития турецкого языка нет. В турецком языке мы можем наблюдать то *промежуточное состояние агглютинативных языков*, которое *закономерно выявляется в промежуточном же характере морфемы по степени ее связанности и слова* (выделено мною — Л.А.) *по степени его внутреннего единства* [2].

Отсутствие категорий грамматического рода в современном, т.н. *новейшем* турецком языке не может служить подспорьем при обучении русскому языку и, как следствие, адекватному переводу. *Bıgday* (*пшеница*), *savdar* (*рожь*), *arpa* (*ячмень*), *yulaf* (*овес*), *hububat* (*зерно*) не образуют и формы прилагательного, напр. *urujai* *зерновых hububat mahsulu* (дословно: «зерно-урожай»).

Актуальность и неактуальность — очень своеобразные видовые значения глагола непривычны в русском языке вообще и в учебно-научном тексте в частности, тогда как в тюркских языках они обязательно присутствуют, причем глагол стоит в конце предложения.

В связи с этим обратимся к структуре русского научного текста. Любой учебно-научный текст естественного профиля можно превратить в набор отрезков без утраты смысла, т.к. в языке науки меньше *выражаются культурно-зависимые понятия или ментальные состояния* [6]. Во фразе учебно-научного текста используются +/- 7 слов, в сущности, зависимых величин, когда *каждая из этих единиц в каждой из частных ситуаций приобретает особое предметное значение* [7].

Рассмотрим понимание и усвоение информации текста вышеуказанной классификации как процесс с локальным взаимодействием единиц/слов при абсолютной невозможности случайного блуждания фразы (так как в противном случае исчезает связь «смысл-текст»). Мы приходим к выводу о том, что в учебно-научном тексте частотны значимые части — предложения/аксиомы, усвоение которых является немедленным результатом при понимании текста (в отличие от спокойного и взвешенного обдумывания вопросов, размышлений, представленных в текстах критического или философского плана).

Кластерная динамика учебно-научного текста проявляется в той быстрой, с которой исчезают при понимании и осмыслении содержания текста «перегородки»-абзацы между смысловыми частями, сливающимися в полноценный связный текст.

Выход же в межтекстовое пространство (ведь даже самая прекрасная строка черпает свою жизнь из контекста [8]) *в ту информационную среду, которая отвечает за отождествление назывной, номинативной функции слова конкретной предметной области, помогает довершить правильное узнавание семантических объектов* [4].

Задаваясь некоторыми вопросами гносеологии учебного агрономического текста, мы наблюдаем частотные замены значений слова — переносного и прямого, когда информативность фразы/текста может расширяться или сократиться. *«Своеобразие и закономерности языков можно в полной мере выявить и объяснить лишь исходя из сущностных системных свойств языка, протекающих из неразрывной связи его с мышлением* [2]. В зависимости от общего уровня образования, подготовки по избранной специальности, интеллекта студентов-иностранцев, наличия у них фоновых знаний русисты вынуждены использовать в практике преподавания слова общелитературного и разговорного стили

речи, не исключая их взаимопроникновения, для облегчения восприятия студентами текстов научного стиля речи.

Подчеркивая сложность разграничения функциональных стилей в русском языке, особо отметим, что в турецком принадлежность к одному классу, роду (кроме агрономических, в зоологических и ботанических текстах), выражаемая с помощью суффикса, а также повторение существительных, выражающих единицы измерения сельхозпродуктов бытуют только в ряде диалектов и не вошли в общепотребительный активный словарь, хотя «... *навыки общения членов соответствующего языкового коллектива, связанные с преобладанием случаев использования тех логических операций, которые вызваны необходимостью реализовать коммуникативное задание через определенную внутреннюю форму национального языка, приводят к тенденции использовать в первую очередь именно эти логические операции и тогда, когда интеллектуальная деятельность не связана с потребностями речевого общения*» [5].

Определенные трудности в восприятии новых культурных ценностей студентами-турками создает их узкопрофессиональное отношение к изучаемому предмету. Для формирования и поддержания познавательной мотивации необходим рецептивно усвоенный минимум лексической базы. Если в русском языке гибкость в выражении мысли достигается преимущественно за счет использования синонимических средств языка, что способствует повышению активности, интереса и развитию синтетического мышления, то некоторая вычурность фразы в турецком письменном-литературном, наличие изафетов во всех стилях (см. выше «зерно-урожай») лишь осложняют восприятие русского учебно-научного текста.

Отсюда вытекает проблема адаптации учебно-научного текста, как необходимого слагаемого в методах обучения на подготовительном факультете.

Ведущая и сопутствующая информации адаптированного научного текста обеспечивают коммуникативность и репродукцию. Первостепенное значение для всей организации лексики имеет продуманная система отбора и компоновки материала разных речевых стилей. На данном этапе развития методики весьма перспективным представляется подход к процессу обучения русскому языку как иностранному с позиции оформления и введения лексики в учебные тексты специальности «агрономия» из значимых сфер деятельности студентов-иностранцев и выделение проблемы структурализма — взгляда на то, как проводить

классификацию наблюдаемого материала, в нашем случае — учебно-научного текста как непосредственного объекта описания.

Постулируемое когнитивной психологией понимание значения прочитанного текста на среднем этапе обучения тюркоязычными студентами и предполагающее, в свою очередь, использование фоновых знаний по данной теме уже может восприниматься как факт коммуникации.

Межпредметная координация особенно важна на занятиях РКИ при изучении студентами-иностранцами агрономии, зоотехнии, почвоведения. Пособия по научному стилю, включающие тексты агрономического профиля, также должны быть построены в соответствии с принципом тематического концентризма, обеспечивающего преемственность лексико-грамматического материала при различном сочетании нового с уже известным, чем обеспечивается перенос уже приобретенных навыков оперирования материалом при чтении каждого нового текста. *Референциальная функция языка* актуальна на подготовительном факультете, поскольку иностранные студенты и студентки подготовительного факультета — это в основном молодые люди 18-20 лет. Цикличность расположения учебного материала позволит увеличивать число комбинаций уже известного с неизвестным в новых связях и ситуациях.

Изучение естественно-научных дисциплин параллельно с обучением русскому языку, с закреплением лексического и грамматического материала на занятиях по научному стилю речи предполагает своевременную необходимую корректировку содержания и методики проведения занятий. Проблемы преемственности в процессе обучения, установления связей предмета со сферой потребностей, интересов, социальных контактов студента, расширения его коммуникативной компетенции, предполагают формирование активного профессионального словаря, критерием отбора лексики для которого является частотность и распространенность употребления в рамках определенной темы.

Здесь уместно будет вспомнить о изложенном выше *вмешательстве экстралингвистических факторов в язык и речь. Язык рассматривается не только изнутри, в терминах его формальных свойств (таким было бы формалистское объяснение, устанавливающее отношения между элементами исключительно языкового произведения — текста), но и извне, с точки зрения того, что он дает системам, в которые входит в качестве подсистемы, — культурам, социальным системам, системам мнений* [1].

В когнитивной лингвистике и психологии до конца не решен вопрос о ментальной сущности и состоянии, воли, интенции, представлений о внешнем мире, которые формируются конкретной культурой. *Человек детерминирован историей и культурой прежде всего, и только потом природой* [Брунер]. *Несимметричность процессов анализа (понимания, восприятия) и синтеза (реакции на понятое)* [4], в большей степени наблюдаемое в процессе изучения иностранного языка не может быть объяснена лишь методами этих двух дисциплин.

Психолингвистика в России — это прежде всего часть лингвистики, и вслед за психологом А.Н. Леонтьевым, который считает, что человек в своем поведении руководствуется социально-культурным опытом (который и есть продукт культуры), мы приходим к выводу важности места текста в социальном контексте (получение информации о специальности в агрономических текстах), который, тем не менее, дает возможность погрузиться в менталитет русских, решая попутно центральную задачу когнитивной лингвистики — описать и объяснить внутреннюю когнитивную структуру и динамику, *в нашем случае*, преподавателя-студента.

Л и т е р а т у р а

- [1] Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
- [2] Зубкова Л.Г. Лексичность/грамматичность языка и степень его членораздельности как типологическая детерминанта. М., 1997.
- [3] Кононов А.Н. Турецкий язык // Языки мира: Тюркские языки. М., 1997.
- [4] Леонтьева Н.Н. О предмете «Прикладная лингвистика» // Московский Лингвистический альманах. М., 1996. Вып. I.
- [5] Мельников Г.П. Этническое самосознание и тип языка. М., 1997.
- [6] Фрумкина Р.М. «Куда ж нам плыть?» // Московский Лингвистический альманах. М., 1996. Вып. I.
- [7] Цейтин Г.С. Из «Тезисов выступления на Круглом столе» // Московский Лингвистический альманах, вып. I. М., 1996.
- [8] Элиот Т.С. Письма. 1933. М., «Совершенство», 1997.

**Самоучитель иностранного языка
как канал опосредованного педагогического общения
автора и автолингводидакта**

© кандидат педагогических наук А. В. Рябоконт, 1997

Одной из характерных примет нашего времени является повышение интереса к такой форме овладения иностранным языком, как самообучение. Этот интерес вызван прежде всего неспособностью школьного, вузовского и курсового обучения, а также обучения под руководством частного преподавателя в полной мере удовлетворить растущие потребности весьма внушительного в количественном отношении и разнообразного качественно контингента лиц, движимых теми или иными мотивами и желающих овладеть тем или иным иностранным языком на том или ином уровне в том или ином объеме. В связи с тем, что учебник традиционно считается важнейшим средством обучения иностранным языкам, а целостная концепция оптимального самоучителя как особой разновидности учебников до настоящего времени не была предметом специальных исследований, теоретическое обоснование и научно-методическая разработка такой концепции представляется весьма актуальной задачей.

Разработка любой теории, в том числе педагогической, неизбежно сопряжена с формированием системы понятий, отражающих всю объективно-предметную область, в рамках которой осуществляется исследование, а также с установлением взаимосвязей элементов этой теории. Данное положение особенно справедливо в отношении исследований, знаменующих новый (в проблемно-тематическом и/или качественном планах) этап развития соответствующей дисциплины.

Исходным понятием обосновываемой и излагаемой в данной работе концепции является понятие "самообучение иностранному языку", поскольку, как представляется, на признание широкой читательской аудитории и длительное функционирование может претендовать только самоучитель, являющийся материальным воплощением строгой научной теории, основным показателем валидности которой является ее адекватность целям самообучения как специфической формы овладения иностранным языком.

Самообучение, согласно нашему определению, — это такая форма овладения иностранным языком, которая характеризуется:

- 1) полной свободой автолингводидакта — субъекта самообучения — в выборе всех параметров своей деятельности;
- 2) его осознанием самообучения как формы именно учебной, а не какой-либо иной познавательной деятельности;
- 3) полной ответственностью субъекта за осуществление своей деятельности во всех ее звеньях, что предполагает осуществление им соответствующих учебных функций и требует наличия соответствующих внутренних и внешних условий деятельности.

К учебным функциям автолингводидакта мы относим:

- 1) мотивационно — стимулирующую — осознание субъектом мотивов его деятельности самообучения в целом, а также стимулов, побуждающих к осуществлению отдельных актов учебной деятельности;
- 2) гностическую — ориентация во внешних и внутренних условиях деятельности;
- 3) проектирующую — планирование деятельности самообучения;
- 4) организующую — параметризация каждого конкретного акта деятельности, то есть определение задачи, места, времени, средств и способов его осуществления;
- 5) конструктивную — отбор и синтез материала, который является для субъекта наиболее актуальным, нужным и интересным и в то же время достаточно доступным его пониманию;
- 6) регулятивно-исполнительскую — регуляция субъектом собственной деятельности в процессе решения учебных задач;
- 7) контролирующую — обеспечение соответствия результатов выполняемой деятельности ее целям и задачам;
- 8) оценочную — определение степени соответствия результатов выполняемой деятельности ее целям и задачам;
- 9) корректирующую — устранение несоответствий между целями и задачами учебной деятельности, с одной стороны, и ее результатами — с другой;
- 10) прогностическую — формулирование субъектом заключения относительно дальнейших перспектив своей деятельности;
- 11) модифицирующую — трансформация индивидуальной модели самообучения в случае неблагоприятных прогнозов относительно дальнейших перспектив деятельности.

Для осуществления автолингводидактических функций необходимы соответствующие внутренние и внешние условия. К внутренним условиям мы относим все индивидуально-психологические, коммуникативно-речевые и когнитивные свойства автолингводидакта, которые

оказывают влияние на ход и результаты самообучения. Внешние же условия возникают объективно (в результате действия социальных факторов) и/или субъективно (как следствие деятельности представителей педагогической науки и самого автолингводидакта).

Условия первой группы совокупно представляет автолингводидактическая компетенция — это способность индивида к самообучению иностранному языку, обусловленная комплексом внутренних условий, важнейшими из которых являются мотивационная готовность, волевые качества, априорный коммуникативный опыт и образовательный уровень автолингводидакта.

На ход и результаты самообучения иностранному языку, наряду с внутренними, оказывают существенное влияние и многочисленные внешние факторы, которые, несмотря на сугубо индивидуальный характер самообучения, преимущественно социальны по своей природе. Наиболее значимые из этих факторов мы связываем с понятием "автолингводидактическая среда", под которой понимаем совокупность внешних условий самообучения иностранному языку, интегрирующую устные и письменные, учебные и неучебные источники информации, а также технические и другие вспомогательные средства, привлекаемые автолингводидактом для решения конкретных задач своей деятельности в конкретное время и в конкретном месте ее протекания.

Внутренние и внешние условия самообучения иностранному языку — это не данность, а результат усилий как самого автолингводидакта, так и создателей средств самообучения, прежде всего авторов самоучителей. Автор самоучителя — это субъект методического обеспечения самообучения иностранным языкам, под которым нами понимается система средств научно обоснованного педагогического воздействия на автолингводидакта и взаимодействия с ним, адекватных специфике данной формы изучения языка и имеющих своей функцией создание оптимальных внешних и внутренних условий протекания процесса самообучения.

Исходя из того, что несамостоятельное изучение иностранных языков может быть охарактеризовано формулой уравнения "обучение = преподавание + учение", мы попытались по аналогии определить неизвестный член уравнения "x = методическое обеспечение самообучения иностранному языку + самообучение иностранному языку" с тем, чтобы выявить характер совместной деятельности автора самоучителя и автолингводидакта, в контексте рассмотрения которой эти два понятия только и могут приобрести свою максимальную определенность, и одновре-

менно определить фактор, интегрирующий внутренние и внешние условия самообучения.

Представляется, что таким фактором является опосредованное педагогическое общение, воплощающее взаимосвязь и взаимообусловленность деятельности (1) автора самоучителя — субъекта методического обеспечения самообучения, партнера-инициатора общения, генератора концепции и конструктора самоучителя и (2) автолингводидакта — активно реагирующего партнера по общению, интерпретатора, модификатора и реализатора авторской концепции. Таким образом, самоучитель выступает как канал опосредованного педагогического общения автора и автолингводидакта, что предполагает в дальнейшем комплексное рассмотрение компонентов триады "автор — самоучитель — автолингводидакт" [8].

Самоучитель, будучи особой разновидностью учебников иностранных языков, может рассматриваться как знаковая система на прагматическом, семантическом и синтаксическом уровнях. В литературе по знаковым системам [9] указывается, что прагматический уровень рассмотрения сосредоточивает внимание исследователя на отношении участников общения к знаковым комбинациям и выражаемому ими содержанию, а также на отношениях между самими общающимися. К области семантики относятся (а) отношения материальных объектов, выступающих в качестве знаков, к репрезентируемым ими объектам и ситуациям, а также (б) тот смысл, который связывается со знаками участниками общения. Синтаксическим называется уровень рассмотрения, устанавливающий, какие объекты могут использоваться в качестве знаков, какие комбинации знаков допустимы в качестве средств общения.

В терминах теории учебника иностранного языка прагматический уровень соотносится с внутренней структурой учебника, семантический — с его содержанием, синтаксический — с внешней структурой. Иными словами, речь идет об основных параметрах самоучителя, приведение которых в соответствие с особенностями самообучения иностранному языку, внешними и внутренними условиями этой деятельности является важнейшей предпосылкой оптимизации самостоятельного изучения языка.

Антропоцентризм нашей концепции обусловил выдвижение в качестве определяющего фактора формирования внутренней структуры самоучителя и конструирования учебника в целом триединую сущность автолингводидакта как носителя индивидуально-психологических

свойств, априорного коммуникативного опыта и образовательного уровня, являющихся частью автолингводидактической компетенции, которая, обеспечивает реализацию всей совокупности автолингводидактических функций в системе. На этой основе мы выделяем три аспекта опосредованного педагогического общения в процессе самообучения иностранному языку [9].

Личностный аспект опосредованного педагогического общения соотносится с межличностным контактом, под которым в данной работе понимается взаимодействие автора самоучителя и автолингводидакта как носителей тех или иных индивидуально-психологических свойств.

Межличностный контакт сопряжен с воспитательной целью методического обеспечения самообучения иностранному языку, которая может трактоваться и как глобальная цель современной педагогической науки, в том числе лингвометодической. Эта цель, согласно нашим представлениям, состоит в создании оптимальных условий для формирования активных, творческих, цивилизованных, гуманитарно и гуманистически ориентированных личностей, стремящихся и способных к постоянному и всестороннему самосовершенствованию, к взаимопониманию и взаимодействию с носителями различных индивидуально-психологических, антропологических, национально-культурных, языковых, политических, философско-религиозных, имущественных, профессионально-образовательных и иных особенностей во имя всеобщего блага человечества.

Достижению данной цели содействует реализация принципа ориентации самоучителя на методическое обеспечение условий межличностного контакта автора и автолингводидакта, который предусматривает учет исходного состояния и совершенствование индивидуально-психологических свойств автолингводидакта — мотивационной готовности, волевых качеств и способностей к овладению иностранными языками.

Лингвокультурный аспект опосредованного педагогического общения соотносится с лингвокультурным взаимодействием автора и автолингводидакта как носителей тех или иных языков и обслуживаемых ими культур [3, 4]. При этом автор может выступать и как реальный, и как условный их носитель, то есть быть посредником между ними и автолингводидактом, являясь в повседневной жизни носителем родного языка автолингводидакта и его культуры, либо билингом.

Опосредованное педагогическое общение в его лингвокультурном аспекте ориентировано: 1) на формирование иноязычной коммуника-

тивной компетенции автолингводидакта, под которой мы понимаем способность индивида к общению в рамках более или менее широкого круга сфер, тем, ситуаций и видов речевой деятельности с большим или меньшим приближением к объему и уровню сформированности компетенции среднего носителя соответствующего языка и обслуживаемой им культуры; 2) привитие ему культурной грамотности, предполагающей не только владение теми или иными видами речевой деятельности, но и традиционно-национальными сведениями и оценками как символами, общими для всех образованных носителей данного языка и обслуживаемой им культуры [7]. В первом случае речь идет о коммуникативной (практической), а во втором — об образовательной цели методического обеспечения самообучения иностранному языку средствами самоучителя.

Достижению этих целей способствует реализация принципа ориентации самоучителя на методическое обеспечение условий лингвокультурного взаимодействия автора и автолингводидакта. Этот принцип предусматривает учет исходного состояния и совершенствование априорного коммуникативного опыта и сопрягаемой с ним культурной грамотности автолингводидакта.

Учебный аспект опосредованного педагогического общения соотносится с учебным сотрудничеством автора самоучителя и автолингводидакта, то есть их субъект-субъектным взаимодействием в совместном дидактически организованном автором решении учебных задач [5].

При этом ставится двуединая цель формирования и совершенствования автолингводидактической компетенции в той ее части, которая соотносится с автолингводидактическими умениями как компонентами образовательного потенциала личности. Эта цель может быть одновременно охарактеризована как образовательная и как развивающая, так как ее достижение открывает автолингводидакту практически неограниченные возможности для самообучения и самообразования в различных областях познавательной, коммуникативной и практической деятельности человека.

Достижению данной цели способствует реализация принципа ориентации самоучителя на методическое обеспечение условий учебного сотрудничества автора и автолингводидакта, который предполагает учет исходного состояния автолингводидактических умений самообучающегося и их совершенствование с целью научной организации его учебной деятельности.

Переходя к содержанию самоучителя, выскажем мнение о том, что в оптимальный самоучитель иностранного языка должна включаться содержательная информация следующих видов:

1) контактоустанавливающая — сведения об отношении автора к автолингводидакту как носителю определенных индивидуально-психологических, коммуникативно-речевых и когнитивных свойств;

2) метаязыковая — сведения о семантических, структурных, парадигматических и синтагматических особенностях языковых единиц;

3) предметная — энциклопедические знания о различных сторонах действительности (актуальной, минувшей, предполагаемой), в первую очередь стран контактирующих в самоучителе языков и культур;

4) сопровождающая сведения о нормах и традициях общения — вербального и невербального, принятого в тех или иных лингвокультурных сообществах;

5) фоновая — сведения о том, какое место в системе ценностей носителей языка занимает тот или иной идеальный и/или материальный объект, факт, процесс;

6) автолингводидактическая — сведения об оптимальном характере выполнения учебных действий на всех этапах деятельности самообучающегося.

Внешняя структура самоучителя включает следующие составляющие: 1) компоненты учебного комплекса (базовый учебник, дополнительные и вспомогательные пособия, аудиовизуальные средства самообучения); 2) рубрикации учебника, его деление на части; 3) внешнюю организацию урока (выделение этапов урока и/или рубрик внутри него); 4) расположение вербального и невербального материала [2].

В зависимости от того, какой семиотический код используется автором и какие незнакомые компоненты он включает в самоучитель для достижения прагматического эффекта, различаются:

1) вербальные знаковые графические и звучащие тексты различных стилей, жанров и манер общения;

2) вербально-невербальные знаковые тексты, например, схемы, чертежи, графики, формулы и т.д. с подписями, комментариями, пояснениями и т.д.;

3) невербальные знаковые сообщения, например, статистические таблицы, математические формулы, записи химических процессов, модели процессов, схемы устройств и технологических линий;

4) невербальные и незнакомые материалы, например, ситуативные и тематические иллюстрации, изображения реалий [2].

Вербальные средства кодирования содержательной информации различаются, в свою очередь, по отнесенности к изучаемому и родному языку автолингводидакта. На основании данного критерия мы выделяем:

- 1) тексты, в основном построенные на материале родного языка с включением слов, словосочетаний, предложений, групп предложений на изучаемом языке;
- 2) тексты, в основном построенные на материале изучаемого языка и включающие единицы родного языка — слова, словосочетания, предложения, группы предложений;
- 3) единицы информации, построенные исключительно на материале родного языка — слова, словосочетания, предложения, группы предложений, тексты;
- 4) единицы информации, построенные исключительно на материале изучаемого языка — слова, словосочетания, предложения, группы предложений, тексты;
- 5) слова, словосочетания, предложения, группы предложений, тексты на изучаемом языке, снабженные параллелями на родном языке.

Решение вопроса о том, какие же конкретно сочетания вербальных и невербальных, знаковых и незнаковых, одноязычных и двуязычных единиц информации наиболее целесообразно использовать в том или ином случае, как эти единицы располагаются в рамках компонентов внешней структуры самоучителя, в известной степени определяется внутренней структурой и содержанием учебника.

Подводя итоги сказанному в данной статье и интерпретируя в преломлении к нашему исследованию высказывание А.А. Леонтьева [6], можно сделать вывод о том, что опосредованное педагогическое общение в процессе самообучения иностранному языку — это профессиональное общение автора самоучителя и автолингводидакта, имеющее определенные педагогические функции и направленное на создание благоприятного психологического климата, оптимизацию деятельности самообучающегося во всех ее звеньях.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Арутюнов А.Р.* Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М., 1990.
- [2] *Бим И.Л.* Ключевые понятия теории учебника: структура и содержание // Содержание и структура учебника русского как иностранного. Сб. статей / Сост. Трушина Л.Б. М., 1981.

- [3] Дешериева Ю.Ю. Учебник русского языка как модель межкультурной коммуникации // Русский язык за рубежом. 1984. № 1.
- [4] Дешериева Ю.Ю. Учебник русского языка для иностранцев как средство лингвокультурного взаимодействия // Содержание и структура учебника русского языка как иностранного / Сост. Трушина Л.Б. М., 1981.
- [5] Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М., 1989.
- [6] Леонтьев А.А. Педагогическое общение. М., 1994.
- [7] Методика преподавания русского языка как иностранного // VII Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы "Русский язык и литература в общении народов мира" [Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г., Вятюнев М.Н. и др.] М., 1990.
- [8] Рябоконт А.В. Опосредованное педагогическое общение в процессе самообучения неродному языку: личностный, лингвокультурный и учебный аспекты // Русская филология. Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. Харьков, 1995. № 1.
- [9] Смирнова Е.Д. Основы логической семантики: Учеб. пособие. М., 1990.

**Вопросы организации преподавания
фонетики и интонации русского языка
на продвинутом этапе обучения
(аудиторная и самостоятельная работа)**

© кандидат филологических наук *Е.Л. Бархударова, 1997*

Курс русской фонетики и интонации занимает особое место в общей структуре преподавания РКИ. Во-первых, следует отметить его относительную самостоятельность, особенно на продвинутом этапе обучения, когда связь фонетического аспекта со всеми остальными не следует абсолютизировать. Во-вторых, этот курс предполагает особый подход к организации самостоятельной работы учащихся, что важно как в процессе очного обучения русскому языку, так и, главным образом, при обучении в очно-заочной форме, когда изучение языка под руководством преподавателя в значительной степени сочетается с самостоятельным его изучением.

Как известно, корректировочный курс русской звучащей речи условно делится на три части. Во-первых, в рамках этого курса проводится корректировочная работа в области звуков; во-вторых, продолжается изучение фонетического слова и его организации; в-третьих, идет обучение интонации и коммуникативному анализу звучащего предложения. Образцовый урок по русской звучащей речи также содержит три части.

Корректировочный курс по фонетике и интонации, который проводится на продвинутом этапе обучения, предполагает аспектные занятия. Это значит, что основное требование к любому занятию на этом этапе — необходимость взаимодействия всех аспектов при ведущей роли одного — может быть отнесено и к занятиям по звучащей речи. Однако соединение основного и фонетического курсов на продвинутом этапе обучения не может быть достигнуто в полной мере в силу относительной самостоятельности фонетического аспекта и наличия ряда ограничений, накладываемых на грамматический и лексический материал, который используется в ходе занятий по звучащей речи.

Относительная самостоятельность фонетического аспекта, в сравнении с другими аспектами (лексическим, словообразовательным, морфологическим, синтаксическим), определяется, по всей видимости, при-

чинами объективного характера, поскольку относительно самостоятелен и фонетический уровень языка. В нём пересекается значимое и незначимое в языке. Основная единица фонетического уровня — фонема — сама по себе лишена значения, но служит для различения значимых единиц языка — слов и морфем¹. В этом специфика фонетического уровня, определяющая его особое положение в системе языка, а значит, как следствие, и своеобразие преподавания фонетики в различных аудиториях.

Грамматический и лексический материал в курсе звучащей речи подчинён задачам преподавания звучащей речи. По этой причине на занятиях по фонетике и интонации он должен быть, прежде всего, проще, чем на других занятиях. Сложность его должна нарастать постепенно. Постановка звуковых единиц, противопоставленных, например, по глухости-звонкости или твёрдости-мягкости начинается с минимальных фонетических пар слов (*пыл, пыль; был, бьль*). Очевидно, что с фонетической точки зрения этот материал сложен, хотя он очень прост с лексико-грамматической точки зрения.

По мере того, как изучается фонетическая программа, материал может усложняться и появляются новые возможности для сочетания фонетического курса с основным, в задачу которого входят, главным образом, изучение лексико-грамматического материала и развитие речи. Таким образом, это сочетание, образно говоря, напоминает форму перевёрнутого треугольника: постепенное расширение лексико-грамматического материала в фонетическом курсе облегчает задачу объединения его с основным.

Организация аспектного урока по звучащей речи, повторяя общие принципы организации любого урока, также имеет свою специфику. Последовательность упражнений обычная: упражнения рецептивного характера (знакомство с языковым материалом), репродуктивные упражнения (воспроизведение языкового материала при наличии языковых опор) и упражнения, соотносимые с понятием "продукция" (выход в речь). Возможны промежуточные упражнения рецептивно-репродуктивного и репродуктивно-продуктивного характера. Однако на занятиях по звучащей речи существует особый подход к тому, что считать рецепцией, что — репродукцией и что — продукцией².

¹ См. об этом: *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956. С. 35-40.

² Понятия "упражнение" и "задание" в настоящей статье употребляются как синонимичные. Существующий в литературе по методике преподавания РКИ взгляд, согласно 116

Для того, чтобы показать специфику подхода к классификации упражнений на занятии по фонетике и интонации, можно привести следующий пример. На занятии по грамматике и лексике упражнения, предполагающие чтение предложений или текста, обычно носят рецептивный характер: учащиеся знакомятся с языковым материалом. При изучении фонетики и интонации самостоятельное чтение без опоры на голос диктора (или преподавателя) является заданием продуктивного плана.

Рецептивные упражнения на уроке по звучащей речи — это упражнения с формулировкой "*Слушайте. Обратите внимание на...*". Рецептивно-репродуктивные упражнения — это упражнения на постановку фонологического слуха, выполняя которые учащиеся должны определить, какая именно звуковая единица (например, глухая или звонкая, твёрдая или мягкая, переднего или заднего ряда) произнесена, какая именно ритмическая модель слова представлена или какова интонационная характеристика произнесённого предложения (тип ИК, место интонационного центра, наличие и место синтагматического членения). Последнее предполагает интонационную транскрипцию предложения.

Следует отметить, что при изучении звучащей речи рецептивно-репродуктивные упражнения играют особенно важную роль. Обычно они имеют формулировку типа "*Слушайте. Определите (укажите, запишите)...*"

Повторение слогов, слов, синтагм или предложений за диктором (или преподавателем) — это упражнения репродуктивные (формулировка "*Слушайте и повторяйте за диктором...*"). Различные виды замен и преобразований (например, замена слогов с твёрдыми согласными на слоги с мягкими согласными или преобразование повествовательных предложений в вопросительные) представляют собой упражнения репродуктивно-продуктивного плана (формулировки типа "*Преобразуйте...*" или "*Замените...*"). Для сравнения можно вспомнить, что в грамматике тот или иной вид преобразований чаще всего представляет собой репродуктивное упражнение.

которому следует различать эти два термина, понимая под упражнением учебное действие, направленное на достижение языковой и речевой компетенции, а под заданием — учебное действие, направленное на достижение коммуникативной компетенции, представляется вполне правомерным (см. об этом: *Арутюнов А.Р., Костина И.С.* Коммуникативная методика русского языка как иностранного и иностранных языков. М., 1992). Однако в настоящее время в учебниках и учебных пособиях эти два понятия обычно не противопоставлены, а употребляется какое-либо одно из них. Соответственно и в данной статье эти два термина употребляются как синонимичные.

Наконец, самостоятельное (без каких-либо опор на голос диктора или преподавателя) говорение или чтение вслух для фонетики и интонации определяют "выход в речь". В простейшем случае заданием продуктивного характера является предлагаемое после пройденной фонетической темы задание с формулировкой "*Приведите примеры*". К продуктивным заданиям относятся также самостоятельное чтение слов, словосочетаний, предложений, текстов (в частности, в интонационной транскрипции), составление в устной форме текстов монологического и диалогического характера, различные звуковые и интонационные игры: например, задание сказать несколько фраз на родном языке, копируя речь русского.

Продуктивными в ходе изучения звучащей речи будут также упражнения на словообразование и формообразование. Например, в конце изучения темы "Редукция русских гласных после твёрдых согласных" учащимся предлагается образовать от прилагательных существительные с суффиксом "-ость": *честный* — *честность* и т.п.³ После отработки противопоставления веларизованного "л" и палатализованного "л'" возможны упражнения на образование форм прошедшего времени от инфинитива глаголов: *писать* — *писал, писала, писали*; *видеть* — *видел, видела, видели*. В ходе изучения противопоставления шипящих "ш"- "щ" полезно дать упражнение на образование от глаголов действительных причастий настоящего и прошедшего времени: *говорит* — *говорящий, говоривший*.⁴

Во время выполнения упражнений такого типа учащийся вынужден, в первую очередь, сосредоточиться не на фонетике, а на словообразовании или формообразовании. Это даёт возможность проверить, насколько хорошо отработана фонетическая тема.

³ См., например, упражнения в книге *Одиной И.В.* "Пособие по фонетике и интонации русской звучащей речи" [М., 1988], с.9.

⁴ Если для учащихся оказывается трудным образование причастий от инфинитива, то можно предложить образование действительных причастий настоящего времени от формы 3 лица множественного числа настоящего времени (*говорят* — *говорящий*), а действительных причастий прошедшего времени от формы мужского рода единственного числа прошедшего времени (*говорил* — *говоривший*). Следует подчеркнуть, однако, что стремление к облегчению грамматического материала в данном случае было бы неправомерным, так как задача состоит в том, чтобы проверить степень сформированности навыков и умений на фонетическом материале. Соответственно грамматический материал должен быть достаточно труден, чтобы учащиеся на этом этапе проверки были сосредоточены на грамматическом, а не на фонетическом материале. Как бы то ни было, может быть предложено более или менее трудное упражнение, в зависимости от возможностей учащихся.

Специфику занятий по звучащей речи составляет наличие упражнений, направленных на тренировку речевого аппарата учащихся и обучение их контролю ощутимых моментов артикуляции. К числу их относятся упражнения, в которых учащимся предлагается округлить и вытянуть губы, сначала немного, а затем сильнее (главным образом, для звуков [o] и [y]), или оттянуть всё тело языка назад, а потом продвинуть вперёд (для передних и задних артикуляций — в особенности, для звука [ы]).

Описание упражнений такого плана дано в книге Е.А. Брызгуновой "Звуки и интонация русской речи".⁵ К перечисленным в этой книге упражнениям можно добавить и некоторые другие, направленные на постановку конкретных звуков. При постановке звонких смычных согласных носителям некоторых языков, например, корейского и китайского, нередко возникают серьёзные проблемы. Если более простые приемы не дают результатов, то для звука [б] можно порекомендовать упражнение, описанное в книге Ф.А. Рау и Ф.Ф. Рау "Методика обучения глухонемых произношению".

В случаях, когда звук [б] не произносится достаточно звонко, авторы предлагают сначала дуть сквозь сближенные ненапряжённые губы, после этого к дутью прибавить голос и, наконец, во время дутья сомкнуть и разомкнуть губы. Выполняя последнее артикуляционное движение, можно помочь себе рукой, если горизонтально приложить к нижней губе указательный палец и произвести движение вверх и вниз, таким образом смыкая и размыкая губы.⁶ В работе с иностранцами успех постановки одного смычного звонкого согласного делает более простой постановку остальных.

При работе над крайне трудным для иностранных учащихся русским звуком [р] можно порекомендовать поболтать языком у альвеол во время произношения альвеолярных [z] или [ž]. Произнося эти звуки, рекомендуется также слегка раскачивать язык вправо и влево пальцем или каким-либо предметом, например, детской соской, в которую предварительно будет набита вата. (Важно, чтобы предмет был не очень твёрдым: иначе можно поранить язык). Существует и ряд других упражнений, целью которых является развитие артикуляционного аппарата учащихся.

⁵ См. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.

⁶ См. Рау Ф.А., Рау Ф.Ф. Методика обучения глухонемых произношению. М., 1955. С. 126.

В связи с классификацией упражнений на занятиях по фонетике и интонации возникает вопрос о том, как использовать упражнения различного характера в ходе аудиторных занятий и самостоятельной работы учащихся. Этот вопрос важен не только для разделения аудиторной работы и домашних заданий, но также имеет особое значение для очно-заочных курсов преподавания русского языка, в которых различные виды самостоятельной работы занимают гораздо большее место, чем аудиторные занятия под руководством преподавателя. Вместе с тем очевидно, что фонетический аспект является самым трудным для заочного обучения: в ходе изучения звучащей речи особенно желателен контакт учащегося с преподавателем.

Поэтому если при очных формах обучения преподаватель может по-разному распределять фонетико-интонационный материал с учётом аудиторной и самостоятельной работы учащихся, то в очно-заочных курсах крайне важно организовать небольшую по времени аудиторную и значительную по времени самостоятельную работу, а также порядок их чередования так, чтобы можно было максимально помочь учащимся в освоении особенностей русской фонетики. Известно, что постановке правильного произношения всегда должно предшествовать формирование правильного фонологического слуха. Этот вид работы, безусловно, может быть проделан во внеаудиторных условиях самостоятельно.

Сказанное означает, что рецептивные и рецептивно-репродуктивные упражнения, в основном, могут выполняться в ходе самостоятельной работы. В этом случае к соответствующим учебным пособиям и разработкам должен быть приложен звучащий материал (магнитофонная плёнка), при этом упражнения рецептивно-репродуктивного характера, в которых учащиеся определяют фонетические и интонационные единицы, должны быть снабжены системой ключей. Иными словами, на плёнке сначала должно быть дано упражнение на аудирование материала, которому соответствует письменный текст пособия, а затем упражнение на определение фонетических и интонационных единиц, которые учащийся может записать под диктовку, а затем проверить себя по ключу.

Очевидно, что постановочная работа не может проходить в отсутствие преподавателя. В этом случае слишком велик риск закрепления неправильных навыков произношения. Разумеется, предварительно возможно самостоятельное знакомство учащихся с особенностями русской артикуляционной базы, русской ритмики, интонационными средствами русского языка и т.д., однако всё это должно носить преимуще-

ственно пассивный характер. Конкретная же постановка звука должна выполняться в аудитории под руководством преподавателя.

Помощь преподавателя также необходима в ходе отработки той или иной фонетической трудности. Поэтому упражнения репродуктивного характера желательно делать или хотя бы начать делать в аудитории. Дальнейшую работу допустимо проделать самостоятельно вплоть до обязательного окончательного контроля, который вновь проводится преподавателем.

Отсутствие постоянного контакта учащихся с преподавателем при заочном обучении обуславливает, кроме того, особую значимость вопроса о прогнозировании иностранного акцента в русской речи. При очном обучении преподаватель имеет возможность учесть в процессе преподавания индивидуальный акцент каждого учащегося. При заочном же обучении обычного для учебников и учебных пособий по фонетике общего описания фонетических и интонационных средств русского языка недостаточно.

В заочных курсах описание обязательно должно быть адресовано конкретному в языковом отношении контингенту и основываться не только на общем анализе, но и на частных сопоставительных исследованиях. В последнее время значение таких исследований для практического изучения русского языка неоднократно подчёркивалось в научной литературе.⁷

При этом общепринятым в ходе сопоставления в области сегментной фонетики является анализ системных расхождений в русском языке и родном языке учащихся, т.е. расхождений в фонологических оппозициях (наборе фонем и их дифференциальных признаков). Фонетические закономерности, связанные с функционированием фонем, т.е. реализацией их в звуках, а их признаков — в признаках звуков, в сопоставительном плане освещаются редко. Обычно рассматриваются лишь законы русской фонетики: редукция русских гласных, оглушение согласных на конце слова, различные ассимилятивные процессы. Между тем в ходе практического изучения фонетики важен учёт особенностей функционирования фонем как в изучаемом языке, так и в родном языке учащихся.

Законы функционирования фонем в изучаемом языке не воспринимаются учащимися, если они не совпадают с законами функциониро-

⁷ См. об этом, например: *Вагнер В. Н.* Обучение произношению русского языка как иностранного на основе методики национально-языковой ориентации. // Фонетика в системе языка: Тезисы II Международного симпозиума МАПРЯЛ (Москва, 19-22 ноября 1996 г.). М., 1996. — С.117.

вания фонем в их родном языке. Именно так носителями большинства языков не воспринимаются редукция русских гласных, оглушение согласных на конце слова и другие закономерности русской фонетики. Интересно отметить, что несоблюдение этих закономерностей обычно затрагивает норму произношения и крайне редко приводит к изменению или искажению смысла. Например, произношение "м[о]л[о]ко", вместо "м[ъ]л[а]ко", или "са[d]", вместо "са[t]", в иностранном акценте не делает русское слово неузнаваемым.

Законы функционирования фонем в родном языке переносятся учащимися на изучаемый язык. Последовательный учёт этих законов практически никогда не соблюдается в ходе составления фонетических программ. Между тем законы функционирования фонем в родном языке, не совпадая с законами их функционирования в изучаемом языке, могут создавать серьёзные проблемы при изучении фонетики.

Часто наличие именно такого функционирования в родном языке учащихся приводит в русском языке к ошибкам, связанным с изменением или искажением смысла. Среди наиболее распространённых ошибок этого типа можно назвать такие, как нейтрализации носовых сонорных по месту образования на конце слова ("со[n]" вместо "сом" и "сон", "до[n]" вместо "дом" и "дон"), ассимиляции шумных согласных по звонкости перед последующими сонорными ("z]лово" вместо "слово"), а также перед [в]-[в'] ("d]ворец" вместо "творец") и некоторые другие.

Ошибки такого плана чаще всего могут быть исправлены учащимися самостоятельно, если речь идёт не о постановке незнакомых для них звуков, а о постановке знакомых звуков в нетипичной для этих звуков в родном языке учащихся позиции. По этой причине система упражнений, направленная на постановку правильного произношения, должна быть построена с учётом закономерностей функционирования фонем в родном и в изучаемом языках.

Так, для испаноговорящих учащихся, в родном языке которых звонкие смычные в интервокальном положении реализуются во фрикативных вариациях ("a[□]оса[d̥]о" — "адвокат"), возможны самостоятельные упражнения типа: *"Слушайте и повторяйте за диктором слова. Следите за смычным характером звонких согласных [б], [д], [г] в позиции между гласными. Не забывайте, что в русском языке эти согласные в интервокальном положении произносятся так же, как и в абсолютном начале слова: "ра[б]ота", "мо[д]а", "доро[г]а".* В таких случаях, как видно из вышеизложенного, даже упражнения репродуктивного характера могут выполняться учащимися самостоятельно.

В последнее время создаются компьютерные программы, которые могут успешно применяться в ходе изучения русской фонетики и интонации. Роль таких программ во время самостоятельной работы учащихся трудно переоценить. Подобные программы могут давать рисунок-эталон произношения, а рядом — рисунок или контур, отражающие особенности произношения учащегося⁸. Это даёт учащемуся возможность корректировать своё произношение, опираясь не только на слуховое, но и на зрительное восприятие.

Таков круг вопросов, обсуждение которых представляется важным в ходе организации занятий по русской звучащей речи на продвинутом этапе обучения. Изучение фонетики и интонации русского языка может проходить при этом как в очной, так и в очно-заочной формах.

⁸ См. об этом: *Златоустова Л.В., Кедрова Г.Е., Егоров А.М.* Новые технологии в обучении иностранным языкам: Компьютерный курс фонетики русского языка // Международная конференция CALL (21-30 июня 1990 г.): Тезисы докладов. — Казань, 1990. С. 21-22.